ДА ЗДРАВСТВУЕТ И
ВЕЧНО ЖИВЕТ КРЕПКАЯ,
НЕРУШИМАЯ СОВЕТСКО-
КИТАЙСКАЯ ДРУЖБА!

苏中的牢不可破的
友誼万岁，並祝这
种友誼永世長存！

Б. И. Лебедев. ОНИ БЫЛИ У ЛЕНИНА.

На первой странице обложки: Пребывание К. Е. Ворошилова в Китайской Народной Республике. Товарищи К. Е. Ворошилов и Мао Цзэ-дун.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

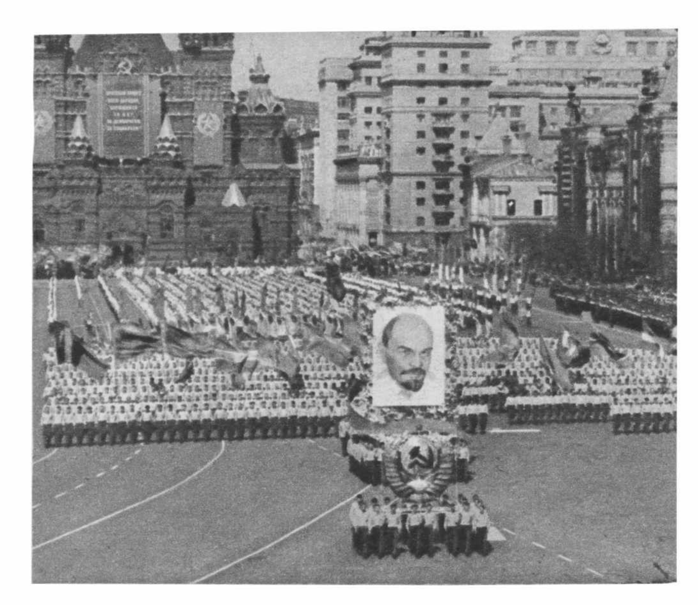
ОГОНЁК

№ 19 (1560) 5 МАЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МОСКВА. 1 МАЯ 1957 ГОДА

Под знаменами Первомая вливаются на Красную площадь людские потоки.

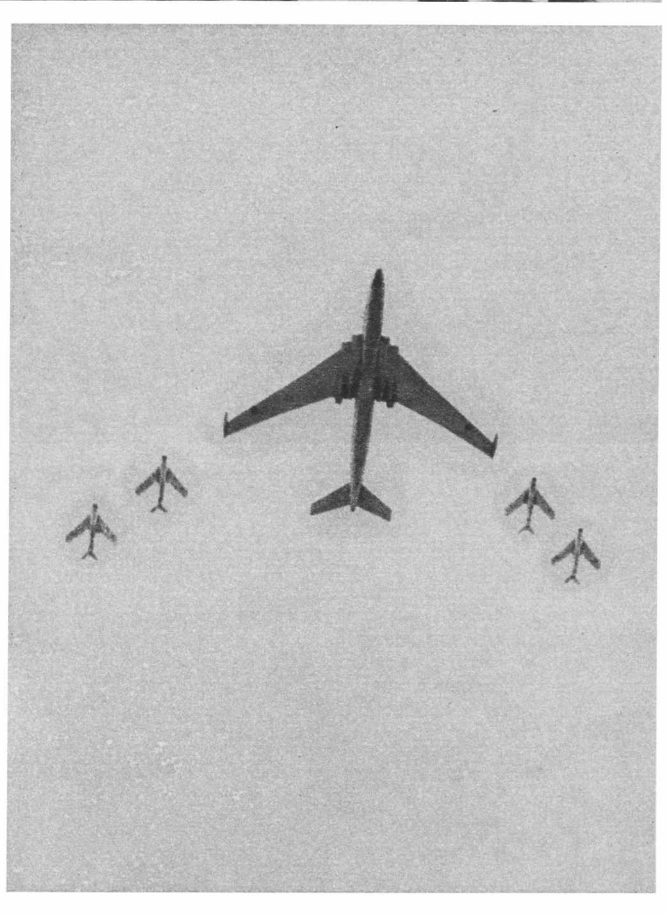

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 1 МАЯ 1957 ГОДА. На трибуне Мавзолея.

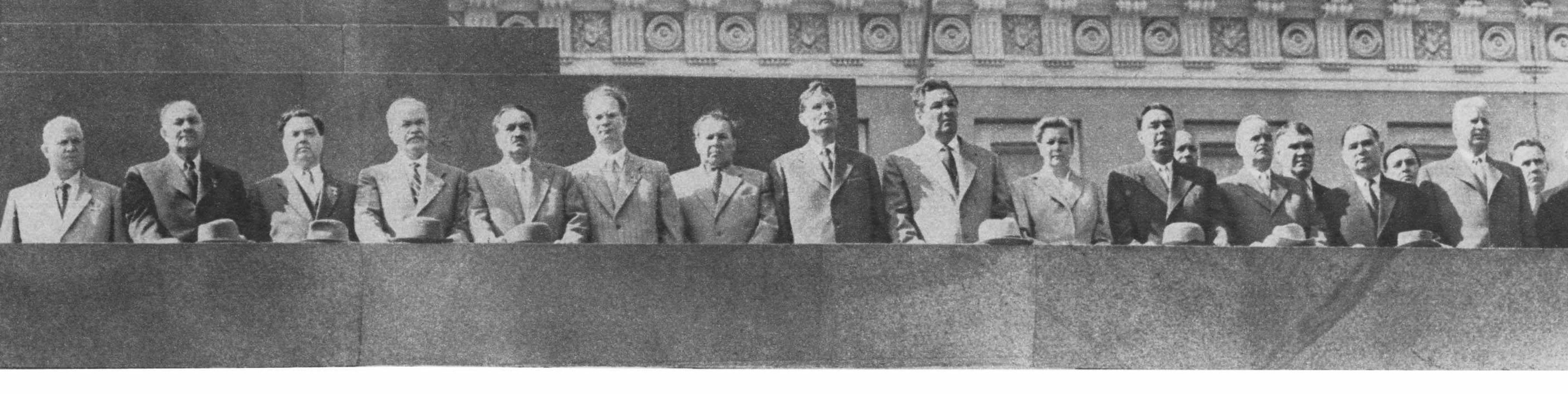

Парад доблестных советских вооруженных сил. Идут солдаты и матросы, сержанты и старшины, офицеры и генералы. Представители всех родов войск участвовали в этом великолепном параде, на котором была продемонстрирована могучая отечественная техника. И вся Красная площадь ликовала, когда в небе Москвы появились крылатые защитники советской Отчизны!

Из различных стран мира прибыли в Москву на праздник дорогие наши гости — рабочие, служащие, деятели науки и искусства.
Радостно приветствуют демонстрантов гости из великого Китая.

Впервые на первомайские празднества в СССР приехали представители профсоюзов Судана.

Цейлонские учительницы увезут на память фотографию советских школьников.

→
Они всей семьей вышли на праздничные улицы столицы.

Фото А. Бочинина, О. Кнорринга, Ю. Кривоносова, Я. Рюмкина, Е. Умнова, С. Фридлянда.

ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ

А. СОФРОНОВ **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

К. Е. Ворошилов в сопровождении Чжу Дэ прибыл на аэродром города Шэньяна (Мукден).

Если бы можно было запомнить и описать лица всех, кого нам довелось видеть во время десятидневной поездки К. Е. Ворошилова и сопровождающих его товарищей Ш. Р. Рашидова, В. П. Елютина, Н. Т. Федоренко, П. Ф. Юдина по провинциям и городам Китая, какая бы получилась изумительная галерея!

Тысячи людей встречали советских гостей, поднимали над головами разноцветные флаги и цветы, и казалось, что на аэродроме мгновенно возникает цветущий сад. Легкие знамена напоминали языки праздничного костра. И когда из самолета выходил товарищ Ворошилов, над полем аэродрома взвивался громоподобный приветственный клич.

Каждый город встречал гостей по-особому, стараясь внести свою выдумку в убранство улиц и зданий. Но было одно общее: живое чувство любви и дружбы, озарявшее лица встречающих. Будь то в Аньшане, над которым вздымаются дымы металлургического комбината, или в Шэньяне, или в многолюдном кипучем Шанхае — всюду, в каждом городе навстречу Клименту Ефремовичу поднимался вихрь знамен, плакатов, маленьких ручонок школьников.

Разве можно забыть встречу в Шэньяне! Более шестисот тысяч человек вышли на улицы, образовав живой коридор. Товарищ Ворошилов и маршал Чжу Дэ стояли в открытой машине. Сильный ветер нес на машину лепестки вишневого цвета. Заходящее солнце скрылось за тучами. Загрохотал гром, пошел дождь, но никто из встречающих не покинул улиц.

А в Шанхае! Сотни тысяч шанхайцев вышли на улицы, десятки тысяч пришли на аэродром. Из Пекина прилетел товарищ Лю Шао-ци. Вместе с ним товарища Ворошилова встречали заместитель Председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей товарищ Сун Цин-лин, секретарь Шанхайского бюро ЦК КПК товарищ Кэ Цин-ши, маршалы Лю Бо-чэн и Линь Бяо, представители городских властей и демократических партий.

Хотя здесь тоже шел дождь, Шанхай выглядел празднично. Товарищ Ворошилов, ведя под руку Сун Цин-лин, вместе с Лю Шао-ци и Линь Бяо обошел встречающих на аэродроме. Навстречу открытой машине, в которой К. Е. Ворошилов ехал вместе с Лю Шао-ци по ликующим улицам города, летели тысячи голубей. Жители Шанхая засыпали машину лепестками роз. Гремели оркестры. Тысячи людей пели песню «Москва — Пекин».

Такие горячие встречи были всюду. Где появлялись советские гости, все улицы бурлили, гремели, кричали стотысячными голосами:

— Да здравствует вечная дружба народов Советского Союза и Китая!

— Привет дорогому товарищу Ворошилову!

...На Аньшаньский металлургический комбинат мы приехали несколько раньше Климента Ефремовича и отправились в цех бесшовных труб. Около шлифовального станка стояла девушка в синей кепке с высоко поднятым козырьком. Мы подошли к ней.

— Как ваше имя?

— Ли Гуй-лань.

— Давно на заводе?

Девушка улыбнулась.

— Давно... Четвертый год. Закончила вечерние курсы. Отец работает в этом же цехе.

— Что бы вы хотели передать советским девушкам?

— О, очень многое! Во-первых, самый горячий привет. Во-вторых, чтобы они учились хорошо и перевыполняли все планы. А в-третьих... а в-третьих... в общем, передайте им все хорошее.

Разговаривая с нами, Ли Гуй-лань, не отрывая глаз, смотрела на ходивший под шлифовальным камнем стол с прикрепленной к нему большой деталью.

— Что вы сейчас шлифуете?

— Приспособление для резки труб.

Мы попрощались с девушкой и подошли к молодому рабочему, стоявшему у фрезерного станка. Это был двадцатитрехлетний Чун Шоу-сяо, пятый год работающий на заводе. Кроме профессии фрезеровщика, он уже успел овладеть и мастерством токаря. Мы спросили, учится ли он сейчас.

— У меня семилетнее образование, кроме того, я много читаю. Мы пользуемся вашими техническими книгами, они нам очень помогают. Если будете что-либо писать о нас, напишите, пожалуйста, что аньшаньский фрезе-

600 тысяч жителей Шэньяна вышли встречать дорогого гостя.

ровщик Чун Шоу-сяо очень любит своих братьев — советских рабочих.

Мы направились к прокатному стану, где короткие раскаленные болванки с грохотом и лязгом превращались в длинные, пышущие жаром трубы. Металлические рычаги хватали раскаленный металл, бросали его, перекатывали с желоба на желоб, потом этот металл появлялся уже остывшим, прошедшим все операции, возле юноши, спокойно промеряющего диаметр каждой трубы. На это зрелище можно было заглядеться.

Через несколько минут мы увидели, каким счастьем осветилось лицо этого юноши, когда на площадку прокатного стана поднялись товарищи Ворошилов, Чжу Дэ и Хэ Лун.

...Шэньян потряс всех широтой гостеприимства. Плакаты, флаги, гирлянды цветов, перекинутые через улицы сплошной цепью, тысячи людей, целый день стоящих возле отеля Ляонин, где расположились советские гости. Бесконечные вереницы людей на улицах. Всем хотелось увидеть Ва Ляо,— так стали запросто называть в китайском народе товарища Ворошилова, что означало «почтеннейший Ворошилов».

На другое утро после прилета гости отправились на Первый станкостроительный завод — новое предприятие, построенное по последнему слову техники. Завод в настоящее время выпускает более трех тысяч станков в год.

Обратив внимание на чистоту и порядок в цехах, Климент Ефремович сказал директору завода:

— Хорошо содержится ваш завод. В чистоте приятно работать. Я по собственному опыту, как старый рабочий, знаю... Стоит немного запустить, навалить всякого мусору, металла ржавого горы накопить, потом из грязи не вылезешь. И на работе отражается... Многое зависит от администрации. Директор хороший— и завод будет таким, а рабочий народ всегда хороший.

Цех ровно гудел. Мы смотрели на фабричные марки станков, которыми он оборудован: Советский Союз, Чехословакия, Венгрия, Германская Демократическая Республика. А вот и станки, выпущенные в Китайской Народной Республике. Здесь наглядно отражалось сотрудничество стран социалистического лагеря, их братская помощь друг другу.

Покидая цех, на конвейере которого собирались токарные станки, товарищ Чжу Дэ, улыбаясь, сказал:

— Я надеюсь, что скоро наступит время, когда мы сумеем поставлять станки и Советскому Союзу.

— И правильно! — воскликнул товарищ Ворошилов.— Лет пятьдесят назад мы ввозили в нашу страну самые простейшие машины. А теперь?..

Предстояла поездка на постоянную промышленную выставку. Руководители завода предложили немного отдохнуть.

— Нет, нет! — сказал товарищ Ворошилов.— Какой может быть отдых!.. Мы приехали работать.

Мягко улыбаясь, маршал Чжу Дэ сказал:

— Нам товарищ Мао Цзэ-дун поручил смотреть, чтобы вы отдыхали.

— Много отдыхать вредно,— не сдавался Климент Ефремович.

Постоянная промышленная выставка Шэньяна покорила гостей своими экспонатами и отличным оформлением. В зале металлургии стояла действующая модель прокатного стана, вырабатывающего бесшовные трубы. Модель пустили в ход.

Климент Ефремович сказал:

— Вчера мы этот стан видели на заводе.

В зале нефти девушка в желтой кофточке отвечала на вопросы гостей особенно быстро и точно. Товарищ Ворошилов внимательно ее слушал, затем спросил:

— Вы инженер?

— Нет, я была работницей.

— А где учились?

— В вечерней школе.

— Вы должны стать инженером. Наш брат, рабочий, должен набираться больше и больше сил! — тепло сказал Климент Ефремович.

— Я обязательно стану инженером, товарищ маршал,— убежденно ответила девушка.

— Вот и молодец! — прощаясь с ней, сказал товарищ Ворошилов.

Девушку обступили репортеры:

— Как ваше имя?

— Ян Гуй-жун...

Гости остановились около карты, на которой нанесены месторождения каменного угля и цифры предполагаемых его запасов. Карта имела внушительный вид. Климент Ефремович задумчиво сказал:

— Немало... Но я убежден: вы найдете и еще много крупнейших месторождений.

На стендах лежали куски различных сортов угля. Указывая на один из них, Ворошилов обратил внимание Чжу Дэ:

— Похож на наш боковский антрацит. Очень ценный и крепкий сорт. Когда возьмешь в руки кусок угля, видишь на нем отпечатавшиеся листья и ветки... Когда-то я в шахтах от царя прятался... знаю эти места.

Маршал интересовался всем: на каких глубинах работают, какое применяют крепление, успешно ли идет добыча открытым способом. Видно, вспомнились Клименту Ефремовичу родные донецкие шахты...

С крыши здания промышленной выставки, куда поднялись гости, были видны десятки заводских корпусов. Да, Шэньян действительно является одним из самых крупных промышленных центров Китая. Недаром его называют Городом тысячи труб.

В том, как быстро крепнет индустриальная мощь Китая, гости убедились еще раз во время посещения пущенного недавно кабельного завода. Это красавец-завод с просторными, высокими цехами. Рабочему здесь вольготно, в цехах легко дышится. В разных направлениях тянутся стальные и медные провода, жужжа извивается раскаленный металл, стоят огромные деревянные катушки с намотанным на них кабелем. И невольно мне вспомнился завод, который я видел в Англии, в городе Дерби: темноватый, душный, с тяжелым воздухом. Припомнил рабочих этого завода, выполняющих заказ для Советского Союза. Они были очень довольны этим, так как наш заказ давал им уверенность в завтрашнем дне на целых девять месяцев. «А дальше?» — спросил я одного из рабочих. «А дальше? — переспросил он меня, и лицо его покраснело.— Дальше нам ничего не известно».

Если сравнить этот завод с Шэньянским, преимущества будут явно на стороне последнего...

В одном из отделов к товарищу Ворошилову подошли две женщины и мужчина.

— Вы русские? — спросил их маршал.

— Да,— за всех ответила Александра Борисовна Кузнецова, инженер по лакам.

— Как вам здесь работается?

— Очень хорошо, товарищ Ворошилов.

— А как к вам относятся?

— По-братски!

Климент Ефремович крепко пожал всем троим руки.

— Желаю вам успехов,— сказал он,— будьте достойны доверия, которое оказал вам наш народ!

В последнем отделе Ворошилов увидел немолодую женщину, скромно стоящую в стороне. Климент Ефремович подошел к ней.

— Мария Ивановна Дерябина,— назвалась она.

— Откуда? — спросил Ворошилов.

— Из Ленинграда, с завода «Севкабель».

— Вы одна? С семьей? Муж есть?

— Мой муж, старый питерский рабочий, погиб во время блокады.

— Как же идет ваша работа здесь?

— Стараюсь, замечательную машину налаживаю, прекрасную,— сказала Мария Ивановна.

Тогда вперед выступил китайский рабочий.

— Она очень хороший человек, товарищ Ворошилов. Мы ее зовем «наша мама».

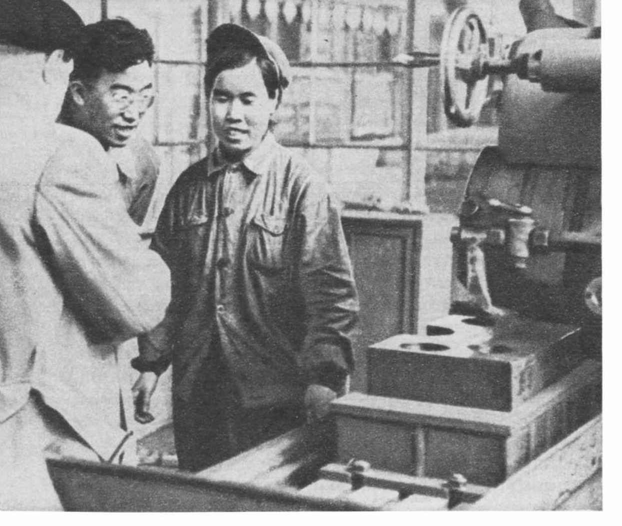
Климент Ефремович поцеловал работнице руку.

— Спасибо вам, Мария Ивановна, за ваш труд, за ваше сердце!

...Шэньянцы старались показать гостям все лучшее. Истинное наслаждение доставили зрителям отлично поставленные современные китайские танцы, старинный танец дракона, лирические песенки в исполнении обаятельной Ли Хуэй. С волнением слушали гости хорошо

Выступая с речью во дворе Шэньянского кабельного завода, товарищ Ворошилов поблагодарил рабочих за поднесенные ему памятные подарки.

Ли Гуй-лань, шлифовщица Аньшаньского металлургического комбината, передает лучшие пожелания советским девушкам.

Китайские корреспонденты обступили девушку экскурсовода промышленной выставки Ян Гуй-жун, с которой только что беседовал товарищ Ворошилов.

«Спасибо вам, Мария Ивановна, за ваш труд, за ваше сердце!»

Отечественное станкостроение — гордость народного Китая. Все любуются моделью станка, выпускаемого Первым станкостроительным заводом в Шэньяне.

подготовленную Ляонинским ансамблем советскую песню о Ворошилове, написанную много лет назад, а под конец были поражены, как уверенно и сильно исполнял Чжан Цзэ арию Ивана Сусанина: «Ты взойдешь, моя заря!»

Но вот отгорела заря над гостеприимным Шэньяном, и самолеты с советскими гостями взяли курс на Шанхай.

...К вечеру первого дня пребывания К. Е. Ворошилова в этом кипучем и шумном городе, когда большинство встречавших уже разошлось по домам, на улицах Шанхая не стало тише. Сверкали световые лозунги. Репродукторы звенели праздничными песнями. По рельсам громыхали ярко освещенные трамваи с написанными на них сердечными словами привета. На набережной шло веселое гулянье. Стоило выйти из машины, как немедленно вокруг собирались люди; они пожимали нам руки, многие старательно произносили по-русски:

— Здравствуйте, товарищи.

Но с особым размахом гостеприимство и дружеская сердечность шанхайцев проявились во время митинга, который состоялся на Народной площади.

Все, что могла вместить площадь, она вместила. Более 250 тысяч шанхайцев пришли на митинг. С высокой трибуны хозяева города приветствовали К. Е. Ворошилова. А когда Климент Ефремович подошел к микрофону, снова забурлила, закачалась площадь, в воздух поднялись стаи голубей, тысячи пестрых воздушных шаров, несомые ветром, устремились к высоким домам, окружающим площадь. Подняв руку, товарищ Лю Шао-ци выкрикивал слова приветствий народам Советского Союза, товарищу Ворошилову... Гром оваций потрясал Народную площадь.

...В ожидании Климента Ефремовича во дворе государственно-частной текстильной фабрики «Шэньсинь № 9» мы разговорились с работницей Чень Гуй-хуа. Небольшого роста, в темно-сиреневой кофте, в серых брюках, она стояла перед нами и смущенно рассказывала о себе:

— Родилась я на родине писателя Лу Синя. Отец — бывший крестьянин... Десять лет назад пришла на фабрику неграмотной. Последние пять лет учусь в вечерней школе...

— Она у нас передовик производства,— нетерпеливо подсказывает какой-то рабочий, видя, что наша собеседница никак не доберется до главного.

Чень Гуй-хуа совсем раскраснелась:

— Какой я передовик!.. Я просто стараюсь работать хорошо... Самое главное, что я выучилась грамоте.

Здесь же поблизости стоял высокий, с легкой сединой на висках человек в аккуратно сшитом европейском костюме.

— Это заместитель главного управляющего текстильной компании «Шэньсинь» Жун И-жень,— сказал нам китайский журналист,— он капиталист... В общем, наш капиталист.

— Да какой он капиталист! — вмешался другой репортер.

— Капиталист... Но он одновременно заместитель мэра Шанхая и вообще правильный человек.

Нас познакомили с Жун И-женем.

— Вы будете беседовать с товарищем Ворошиловым? — спросили мы его.

— Да, если товарищ Ворошилов пожелает,— ответил он.

— Если не секрет, что вы собираетесь ему сказать?

Жун И-жень улыбнулся:

— Конечно, не секрет... Я буду приветствовать его. Это для нас большая честь...

На улице послышались приветственные крики. Машина с двумя красными флажками показалась в воротах фабрики. Мы не слышали, что говорил товарищ Жун И-жень Клименту Ефремовичу, но видели, как он горячо пожимал руки гостю.

Позднее мы узнали, что Жун И-жень — сын умершего крупного шанхайского капиталиста, владельца текстильных предприятий. Родной брат Жун И-женя не пожелал остаться в народном Китае, уехал в Таиланд, но там из-за дискриминационных мер потерял весь свой капитал.

Климент Ефремович расспрашивал руководителей фабрики о взаимоотношениях рабочих и цеховой администрации, о том, критикуют ли рабочие руководителей на собраниях.

— Критикуют,— ответил Жун И-жень.— Если осуществление рационализаторских предложений задерживается... Мы стараемся прислушиваться к критике. Если не будем слушать, будет трудно работать.

— Это верно,— согласился Ворошилов.— Если не прислушиваться к критике, долго в кабинете не просидишь.

Климент Ефремович интересуется, переписываются ли рабочие фабрики с каким-либо советским текстильным предприятием.

— Еще нет.

— У нас в Ташкенте,— сказал председатель Верховного Совета Узбекистана Рашидов,— есть текстильный комбинат. На нем работает 21 тысяча рабочих. Я приглашаю вашу делегацию к нам.

— Я поддерживаю,— сказал Климент Ефремович и стал сердечно прощаться с текстильщиками.

...В Шанхае товарищ Ворошилов посетил дом-музей великого китайского революционера Сунь Ят-сена, чье имя чтят трудящиеся всего мира. Небольшой двухэтажный дом сразу стал тесным, когда в него вошли гости.

Климент Ефремович внимательно рассматривал фотографии, висящие на стенах.

— Этот портрет сделан в 1924 году,— поясняет Суй Сюэ-фан, секретарь Сун Цин-лин, друга и жены Сунь Ят-сена.

— Замечательный портрет, широко известный,— говорит Климент Ефремович.— А что, обстановка сохранилась та же, что и была?

— Да, все удалось сохранить...

Ворошилов останавливается возле небольшого шкафчика с маленькими ящиками. На каждом ящике тонкая вязь иероглифов.

— Это справочный материал по всем императорским династиям,— говорит Н. Т. Федоренко, свободно владеющий китайским языком.

Гости поднимаются на второй этаж.

В рабочем кабинете Сунь Ят-сена Ворошилов молча стоит возле письменного стола, затем переходит в соседнюю комнату и обращает внимание на маленькую фотографию в овальной рамке.

— Эта фотография сделана в Москве в 1927 году,— говорит Лю Шао-ци,— Сун Цин-лин снята здесь вместе с женой товарища Калинина.

— Да, да... Тридцать лет назад...

Покидая дом, товарищ Ворошилов оборачивается, еще раз смотрит на крыльцо, словно стараясь запомнить каждую подробность.

А через несколько часов Климент Ефремович приехал в Шанхайский Дворец пионеров, где ребятишки устроили ему такую встречу, от которой даже у самых твердокаменных мужчин навернулись слезы на глазах.

...Вот ты какой, славный город Шанхай, город рабочих, город, в котором родилась мужественная Китайская коммунистическая партия, город, в котором росли мудрые китайские революционеры, приведшие свой народ к великой победе! Славный, чудесный город, никогда тебя не забудем!

В цехе Первого станкостроительного.

«ПРАВДА» 40 ЛЕТ НАЗАД

Конец апреля и начало мая 1917 года были переполнены бурными событиями. Совсем недавно в Россию вернулся из эмиграции В. И. Ленин. На другой день в Таврическом дворце он выступил перед большевиками — участниками Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов.

Незадолго перед этими событиями — 5 марта — был возобновлен выход «Правды», которая призывала рабочий класс и всех трудящихся к борьбе за победу социалистической революции. Центральный орган РСДРП с каждым днем все более и более укреплял связи с народом, с каждым днем трудящиеся все активнее поддерживали свою газету.

В то время секретарем редакции являлась М. И. Ульянова. Редактором «Правды» был В. И. Ленин. Можно лишь удивляться его поистине титанической энергии и работоспособности. Только за два дня — 5 и 6 мая — в «Правде» напечатано восемь произведений Владимира Ильича.

Первая полоса номера от 5 мая открывается резолюцией Центрального Комитета о положении, создавшемся в Петрограде после «захватно-грабительской» ноты Милюкова. Резолюция была написана В. И. Лениным. Он же написал статью «Добросовестное оборончество показывает себя», объясняющую смысл происходящих событий. Статья заканчивается следующими словами:

«Массам надо говорить всю правду. Правительство капиталистов НЕ может отказаться от аннексий; оно запуталось, ему выхода нет. Оно чувствует, сознает, видит, что без революционных мер (на которые способен только революционный класс) СПАСЕНИЯ НЕТ, и оно мечется, сумасшествует, обещает одно, делает другое, то грозит насилием массам (Гучков и Шингарев), то предлагает взять у него из рук власть.

Разруха, кризис, ужасы войны, безвыходность положения — вот куда завели капиталисты ВСЕ народы.

Выхода, действительно, нет — КРОМЕ перехода власти к революционному классу, к революционному пролетариату, который один только, при условии поддержки его большинством населения, способен помочь успеху революции во ВСЕХ воюющих странах и повести человечество к прочному миру, к освобождению от ига капитала».

6 мая в «Правде» появилась еще одна замечательная работа Ильича, «Уроки кризиса».

Большевистская печать росла. В Москве выходила газета «Социал-демократ». В Петрограде начала издаваться «Солдатская правда». Готовился к печати первый номер журнала «Работница». «Правда» сообщила о выходе «Сибирской правды» и других большевистских газет.

Большевикам нужна была своя типография. В номере от 6 мая «Правда» на первой странице напечатала обращение к рабочим, в котором призывала усилить сбор средств в пользу «Правды», проводить вербовку постоянных подписчиков, устраивать беседы в каждом полку, роте, группе, разъясняя позицию «Правды».

Редакция извещала, что она обратилась к рабочим с просьбой собрать 75 тысяч на покупку типографии. На 5 мая было собрано 75 334 рубля, но владельцы отказались продать типографию. Можно было купить другую, но она стоила дорого. На нее и на ротационную машину, купленную в Финляндии, требовалось 250 тысяч рублей, а у редакции имелось всего 180 тысяч рублей. Сбор средств надо было продолжать.

Рабочие поддержали свою любимую боевую газету. Только за один день было собрано 9 821 рубль 96 копеек. В «Правду» шел поток писем. Солдаты гренадерского полка писали: «Горячо приветствуем нашу газету. От всей души желаем ей полного процветания. Примите наш скромный подарок — 129 рублей».

Курсанты Гатчинской авиационной школы на денежном переводе написали: «Жертвуем на собственную типографию нашей стойкой защитницы».

Деньги шли со всей России. Их слали рабочие, крестьяне, солдаты, матросы. Команда крейсера «Андрей Первозванный» вместе с деньгами прислала письмо, в котором «от всего боевого корабля желала доброго здоровья товарищу Ленину».

В номере от 6 мая было напечатано стихотворение Демьяна Бедного «Укрепляйте «Правду»!», в котором он писал:

Товарищи, что невская панель,
Что буржуазная газета,—
Какого цвета?
Один их желтый цвет, одна их
злая цель.
Товарищи, когда, дав волю
блудословью,
В желанье затопить весь мир
рабочей кровью,
Клевещет бешено продажная
печать,
Мы не должны молчать!
На весь господский бред
помойный,
На клеветнический их вздор
Должны мы каждый раз давать
ответ достойный,
Врагом заслуженный отпор.
Так укрепляйте же, друзья,
трибуну вашу.
Чтоб «Правду» поддержать,
пусть круговую чашу
Наполнит до краев
товарищеский сбор!

Собственная типография была приобретена. Впервые о ней «Правда» упомянула в объявлении, напечатанном 7 июня: для типографии нужны опытные работники. Обращаться по адресу — Кавалергардская ул., дом 40.

Эту типографию, носившую название «Труд», в июльские дни, в ночь с 5-го на 6-е, по прямому указанию Керенского разгромили юнкера. Накануне была разгромлена редакция «Правды», находившаяся в доме 32 по набережной Мойки.

В заметке «Разгром типографии «Труд», напечатанной в «Листке «Правды», подробно рассказывалось об этом злодейском происшествии. Громилы не пощадили ничего. В конторе ломами разбили столы, телефоны. В наборной рассыпали по полу и смешали весь шрифт, большую часть его украли. Сильно пострадали наборные и печатные машины. По клавиатурам били кувалдами. С разбитой ротации украли ремни, — видно, пошли грабителям на подметки.

Но как ни старались враги, «Правда» жила. Она выходила под разными названиями: «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь». Трудящиеся знали: все равно это «Правда», потому что только она могла звать на бой за победу социалистической революции.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

ГВАРДИЯ «ЮМАНИТЕ»

По воскресеньям на всех уголках парижских улиц слышатся голоса «Се-де-аш», предлагающих свежий выпуск воскресного издания «Юманите».

«Се-де-аш» («Комитеты защиты «Юманите») — это группы добровольцев-рабочих. Они круглый год отдают свой праздничный отдых распространению боевой газеты французских трудящихся и защите ее от поползновений реакции. Вместе с «Юма», как тепло называют ее сотни тысяч читателей, они распространяют и другие печатные издания партии: журнал «Регар», еженедельник «Франс-нувель», теоретический орган «Кайе дю коммюнисм».

В дождливую погоду, в снег, под палящими лучами солнца добровольцы «Се-де-аш» делают свое простое и благородное дело. Многие ходят «от двери к двери», взбегают по лестницам, «обрабатывая» за день по нескольку сот этажей. Не всегда и не везде их принимают любезно; но все чаще в квартире их встречают возгласом: «Что сегодня в вашей газете об Алжире? Ведь только в ней пишут правду...»

Вот одна цифра, она говорит сама за себя: в воскресенье, 7 апреля, «Се-де-аш» распространили 120 тысяч экземпляров коммунистических изданий сверх обычной продажи, идущей через газетные киоски.

Продавцы «Юманите», как уже сказано,— добровольцы; они делают свое дело по велению сердца, побуждаемые своим классовым сознанием. Разумеется, они не получают за свою работу ни одного су и обиделись бы, если бы им это предложили.

Бывает и так, что добровольцам «Се-де-аш» вместе со всеми рабочими и трудящимися приходится грудью защищать свою «Юманите», воевать за нее.

Три часа утра. Журналисты уже разъехались из редакции. Является полицейский комиссар и объявляет, что вышедший номер «Юманите» конфискуется. Например, за то, что в нем написана правда об Алжире. На вокзалах, аэродромах, на складах агентств — гудки полицейских автомобилей, на которые грузятся кипы арестованной «Юма».

И вот все приходит в движение. Машины мчатся за едва успевшими уснуть сотрудниками редакции. Сотни телефонных звонков созывают «Се-де-аш». Готовится экстренное издание газеты; его придется распространять помимо сети киосков. В десять часов утра во дворе редакции десятки машин, мотоциклов, велосипедов. Первые пачки «Юманите» мчатся к поездам, идущим в большие города,— там уже ждут в боевой готовности местные «Се-де-аш».

Продавщица «Юманите» собирает подписи под протестом против запрещения в этом году традиционного праздника «Юманите» в Венсеннском лесу.

«Се-де-аш» на боевом посту.

— Покупайте экстренный выпуск «Юманите»!

Эти возгласы несутся по улицам, звучат у входов в метро, у проходных заводов, на вокзалах, на речных пристанях. Газета французского рабочего класса наносит контрудар проискам реакции.

«Се-де-аш» — гордость нашей «Юманите». По всей стране их до сорока тысяч. Они привычная часть «пейзажа» городов и сел Франции.

Жители Третьего округа Парижа отдали глубокую дань уважения умершему недавно старому «Се-де-аш», товарищу Мэйру. В память его были написаны стихи. Вот одна из строф:

Старый наш друг умер
вчера —
Тишина непривычна за дверью.
Но он живет в газетном листе,
И возглас его повторяют другие:
Читайте, читайте «Юманите»!

Робер ЛАМБОТТ

Париж.

КАРАВАН «УНИТА»

Недавно по дорогам Тосканы двигалась автоколонна: грузовики, выкрашенные в красный цвет, фургоны, оборудованные громкоговорителями, машины с журналистами.

Это был караван газеты «Унита». Тысячи людей выходили встречать его. Они рассматривали установленную на грузовиках выставку фотографий и рисунков о том, как делается газета. Они слушали выступления журналистов «Унита», которые рассказывали о борьбе итальянских коммунистов за социализм, о мирной политике Советского Союза, о происках империалистов.

Вот что сообщает об одной из встреч с читательницами и распространительницами «Унита» Джанни Родари, журналист и поэт, которого одинаково любят и взрослые и дети. Вместе с караваном «Унита» он совершил поездку в небольшое селение Барберино ди Муджелло в Тоскане.

— Мы приехали утром, под проливным дождем, который мучил нас уже несколько часов. Но нас ждали. Множество цветных зонтиков, как грибы, рассыпались у дороги. Нас проводили в Народный дом, и там мы познакомились. Для меня это было возобновлением старого знакомства. Да, это были они! Семь — восемь лет назад они были пионерками. Я был участником одного из их увлекательных походов. Теперь они уже члены компартии. Журнал «Пионьере» они передали младшим братьям и сестрам, а сами взялись за распространение «Унита».

Они были довольны, что в тот день «Унита» подняла разговор о них. Местные вышивальщицы работают на дому для фирм, находящихся во Флоренции, которые присылают в Барберино скатерти и полотенца для вышивки «античным стежком». Девушки трудятся над вышивками по восемь — десять часов в день, но им не удается заработать больше 350—400 лир. «Унита» выступила против такой эксплуатации. В этот день женщины Барберино распространяли газету с еще большим энтузиазмом.

Марио ПИРАНИ

Рим.

А. И. Микоян и Федеральный канцлер Ю. Рааб на аэродроме Швехат.

С визитом дружбы

Еще задолго до прибытия А. И. Микояна в Австрию венские газеты живо обсуждали предстоящий визит и перспективы австро-советских отношений. Печать отмечала, что визит А. И. Микояна должен быть использован для расширения австро-советского культурного и экономического сотрудничества.

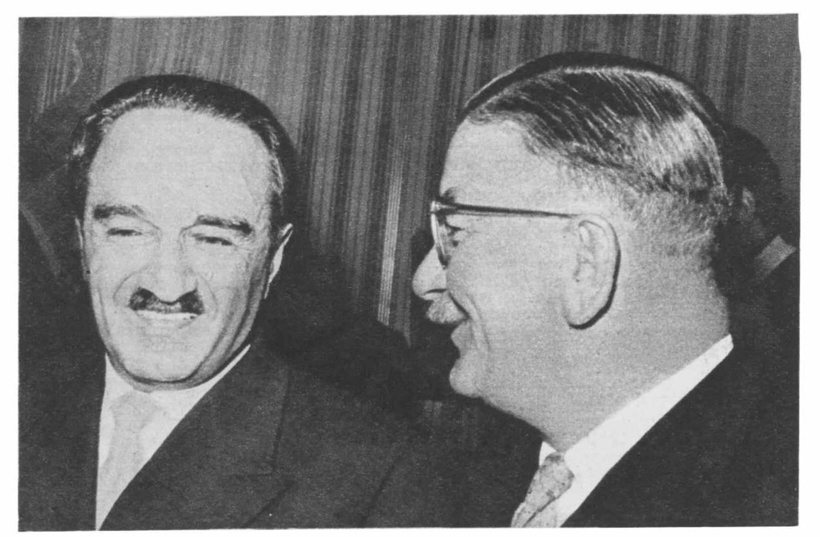
23 апреля на аэродроме Швехат А. И. Микоян был тепло встречен представителями австрийского правительства. Но не только официальные лица пришли на эту встречу: на аэродроме собралось много австрийских граждан, желавших приветствовать советского государственного деятеля.

В Вене, перед гостиницей «Амбассадор», где останавливались советские гости, у тех зданий, которые посещал А. И. Микоян, всегда толпился народ. Жители Вены привыкли к тому, что во время визитов подобного рода иностранные гости обычно не бывают доступны для рядовых граждан. Но на этот раз было по-другому. Австрийцы не без удивления наблюдали, как А. И. Микоян, знакомясь с достопримечательностями Вены, охотно и просто беседовал с теми из венцев, которым случилось быть рядом. Осматривая центральный венский мясной рынок, он разговаривал с покупательницами, в магазине заходил за прилавки и вступал в беседы с продавцами. Газеты с некоторым недоумением сообщали об этом, отмечая, что венцы «толпились, чтобы придвинуться поближе к прибывшему с государственным визитом».

А. И. Микоян имел беседы с Федеральным канцлером Ю. Раабом и членами Федерального правительства, а также совершил поездку по стране. Говоря о своем визите на ужине, устроенном в честь него министром иностранных дел Австрии Л. Фиглем, А. И. Микоян выразил надежду, что эта поездка «укрепит дружбу между обоими нашими народами, что отвечало бы интересам всех народов».

Л. СТЕПАНОВ

Вена.

А. И. Микоян на приеме у министра иностранных дел Австрии Л. Фигля.

Возложение венка к памятнику советских воинов, погибших за освобождение Вены.

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

М. П. ДАВЫДОВ.

П. И. ГОРЛОВ.

И. В. ПИЛИПЕНКО.

И. С. СТОЕВ.

Р. А. ТЮРКЯН.

С. В. ГОЛУБОВ.

Премия присуждена за усовершенствование методов проходки вертикальных стволов шахт.

А. П. БУРОВ.

В. Б. БЕЛОВ.

Г. Х. ФАЙНШТЕЙН.

В. Н. ЩУКИН.

Ю. И. ХАБАРДИН.

Р. К. ЮРКЕВИЧ.

Премия присуждена за открытие промышленного месторождения алмазов в Якутской АССР.

Г. З. ВОЛОШКЕВИЧ.

Б. Е. ПАТОН.

И. Д. ДАВЫДЕНКО.

Премия присуждена за создание и внедрение в тяжелое машиностроение электрошлаковой сварки.

Р. С. Бишт. ТУМАННОЕ УТРО.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Все больше и шире узнают советские зрители искусство художников Индии. Нельзя не восхищаться поэзией чувства, ароматом национального своеобразия, чудесными традициями мастеров этой страны.

За последние годы у нас побывали три индийские художественные выставки, пользовавшиеся неизменным успехом. На последней из них среди других экспонатов советские зрители с удовольствием снова увидели произведения Деви Прасад Рой Чоудхури, уже известного у нас по великолепной картине «Когда приходят дожди».

И вот новая встреча с произведением художника. Он работает преимущественно в технике акварели и совершает здесь поистине чудеса. В портрете Рабиндраната Тагора Чоудхури передал привлекательный облик выдающегося писателя, поэта, борца за национальное освобождение Индии. Мягок и сдержан колорит картины, основанный на спокойном и гармоничном сочетании светло-зеленого, желто-коричневого и белого тонов. Рой Чоудхури сумел показать не только красоту и благородство внешнего облика мыслителя, но и возвышенность, глубину его чувств и мыслей.

В картине Мадан Лал Нагара, которую художник так поэтично назвал «Золото земли», изображено море пшеницы. Сама композиция картины, взятая сверху вниз, две маленькие фигурки женщин, затерявшихся среди желтеющей нивы,— все рассказывает о плодородии родной страны, о хлебе насущном, о труде человека.

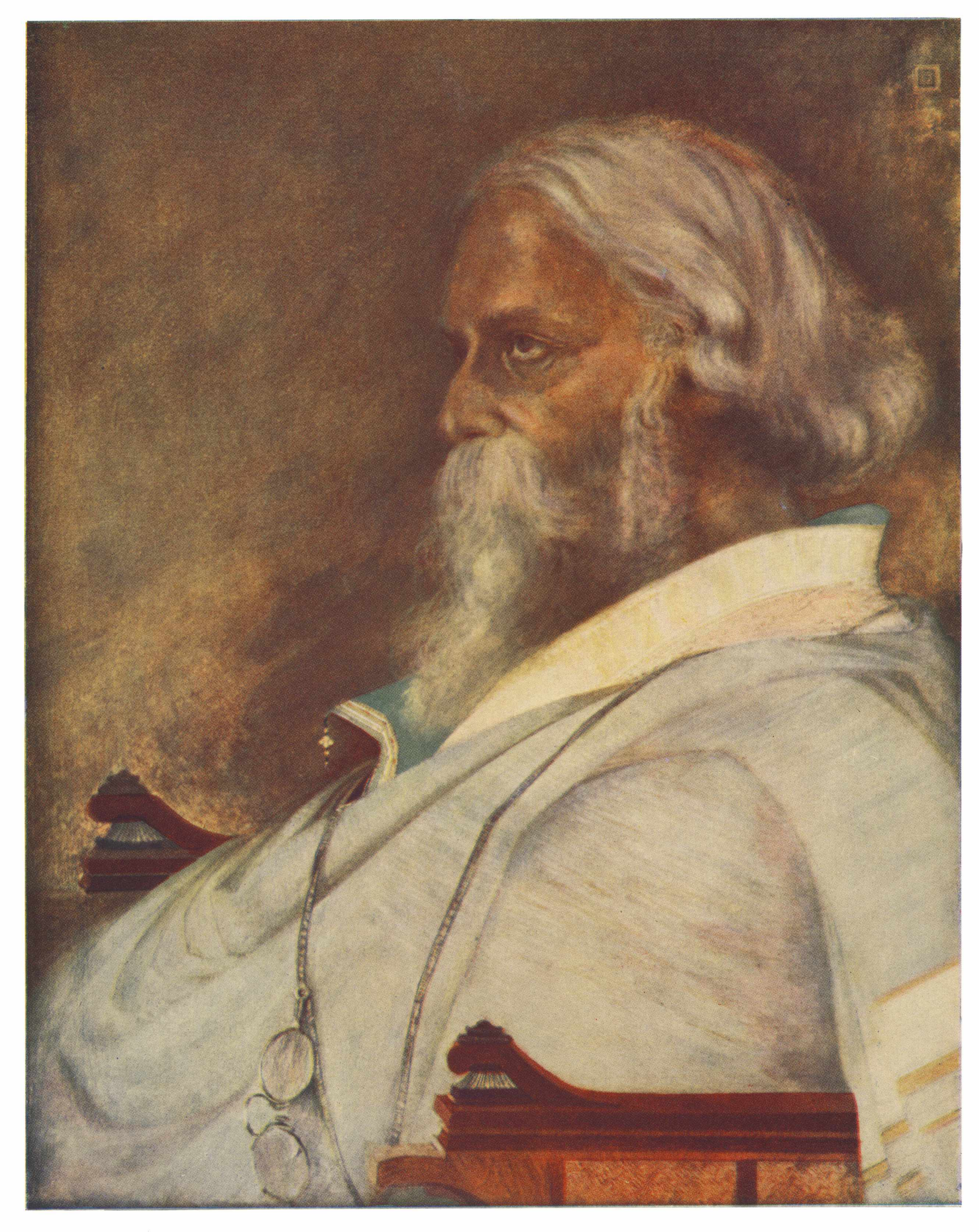
Труд делает человека хозяином земли. Так и назвал свою картину К. К. Хеббар — «Хозяин земли». К. К. Хеббар — талантливый художник, который старается уловить самую суть вещей, отнюдь не стремясь точно копировать действительность.

Величествен и торжествен пейзаж Р. С. Бишта «Туманное утро».

«Огонек».

К. К. Хеббар. ХОЗЯИН ЗЕМЛИ.

Деви Прасад Рой Чоудхури. РАБИНДРАНАТ ТАГОР.

ЗАВОД БЕЗ ЦЕХОВ

Я. ФОМЕНКО

Жили как все. Ездили в Москву утверждать в инстанциях планы, потом «спускали» эти планы до цехов. Начальники цехов старались справиться с заданием и, когда было очень туго, говорили: «Как-нибудь выкрутимся». Это часто не удавалось.

Заводоуправленцы подсчитывали итоги месяцев и кварталов с точностью до одной десятой процента, но редко дотягивали до заветной сотни. Не хватало иногда трех, иногда двух, иногда одного и одной десятой процента, а все же не хватало.

Случалось, что один из шести цехов завода вырывался вперед. На доске появлялась трехзначная цифра с «довесочком» в виде десятичной дроби. Общей картины эта цифра не меняла. Бывало, что «по валу» завод «выкрутится», а номенклатуру завалит. В таких случаях говорили о «перекосах плана».

Одним словом, жили будто как все, но от большинства предприятий города отличались тем, что второй год не выполняли программу.

Глянув на показатели, рабочие уходили домой, а начальники цехов, заведующие отделами заводоуправления, технологи, инженеры, активисты-общественники собирались в кабинете директора. Не стесняясь в эпитетах, директор «критиковал» подчиненных. Были попытки возражать директору, спорить с ним. Но это ни к чему не приводило.

У мастеров с рабочими шел такой разговор:

— Что завтра будем делать, мастер?

— Придет машина — будет дело, не придет...

Трансформаторную сталь привозили на грузовиках из Рязани. Провод доставляли из Москвы в чемоданах. Сколько в чемодане привезешь? Килограммов сорок, на одну понюшку. Но это именовалось оперативностью.

Так прошел первый квартал прошлого года, второй, начался третий. Из месяца в месяц накапливались недостающие проценты. В Госбанке косились на заводского кассира и сухо напоминали: «Вы разве не знаете, что деньги выдаем под выполненный план?»

Кассир поддакивал и, вырвав толику денег, спешил на завод, радуясь, что сегодня легко отделался. А завтра?

Многие на заводе не скрывали, чего они ждут от «завтра». И вот пришла новость: снимают Агафонова...

Сначала отнеслись недоверчиво. Сколько раз разносился по заводу слух о замене директора, а он сидел и сидел. Агафонова все-таки сняли, а вслед за этим пришла другая новость: Берколайко собирается цехи ликвидировать.

Временно оставшийся за директора главный инженер завода Зиновий Ефимович Берколайко действительно задумал коренную реформу. К чему такая многоступенчатость на небольшом заводе, рассуждал он: дирекция — начальник цеха — мастер — рабочий? Содержание цеховой администрации — трата народных денег, роскошь — и только. Начальник, помощник, нормировщик... А в цехе сто рабочих!

Инженера спрашивали:

— Смените вывеску? Ну, назовете цех участком... А существо, существо? Что изменится?

Партийное бюро, выслушав Берколайко, увидело, что меняется и форма и существо, поддержало главного инженера. Рабочие помозговали и решили: толково!

Первого октября прошлого года Щербаковский электротехнический завод Министерства радиотехнической промышленности перешел на бесцеховую структуру управленческого аппарата. Услыхав об этом, осмотрительные люди с других заводов города Щербакова сказали: «Увидим после нового года».

Новый директор, Николай Владимирович Семенихин, пришел на завод в середине октября. Пришел и сказал:

— Правильно сделали...

С новым порядком освоились быстро. Правда, в первые дни мастера терялись. Случись какое затруднение — мастер по старой привычке собирается бежать к начальству:

— Пойду к начальнику цеха...

Спохватившись, смеялся:

— Фу, черт, как въелось! Ведь я сам хозяин!

И раньше говорили: «Мастер — хозяин!» Говорили и знали: ведь это же неправда! Какой же он хозяин? Обязанностей тысяча, а прав... Какие там права, когда руки связаны! Получай план — и все!

Теперь иное дело. Мастеру, кроме плана, определен и фонд заработной платы. Он сам решает, сколько ему рабочих держать. И каких рабочих. Он сам беспокоится о ремонте оборудования, об инструменте, о материале, сам премирует лучших рабочих. Его дело — экономь материалы, улучшай производство, повышай производительность и качество, чтоб накопить премиальный фонд. Справился — получай премию! Теперь ты не связан «круговой ответственностью». Сосед обанкротился? Неприятно. Очень неприятно! Не заработают там премии. Но это вина соседа. Пусть он расплачивается за свои промахи, за лень, бестолковщину, неумение. У тебя отлично идет дело, а завод в целом «перекосил номенклатуру» — тоже очень неприятно, но все равно ты получишь сполна что положено. И премию!

Дело, однако, в том, что завод стал выполнять план. Теперь рабочие подольше задерживаются у доски показателей. Пошло настоящее соревнование. Как двинулась вперед Хазова Анастасия Александровна, мастер участка обмотки! Сто девять рабочих ее участка выполняют норму. Сама Анастасия Александровна в октябре получила 202 рубля премиальных, а в ноябре—247 рублей. На премирование лучших обмотчиц в октябре у Хазовой было 700 рублей, а в ноябре — 1 800 рублей.

Даже на малярке, недавно самом отсталом участке, заработки пошли в гору. И дело спорится.

Только механический цех как был, так и остался. Дирекция не стала «ломать настроения». Пусть сами убедятся, что лучше.

Первым убедился муж Анастасии Александровны Хазовой, помощник начальника механического цеха. То, бывало, он приносил домой бо́льшую получку, а теперь жена его обогнала: вместе с премиальными у нее получалось 1 300—1 400 рублей в месяц, а у мужа на две — три сотни меньше.

«Настроение» поломалось само собой, и механический цех последовал примеру других цехов.

Новый, 1957 год люди Щербаковского электротехнического завода встречали довольные, в хорошем настроении. Когда подвели итоги, вышло, что план четвертого квартала они выполнили на 116 процентов. И в нынешнем году, с первого же дня, из месяца в месяц работа пошла ритмично, без надоевших «штурмов». Все, в том числе директор и главный инженер, говорят:

— Куда легче стало работать. Будто избавились от тяжкой обузы.

Полгода — достаточный срок, чтобы сделать какие-то выводы.

Кончился март. Появилась новая цифра: 118 процентов выполнения квартального плана! Первый квартал лучше, чем последний, четвертый? А ведь раньше начало месяца, начало квартала, начало года давало, как правило, спад. Теперь ничего подобного не произошло, и это — самый убедительный аргумент в пользу проведенной реформы.

Подсчитали затраты на единицу продукции. Оказалось, что доля управленческих расходов в стоимости продукции снизилась вдвое. То составляла она восемь процентов, а теперь всего четыре процента.

И еще один показатель. Рабочих стало на одну десятую меньше, а план перевыполняется почти на одну пятую.

И раньше к опыту электротехнического завода приглядывались соседи. После обнародования тезисов доклада Н. С. Хрущева этот опыт стали изучать, а такие предприятия, как завод гидромеханизации и Третий механический, пробуют уже внедрить у себя бесцеховую структуру управления. Приезжали гости из Ярославля и пришли к заключению, что «игра стоит свеч». И это действительно так. Опыт щербаковцев заслуживает внимания в свете задач, поставленных партией на всенародное обсуждение.

Щербаковский электротехнический завод. Участок сборки трансформаторов.

Фото О. Кнорринга.

ВСТРЕЧА С ГОСПОДИНОМ МАЙЕРОМ

Анна ЗЕГЕРС

Рисунки А. ЛИВАНОВА.

Это эпизод из моего нового романа, первая часть которого выйдет из печати в этом году в ГДР.

Действие романа в основном протекает в первые послевоенные годы в Германской Демократической Республике на строительстве одного завода; сюжет охватывает также людей и события в Западной Германии и многих других странах.

В публикуемом ниже отрывке американский агент пытается проникнуть на указанный завод; он использует в своих целях некоторые уязвимые моменты в биографии одного человека подобно тому, как взломщик использует расшатанные доски в стене, за которую хочет пробраться. Но в романе этот человек, попавший в сети американского агента, — лишь эпизодический персонаж.

Основная тема романа — это вопрос о выборе пути, вопрос, который неизбежно встает перед каждым человеком в эпоху борьбы двух миров. В зависимости от принятого решения одни проявляют себя трусами и негодяями, другие — людьми, исполненными гордости и силы.

Автор.

Буркхардт совсем уже забыл этого университетского товарища, с которым как-то раз просидел вечер в кафе. И вот теперь, в начале 1950 года, Рейнгольд Бальцер пишет ему, что он снова проездом в Берлине и хотел бы встретиться с ним, и непременно в том же самом кафе. Письмо пришло совсем некстати. Буркхардт, как и всякий человек в Коссине, был по горло завален работой. Именно в эти недели он был особенно нужен директору Берндту.

Буркхардту хотелось быть неотлучно с Берндтом, чтобы тот, чего доброго, не подумал, будто он, Буркхардт, не может примириться с тем, что создание института снова откладывалось на год. Из-за этой новой отсрочки, которую Хельга, уязвленная в своем честолюбии и до горечи разочарованная, назвала обманом, возникла даже их первая семейная размолвка. Хельга наверняка уже выложила все, что у нее было на душе, Норе, жене Берндта. Иначе тот не стал бы снова заводить об этом разговор.

Буркхардт решил встретиться с доктором Бальцером в тот день, когда ему все равно надо было поехать вместе с Берндтом и Томсом в Берлин на совещание. Только он просил Бальцера прийти в одно из кафе поблизости. Если тот наотрез откажется приехать в восточный сектор, думал Буркхардт, то и не надо. Но если он так заинтересован во встрече, что приедет сюда, то это кафе будет самым подходящим. Оно было недавно открыто и недурно обставлено. Не станет же Бальцер упрекать его в том, что таких кафе в Восточном Берлине еще маловато...

Воспользовавшись дневным перерывом в заседаниях, Буркхардт направился в кафе, пробираясь между рядами автомобилей, принадлежавших участникам совещания, директорам и инженерам крупных предприятий республики. Он с улыбкой кивнул шоферу Берндта, Зеппу, который сразу же его заметил. Но до кафе проще всего было добраться пешком.

В кафе в этот час было много посетителей, но свободные места еще оставались. Буркхардт напрасно пытался отыскать взглядом своего университетского приятеля. Двое из сидевших за столиками, актеры или художники, показались ему знакомыми по фотографиям в газетах. Две — три женщины из Западного Берлина — их можно было сразу определить по наряду — забежали сюда, чтобы на выгодно обмененные западные марки вдоволь напиться кофе и поесть пирожных. Впрочем, они этого и не скрывали. Молоденькая парочка, по-видимому, только что пришла прямо с фабрики. Парень не сводил с девушки глаз. Лицо ее сияло, видно было, что угощение пришлось ей по вкусу.

Усмехнувшись, Буркхардт подумал: «Парень с пользой тратит свои премиальные. Тут без карточек, все дорого, но Бальцер, надо думать, не станет расспрашивать об этом. Куда только он запропастился?»

Буркхардт решил больше не ждать и уйти, как только выпьет свой кофе. Но тут к его столику подошел какой-то незнакомый человек и попросил извинения от имени доктора Бальцера: два часа тому назад его срочно вызвали телеграммой.

Не согласится ли доктор Буркхардт выпить чашечку кофе с ним вместо их общего, но, к сожалению, отсутствующего друга?

Он сел напротив Буркхардта и заказал себе кофе и два пирожных. Хотя выбор был и невелик, пирожные он выбирал долго и обстоятельно. По манере заказывать и явному пристрастию этого человека к пирожным Буркхардту показалось, что где-то он его уже видел. Ах, да! Это было, должно быть, тогда в кафе, вместе с Бальцером. Только Буркхардт не запомнил его лица. Да и фамилия тоже ускользнула из памяти. Незнакомец, заметивший, вероятно, смущение Буркхардта, пробормотал, как бы извиняясь:

— Моя фамилия — Майер.

Костюм на нем был среднего качества, ни дорогой, ни дешевый. Лицо не слишком улыбчивое, но и не мрачное. Такие лица легко забываются. Он смотрел не на Буркхардта, а на свои пирожные и, казалось, углубился в изучение их вкуса. Отведав от каждого поочередно, Майер сказал, что обманулся в своих ожиданиях: пирожные, хотя и разные на вид, по вкусу совершенно одинаковы. Буркхардт заметил, что в пирожных не разбирается: он не любитель сладкого. На это господин Майер возразил, что не стыдится своей слабости: сахар ведь необходим для питания мозга. Буркхардт усомнился: неужели этот скучный малый может быть приятелем Бальцера? Он спросил об этом Майера. Тот сказал, что они, собственно, не вполне приятели, но до некоторой степени коллеги, работают вместе в одном учреждении. Правда, он, Майер, только недавно стал сотрудником этого исследовательского института.

Буркхардт подумал: «Значит, у них, на западе, дела начинают двигаться».

Он задал Майеру несколько пустяковых вопросов и получил на них такие же ничего не значащие ответы. Оба тщательно, даже преувеличенно тщательно избегали всего, что могло бы показаться назойливым или нескромным, а тем более недозволенным. Поначалу Буркхардт принял Майера за немца. Но, применяя в разговоре специальные термины, тот произносил их то неуверенно, то как-то слишком безупречно; это навело Буркхардта на мысль, что Майер, должно быть, получил образование в одной из англо-саксонских стран.

Беседа их скоро иссякла. Но Майер, казалось, не замечал той скуки, которая от него исходила. Он заказал себе еще чашку кофе с пирожным, объяснив, что хочет убедиться, не будет ли и это пирожное таким же на вкус, как заказанные раньше.

Буркхардт решил кончать разговор и извинился: он спешит.

— Очень, очень жаль, — пробормотал Майер.

Буркхардт едва удержал улыбку: Майер вдруг посмотрел на него в упор, их взгляды встретились. Буркхардт ждал, пока принесут сдачу, и непроизвольно следил за тем, как Майер приступает к третьему пирожному. А тот, качая головой, ворчал:

— Все три совершенно одинаковы, совершенно...

Буркхардт почувствовал в его словах насмешку. Это рассердило его, и он встал. Майер тихо, но отчетливо произнес:

— Прошу минутку терпения, господин доктор. Мне было бы очень приятно поговорить с вами наедине. Это отнимет у вас всего несколько минут.

— Пожалуйста, — удивленно сказал Буркхардт. Ему не терпелось уйти, но он снова опустился на стул. Его охватила какая-то странная неловкость от пристального взгляда голубых, прозрачных, как стекло, глаз Майера, — это были, казалось, не глаза, а фотообъективы. Рыжеватые ресницы Майера вскидывались и опускались, словно он и впрямь делал моментальные снимки с собеседника.

— Извините, если я отнимаю у вас время. Встреча с вами — такая счастливая случайность для меня. Ведь вы, конечно, разбираетесь здесь во всем лучше, чем я.

Буркхардт привстал.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказал Майер. — Я знаю, какие неприятности могут вас ожидать, если вы ответите мне на какой-нибудь, пусть даже самый безобидный вопрос. Уже одно чувство такта не позволит мне быть назойливым.

Буркхардт нахмурился. Сердце у него забилось учащенней, встревоженное, как пес, почуявший опасность и желающий предостеречь хозяина.

— Здесь, в русской зоне,— продолжал Майер, — у меня есть знакомый. Молодой, интеллигентный и симпатичный человек, за которого я по разным причинам чувствую себя до некоторой степени ответственным. Я хотел бы помочь ему в одном деле, и поскольку вы как раз живете здесь, то, пожалуй, смогли бы мне что-либо посоветовать.

— Очень сожалею, — сказал Буркхардт, — но сегодня у меня совсем нет времени.

— Знаю, — сказал Майер, — но я говорил уже, что мне потребуется всего лишь несколько минут.

Буркхардт не смог бы сказать, хочется ли ему уйти или остаться. Должно быть, желание остаться и узнать, о чем его хотят спросить, все-таки перевешивало.

Майер говорил быстро, словно помня, что нельзя отнимать у Буркхардта время:

— Так вот, этот знакомый заходил ко мне. Он произвел впечатление человека, чем-то крайне обеспокоенного. И в самом деле, когда он рассказал мне о своих треволнениях, я сразу не нашелся, что ему посоветовать. Не можете ли вы, поскольку знаете здешнюю обстановку, дать разумный совет? — Он подозвал официантку:

— Есть ли здесь коньяк? Только немецкий? Ну что же, две рюмки немецкого.

Мой юный друг,— продолжал Майер,— служил в немецкой армии. Был тяжело ранен и надолго освобожден от военной службы. Получил возможность возобновить занятия в университете. Там он подружился с одним профессором, и профессор, который был противником гитлеровского режима, ввел его в одну антифашистскую группу. Но гестапо незаметно следило за ними. В один прекрасный день они забрали моего юного друга и поставили перед выбором: либо дашь нам сведения, либо крышка не только тебе, но и твоему профессору.

Майер попробовал коньяк и с досадой отодвинул рюмку. Потом снова взглянул на Буркхардта.

— Так вот, мой друг решил пережить это мрачное время, спасти себя, а заодно своего профессора, который был крупным ученым. Окончилась война, Германия была оккупирована. Виновные, если не были повешены или посажены в тюрьму, разбежались. С души моего друга свалился камень, который — вы сами понимаете — лежал на нем все эти годы. Теперь он давно уже работает, получает приличное жалованье.

Майер внимательно посмотрел на крем, который снимал ложечкой с пирожного. Потом снова поднял глаза на Буркхардта.

— Но немцы — я не хочу, дорогой господин доктор, обидеть вас этим — страдают прямотаки манией все записывать, абсолютно все, и притом самым подробнейшим образом. Разные там дневники, протоколы, секретные донесения. Впрочем, об этом говорил на суде в Нюрнберге американский прокурор. И хотя тот маленький городок, где побывал в гестапо мой знакомый, выгорел, бумаги сгорели далеко не все. Они попали в руки одной оккупационной державы. Этим и объясняется то, что моего знакомого неожиданно посетил некий чиновник этой оккупационной державы и снова поставил его перед выбором: «Вы будете помогать нам некоторыми сведениями или мы передадим эти документы русским, которые являются нашими союзниками». Что же ему делать? Что бы вы ему посоветовали? Я спрашиваю вас об этом потому, что вы все тут знаете, в восточной зоне.

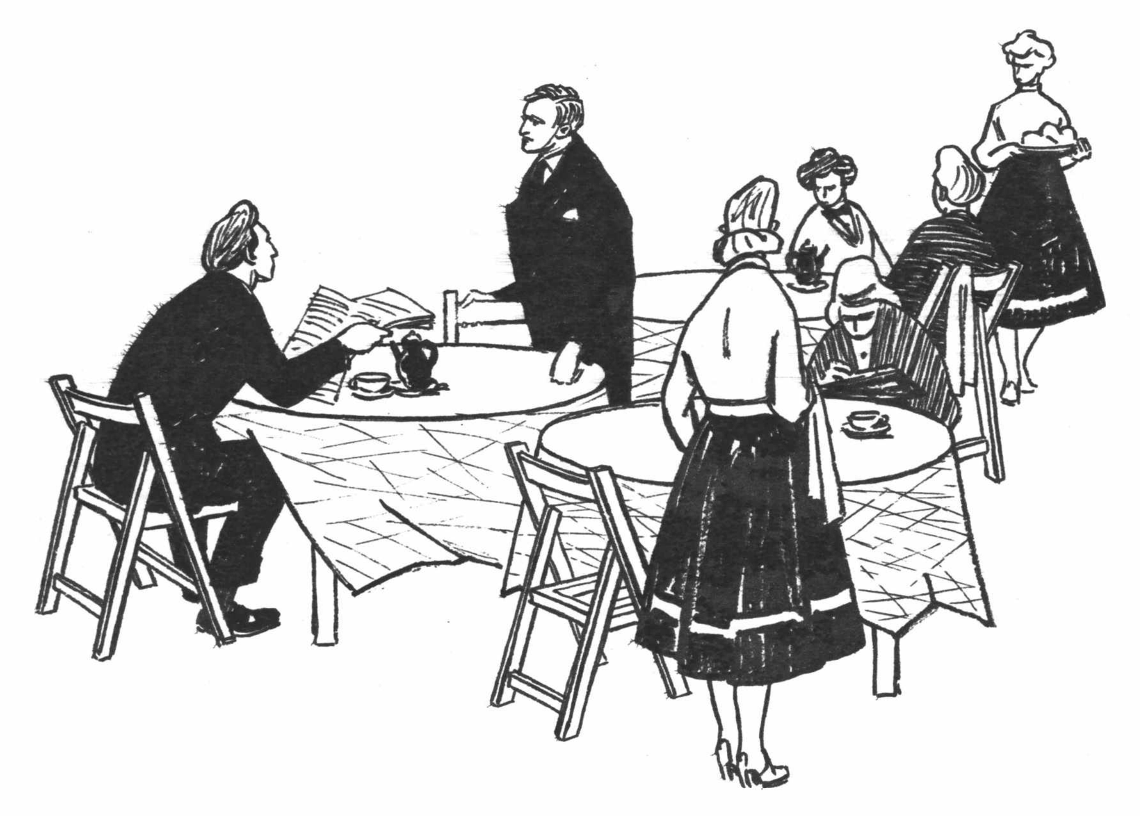
Майер пристально смотрел на красивое лицо своего собеседника. Лицо это окаменело, но оставалось таким же ясным, и по-прежнему на нем сохранялся тот же оттенок высокомерия, словно человек этот чувствовал свое превосходство над другими людьми, у которых не такие ясные и не такие красивые лица. И все же Майер, умудренный профессиональным опытом, заметил тень, набежавшую на лоб Буркхардта, почти незаметную полоску пота у корней волос, похожую на предсмертную испарину.

Он знал также, что этот человек наденет сейчас на себя маску, первую из попавшихся под руку.

Буркхардт заговорил, и голос его, как обычно в затруднительных положениях, звучал безучастно и насмешливо.

— Если такой опытный человек, как вы, господин Майер, не знает, что посоветовать в таком случае, то мне вы должны дать возможность спокойно подумать.

— Разумеется, — ответил Майер. — Только не откладывайте в долгий ящик. Для моего юного друга это вопрос, не терпящий отлагательства.

— Собственно говоря,— сказал Буркхардт,— чего от него хотят?

Он спокойно выпил свой коньяк. Потом кивнул кому-то сидевшему поодаль. Скользнув взглядом поверх рыжеватого пробора Майера, поверх множества голов и столиков, посмотрел на улицу. Какой-то мальчишка прижался к окну лицом и вдруг показал язык.

«Теперь, — размышлял Майер, — будет благоразумно подбодрить его, чтобы он не впал в отчаяние. Это не принесло бы мне никакой пользы. Надо помочь ему как-то облегчить совесть, придумать какое-нибудь оправдание. Пусть вообразит, что спас не только свою собственную шкуру, но и выручил большого ученого». Майеру вспомнился вдруг один его коллега, которого на прошлой неделе перевели на другую работу. Тот приступил к делу легкомысленно и необдуманно. Тоже встретился со своим клиентом в русском секторе, но едва сделал первый намек, как тот схватил его за глотку. К счастью, в ресторане этого человека приняли за пьяного. Коллега Майера сумел удрать... «Но меня Буркхардт не схватит за горло. Он хочет и впредь высоко нести свою красивую голову с тем же оттенком превосходства. Он молчал обо всем, что было у него в прошлом, он станет молчать и о том, что ему предстоит в будущем».

— Чего от него хотят? — ответил наконец Майер на вопрос Буркхардта. — Ну, разумеется, не того, чтобы он переходил границу сектора и менял водку на виски. Ему не нужно будет оставлять свою работу. Они ясно сказали, что ни в коем случае не собираются причинять ему неприятности. И если нужны будут от него сведения, то только те, которые и так известны из печати. Вероятно, все дело в том, что сведения эти должны быть известны там несколько раньше. Мой молодой друг, конечно, знает, как важна своевременная информация. Потому к нему и обратились, что он умен и талантлив.

Майер предложил Буркхардту сигарету.

— Если они так считают, — возразил Буркхардт, — то я не понимаю, почему они обратились к вашему другу за какими-то сведениями, которые могут дать и другие, не обладающие, как я полагаю, ни особым умом, ни особым талантом.

Майер подумал: «Ага, значит, тебя не устраивает обычная роль. Тебе хочется быть чем-то особенным. Ну что же, пусть будет потвоему. Это не отразится на моем бюджете».

Он сказал:

— То же самое говорю и я. Если они избрали тебя, именно тебя, несмотря на твое незначительное положение в маленьком городке, значит, они знают тебе цену.

Буркхардт подумал: «Если они это действительно знают и воображают, что я буду вести такую рискованную игру в роли мальчика на побегушках, то они крепко ошибаются».

Вслух он сказал:

— Кто бы ни посылал людей к вашему другу, пусть даже это будет самая великая из великих держав, их не послали бы, если бы он не был им необходим. Скоропалительный совет не принес бы пользы вашему другу. Это дело нужно хорошенько обдумать. Я уже говорил вам.

— Хорошо, — ответил Майер. — Давайте в следующий раз встретимся для разнообразия в том самом кафе, где мы были тогда с Бальцером. — Он кивнул официантке: — Получите. Два кофе, три пирожных, два коньяка. Нет, нет, дорогой доктор, позвольте мне, вы были моим гостем!

Он кивнул Буркхардту и исчез. Исчез, как показалось Буркхардту, бесследно. Какие еще следы нужно было ему оставлять? Со стола уже убрали, на освободившемся стуле сидел новый посетитель. Это была пожилая женщина, она сосредоточенно жевала тщательно выбранное пирожное.

Разговор Буркхардта и Майера занял времени не больше, чем продолжался перерыв на совещании.

Буркхардт вошел в зал без опоздания, хотя и одним из последних. Берндт уже проявлял нетерпение: утром, во время выступления министра, Буркхардт сделал в своем блокноте необходимые записи. Впрочем, им, как всегда, достаточно было двух — трех слов, чтобы понять друг друга и уточнить вопрос, по которому собирался выступить в прениях Берндт.

Буркхардт вытащил из кармана блокнот, и Берндт без труда пробежал его закорючки: в годы гитлеризма они привыкли писать друг другу неразборчиво. Томс, сидевший рядом, выписал из блокнота то, что было ему нужно. Буркхардт подумал: «Значит, в прениях будет выступать Томс, а не Берндт. Они договорились об этом, когда я уходил».

В конференц-зале, в привычной обстановке, Буркхардт забыл разговор с Майером, как дурной сон. Казалось, от этой встречи не осталось ничего, разве лишь неприязнь, которую Буркхардт испытывал к Томсу, стала ощутимее. Впрочем, они никогда не были особенно близки, хотя часто бывали друг у друга.

Начались прения. Сидевший сзади Томс быстро наклонился к Буркхардту и прошептал:

— Я зайду к вам вечерком, ладно?

Томс почувствовал неприязнь Буркхардта, хотя тот поспешно кивнул головой в знак согласия. Должно быть, Томс думает, что догадывается о причине этой холодности: открытие института затягивалось, между прочим, и по вине Томса, который решительно протестовал против отпуска средств в этом году.

Первым выступил в прениях технический директор Д-ского завода. У него был вид человека, равнодушного к аплодисментам и сознательно избегающего популярности. Он откровенно обрисовал все трудности, словно хотел предостеречь от спешки, хотя новые сроки были уже, можно сказать, предрешены.

После него выступил Томс. Участники совещания, с некоторым смущением слушавшие предыдущего оратора, посмеивались над швабским диалектом Томса. Томс ответил на все возражения и рассказал об особых трудностях в Коссине. Он упомянул обо всем, что нуждалось в изменении, отмене и перестройке. По тому, как он говорил и что предлагал, стало ясно, что все надо закончить к июлю при любых обстоятельствах.

«Он нашел правильный тон», — подумал Буркхардт. Берндт с удовлетворением похлопал по плечу Томса, когда тот вернулся на место. Вдруг, как всплескивается вода, когда в нее бросают что-либо тяжелое, Буркхардту вслед за этой мыслью пришла в голову вторая: «Надо играть здесь первую скрипку. Они и не догадываются, с кем имеют дело».

Последующие выступления Буркхардт слушал так же внимательно и с таким же интересом, как Томс и Берндт. Он совсем и не думал о том, что эти выступления можно использовать для чего-то другого, не относящегося к его обычной работе. И еще меньше думалось сейчас о том, чем же будет это другое. В эти минуты здесь, в конференц-зале, среди знакомых людей, он даже чувствовал себя в полной безопасности.

Только на обратном пути, когда они все вместе ехали домой, Буркхардт всерьез задумался о том, что случилось с ним несколько часов тому назад. Нет, теперь это уже не кажется сном. Сны тускнеют со временем и вспоминаются только случайно. А в его памяти все с большей отчетливостью всплывали одно за другим слова из разговора в кафе, пока он не повторил мысленно все, что было сказано. Мучительная тяжесть давила его, и он решил, что надо сбросить ее. Но как? Этого он еще не знал. Он знал только, что свою жизнь, единственную и драгоценную, несмотря на все неприятности, он не позволит погубить никакой силе на земле. Это не удалось нацистам, не удалось бы русским, не удастся и американцам. Этот коротышка Майер думает, что Буркхардт у него в руках, что с Буркхардтом все покончено. Все покончено! Но у Буркхардта никогда не кружилась голова, хотя он когда-то ходил по краю пропасти. Теперь у него начнется только другая жизнь.

Но Буркхардт еще не вошел в эту новую жизнь, начавшуюся сегодня утром, и не разобрался в собственных мыслях и чувствах. Он сидел впереди, рядом с шофером Зеппом, как и тогда, когда они ехали в Берлин, а Берндт и Томс, сидя сзади, разговаривали о совещании. Берндт усомнился в том, что директор Д-ского завода выражал свою личную точку зрения. Должно быть, его послал на трибуну кто-то другой, скрывавшийся за его спиной. Томс рассмеялся и сказал: «Кому же за ним скрываться? Злым империалистам? Нельзя всякий раз утверждать это, если человек сболтнет что-нибудь непутевое».

— Я думаю так только потому, — сказал Берндт, — что этот человек, где бы он ни выступал, всегда мешает и все тормозит.

Он наклонился к Буркхардту и напомнил ему об одном заседании, которое было несколько недель тому назад. Буркхардт припомнил все подробности. Да, он вполне согласен с Берндтом. Секундой позже у него возникла уже другая мысль: Берндт всегда проявляет осторожность в малом и беспечность в большом.

Они ехали по автостраде. Поля отливали зеленым блеском, бесчисленные полоски распаханной земли, унаследованной по старым законам и переделенной теперь по новым, сливались в ровном просторе, растворялись в вечернем покое, ничего не желавшем знать о страданиях и муках, о жадности и страхе. Даже людей не было видно. Только высились одинокие мельницы и колоколенки церквей, и гораздо ниже их, на самом краю равнины, стояло солнце. Вначале Буркхардт пристально смотрел на солнечный закат, потом забыл о нем, услышав, о чем говорили Томс и Берндт. Вдруг от дневного светила осталась одна только красная полоска на небе.

— Посмотри-ка! — невольно вырвалось у Буркхардта.

— На что? — спросил Берндт.

В самом деле, в вечерних облаках не было ничего примечательного. Буркхардт закусил губу, словно чуть было не выдал тайны. Сумерки длились долго. Лица сидевших в автомобиле можно было еще хорошо различать. Буркхардт заметил, как внимательно, почти по-отечески любовно прислушивается Берндт к словам Томса.

Томс сказал как бы про себя, но довольно громко:

— В первые недели, когда я приехал в Коссин, я говорил бы то же самое, что и этот директор. Я даже так и говорил. В беседе с Чуковым. Тогда мы только приступали к делу, план казался мне чистым безумием, хотя я и находил его увлекательным и интересным. Словно речь шла о строительстве завода в бразильских джунглях. Сначала, как вы знаете, я поехал в Коссин только потому, что вы, Берндт, были там. О многом заставил меня задуматься Чуков. Он теперь давно уже у себя в Донбассе или еще где-нибудь... — Томс запнулся, словно только сейчас заметил, что Берндт сидит рядом с ним. — Вы не обижаетесь на меня за такую откровенность?

— Помилуйте, — с улыбкой возразил Берндт, — то, что вы говорите, мне нравится!

Местность постепенно становилась холмистой. Свет от фар взбирался на холмы и опускался в низины. Машина пересекла мост через Эльбу.

Квадраты окон фабричного здания, отраженные в воде и излучавшие странный сумеречный свет, становились все ярче, по мере того, как все больше сгущалась темнота. Директор этой фабрики, выступавший на совещании после обеденного перерыва, рассказывал о новшествах, которые были введены у него на производстве. Скоро их введут и в Коссине и на всех других заводах. Например, в цехах будут вывешиваться таблицы с недельными и ежедневными планами, мастера и бригадиры будут участвовать в совещаниях при директоре, будут созданы постоянные бюро рационализации и изобретений.

Томс сказал, что Мюллер и Зеккендорф, которые до сего времени были ответственными за все эти мероприятия в Коссине, ему не нравятся. Он вспомнил, что Мюллер иногда превозносил никчемные «изобретения», которые вскоре отклонялись. И, напротив, некоторые жалобы авторов отклоненных предложений были справедливыми. Новое бюро должно хорошенько изучить все поступившие раньше предложения...

Буркхардт слушал все это, не вникая в смысл. Он внезапно почувствовал страшную усталость. Не хотелось думать ни о чем. Но, подобно тому, как уставший путник бессознательно двигает ногами, мысли его потекли сами собой, привычным путем. Он механически согласился, когда Берндт предложил свернуть с дороги: посмотреть на месте, как изменилось направление запасного пути из Л. в Коссин. Потом он, как и его спутники, возмущался тем, что работа застопорилась. Сам отправился в ближайшую деревню и вытащил из трактира десятника. Только один раз память

вернула его к тому изменению, которое произошло в его жизни и о котором ему еще нужно было подумать. А сейчас он негодовал на то, на что негодовал последние пять лет, радовался тому, чему радовался эти годы. Он был скован слишком большой усталостью, чтобы спросить себя: какое отношение имеют к этому новому в его жизни такие дела, как привлечение мастеров к директорским совещаниям или строительство запасного пути в Коссин?..

В этот вечер он, как и Томс и Берндт, обрадовался, как приятной встрече, когда показался знакомый силуэт Коссина, города и завода. На фоне луны и заводских труб все это образовало очертания старинного герба.

Вместо того, чтобы ехать по главной улице — Уферштрассе,— они двинулись прямо по заводской территории. Хотелось узнать, как обстоят дела в четвертом цехе. И снова Буркхардт первым обратил внимание своих спутников на висевший на стене плакат. По нему можно было узнать, на сколько процентов выполнила сегодня свой план вся смена и каждый рабочий в отдельности.

Молодежная бригада взяла обязательство закончить работы в четвертом цехе. Лицо парня, которого расспрашивал Берндт, задрожало от волнения, когда он увидел, что с ним разговаривает сам директор. Потом парень стал спокойно объяснять: еще во время учебы в слесарной преподаватель приучил их к тому, чтобы дневной план и процент выполнения вывешивать для всеобщего обозрения.

— Видите, им для этого не потребовалось совещания, вроде нашего,— сказал Буркхардт. В эту минуту он и двое остальных любовались чисто выполненными диаграммами. Всех их взволновал трудовой подъем этих ребят.

Машина остановилась у виллы Берндта. Берндт распрощался: этот вечер он проводил с женой и детьми.

Буркхардт поднялся вместе с Томсом на последний этаж, в свою квартиру. Хельга и двое гостей — инженеры Редль и Рентмейер — уже ждали их. Еще вчера Томс предложил собраться у Буркхардта, чтобы сразу же потолковать о решениях совещания.

Тонкими, красивыми руками Хельга расставила на столе закуски. Они не отличались обилием, но были старательно приготовлены. «А не рассказать ли ей все? — подумал Буркхардт. — Ведь хорошо иметь человека, которому можно рассказать все». И тут же мысленно оборвал себя: «А зачем? Во всяком случае, не сегодня».

Хельга разливала вино, мозельское вино из своего скромного запаса. Вина было немного, но достаточно для того, чтобы растопить остатки льда, сковывавшего гостей. Скоро зазвучал смех. Над чем смеялись, Буркхардт не расслышал, но смеялся вместе со всеми. Редль сказал что-то своим ворчливым и нудным голосом, и все рассмеялись снова. Должно быть, какие-то пустяки... Буркхардт подумал: «Как хорошо умеет Хельга обходиться с гостями! С самыми разными...» И он неожиданно погладил ее по голове, шутливо и нежно. Он теперь твердо знал, что жена в любом случае будет на его стороне.

За чаем Томс рассказывал о том, что было на совещании в Берлине. Буркхардт, когда в этом была необходимость, помогал ему припоминать подробности. Хельга думала: «Вот вы все носитесь со своими планами, а сами зачеркиваете целый кусок жизни Фрица — все откладываете дело с институтом». Едва она раскрыла рот, чтобы задать этот вопрос, как Буркхардт строго взглянул на нее:

— Долей мне, пожалуйста, чаю.

Томс, за которым наблюдала Хельга, сказал:

— Нам прекращают поставки из Западной Германии. Мы можем рассчитывать только на самих себя. Ваш муж понимает, что его желание не может осуществиться в этом году. — Он положил руку на плечо Буркхардта. «Как хотелось бы мне забиться в какую-нибудь мышиную норку! — подумал он. — Забиться и послушать, о чем будут говорить эти двое, муж и жена, когда останутся одни».

Но в эту ночь ему немногое пришлось бы услышать из «мышиной норки». Хельга лежала уже в постели, когда Буркхардт вернулся, проводив гостей до парадного. Хельга спросила:

— Ты мной доволен? Хорошо я все устроила?

Буркхардт неторопливо ответил:

— Великолепно. Как всегда.

Он сел рядом с ней и стал задумчиво гладить ее волосы, как раньше, за столом. Она обвила руками его шею и привлекла к себе. Но Буркхардт тотчас же поднялся и сел. Он снова гладил ее волосы и лоб, как будто надо было стереть какую-то тень, лежащую на лице, даже если оно было таким же беззаботным, как ее. Он отвел от нее взгляд и отнял руку. Встал и обошел вокруг кровати, чуть не шатаясь от усталости. Он тотчас же заснул, крепко и без сновидений.

Перевел с немецкого **В. СТЕЖЕНСКИЙ.**

У ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ

Адреса на конвертах выведены затейливой арабской вязью, четкими буквами латинского алфавита, значками японских иероглифов. Но если сделать перевод, то получится одно и то же на всех конвертах: «Москва, Кропоткинская улица, 10, Комитет ветеранов войны». Письма от разных людей и о разном. Но во всех — тревога за будущее мира и радость от сознания того, что на земле есть силы, противостоящие войне.

Сюда приходят бывшие узники Бухенвальда, герои Перекопа, солдаты, защищавшие Сталинград, генералы, штурмовавшие Берлин. Приходят люди всех возрастов и званий. Познакомимся с некоторыми из них, поинтересуемся, чем занимаются сейчас бывшие воины.

Вот пришла Нина Молий. Во время войны она сражалась в одном отряде с Зоей Космодемьянской. А после победы участвует в работе по созданию географических карт.

В секции бывших фронтовиков, где шла оживленная дискуссия, как интереснее организовать экскурсию по Советскому Союзу для французских ветеранов войны, которые приглашены комитетом, мы встретили Григория Даниловича Титова. Вырвавшись из фашистского плена, он воевал в партизанских отрядах в Бельгии. Теперь Титов работает слесарем на заводе.

В кабинет ответственного секретаря комитета Алексея Маресьева входит высокий седой мужчина. Это Герой Советского Союза А. Н. Сабуров, командовавший в годы войны партизанским соединением.

— Сейчас и литературой занимаюсь,— улыбается Сабуров и показывает объемистую папку. Здесь хранятся воспоминания участников боев. Скоро будет издана книга «Партизанские были».

В Комитете ветеранов войны четыре секции: бывших фронтовиков, партизан, военнопленных и инвалидов войны. В каждой секции кипит работа. Вот и сейчас бывшие фронтовики обсуждают план летнего отдыха для детей погибших героев движения Сопротивления в Европе. Дети из Италии, ГДР, ФРГ, Люксембурга приедут в Артек. И заглянувшие в комитет генералы, обложившись картами Крыма, обсуждают, куда в первую очередь повезти ребятишек и что в первую очередь им показать.

В кабинете ответственного секретаря мы застали Героя Советского Союза летчицу М. П. Чечневу, старейшего генерала Оку Ивановича Городовикова и партизана «Батько» — Петра Елисеевича Кривоносова.

Впервые с Кривоносовым мы встретились не в Комитете ветеранов войны, а на станции метро «Измайловская». Там, напротив скульптурного портрета Зои Космодемьянской, увидишь трех людей, изваянных в бронзе: это Кривоносов и партизаны его отряда — Герой Советского Союза Тося Петрова и пионер Петя.

П. Е. Кривоносов — лектор Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Он ездит по стране, читает лекции о героях борьбы против фашизма.

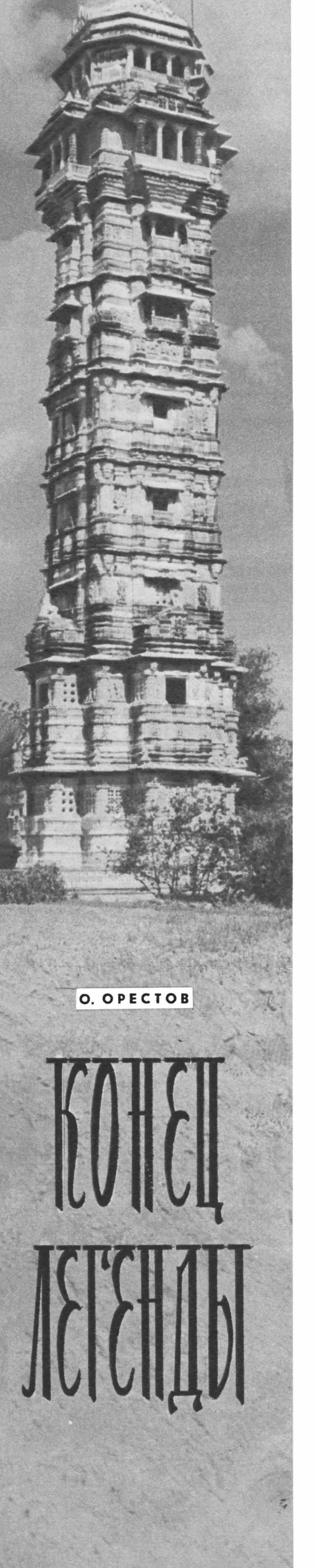
В советском Комитете ветеранов войны часто собираются простые советские люди — электрики, геодезисты, учителя, рабочие, врачи. Эти люди сломили фашизм. Эти люди ненавидят войну. Эти люди смогут защитить мир.

Юл. СЕМЕНОВ

В Комитете ветеранов войны встретились герои гражданской и Великой Отечественной войн: О. И. Городовиков, П. Е. Кривоносов, А. П. Маресьев, М. П. Чечнева, А. Н. Сабуров.

Фото И. Тункеля.

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

О. ОРЕСТОВ

В стране раджпутов

Даже в Дели в жаркие и ясные майские дни нередко вдруг меркнет солнце, на западе появляется желтая, цвета глины пелена. В безмолвии замирают деревья, не колышется листва; белые стены домов окрашиваются в тревожный оранжевый цвет.

— «Лу» идет! — говорят делийцы, поспешно закрывая окна.

«Лу» — так называют горячие ветры, несущие с необъятных просторов Раджастана миллионы тонн мельчайшей пыли и песка.

Раджастан... Суровый пустынный край.

Мы едем по дорогам громадного штата. Высокие изгороди из кактусов окаймляют дорогу. По сторонам песчаные холмы, овраги, редкий колючий кустарник. Человеческое жилье встречается редко, оно там, где есть вода — самое драгоценное в этом иссушенном зноем крае.

Но в оазисах, где раскинулись небольшие города и деревни, забываешь о пустыне. Здесь зеленеют поля пшеницы и хлопка, покачиваются на ветру пальмы, олеандры цветут у обочин шоссе.

Идут крестьяне, погоняя волов, таща на плече деревянные сохи. У них большие, пышные тюрбаны, желтые или красные,— таких не увидишь в других районах Индии. На женщинах широкие, сборчатые юбки все того же красного и желтого цвета, на ногах — звенящие серебряные браслеты.

Раджастанцы часто уходят на заработки в города. В Дели всегда можно увидеть на стройках раджастанских женщин. Слегка прикрыв лицо платком, в своих ярких одеждах, они несут на голове кирпичи, корзины с землей, поднимаются, бренча ручными и ножными браслетами, вверх по лесам, стоят у бетономешалок.

Природные условия и климат Раджастана наложили отпечаток на его жителей. Люди веками жили в суровых условиях непрерывной борьбы с природой; горячий ветер делал грубой их кожу; пески, надвигаясь, угрожали их жилищам; даже небольшое путешествие было сопряжено с опасностями. И раджастанцы всегда были физически выносливым, смелым, воинственным народом. Страна раджпутов давала Индии лучших воинов.

Раджпуты поразили воображение нашего великого художника В. В. Верещагина. С его полотен глядят мужественные бородатые лица раджпутских воинов — в тюрбане, со щитом, пикой и мечом. Они же на его картине «Въезд принца Уэльского в Джайпур», хранящейся в Калькуттском музее.

Когда уже больше половины Индии находилось под властью мусульманских завоевателей, раджпуты продолжали отстаивать свою независимость, нанося поражение за поражением войскам делийских императоров. Это сопротивление могло быть еще более успешным, если бы Раджастан не был расколот на множество феодальных княжеств, правители которых враждовали друг с другом.

↑ Джайя-стамбха — Башня победы, возвышающаяся над крепостью Читоргарх.

«Прекрасная Елена» из Раджастана

Средневековье разбросало свои следы по всему Раджастану. Древние форты, крепости, замки раджпутов, большие и маленькие, вы встречаете в городах и просто в пустыне. Было время, когда этот край напоминал вооруженный лагерь. Войска феодалов опустошали деревни, осаждали крепости, отражали вылазки и атаки, уходили в далекие походы или обороняли страну от вторжения других феодалов.

Годы бесконечных битв и сражений оставили свои приметы и на облике раджастанских городов. Джайпур, Джопур, Удайпур — это памятники средневековой Индии, почти не изменившие своего лица с тех пор. Двадцатый век проникает в Раджастан намного медленнее, чем в другие районы Индии.

Мы остановились около одной из древнейших крепостей Раджастана. Это Читоргарх — величественный замок у небольшого города Читора.

По краю громадной скалы, над обрывом, извиваясь, тянется зубчатая стена длиной в тринадцать километров. Через небольшие промежутки возвышаются то квадратные, то круглые крепостные башни с бесчисленными щелями бойниц. За стеной целый город: дворцы, храмы, жилые дома, площади, пересохшие пруды. Над всем господствует стройная башня, от подножия до вершины украшенная тонким орнаментом. Это Башня победы — Джайястамбха.

С запада вплотную к крепости подходит река. Здесь крепостные ворота выходят на мост, который связывал форт с городом Читор.

Джунгли и пески наступают на Читоргарх. Цепкие кустарники и лианы кое-где уже закрывают зубцы стен, переваливаются через них внутрь крепости. А кругом расстилаются бескрайние равнины Раджастана.

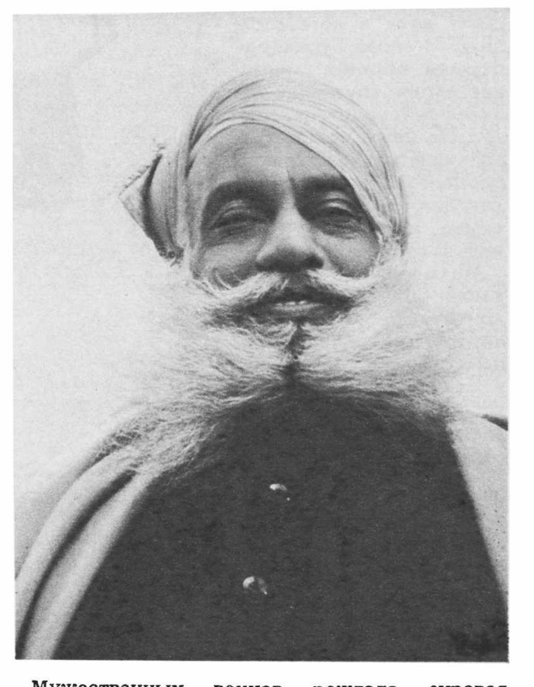
Четырнадцатый век... Читор — оплот раджпутов из клана Сисодиа, которые уже шесть столетий правят краем горных хребтов Аравалли и прилегающих равнин. Они горды и заносчивы, их побаиваются соседние кланы, трудно победить их в бою.

В Читоре правит Рана Ратан Сингх. Далеко идет слава о его подвигах, о красоте его молодой жены Падмини. Узнал о красавице-раджпутке и делийский султан Ала-ад-дин Хильджи. Он решил завоевать Читор и овладеть Падмини. Его войска обложили крепость; осада длилась долгие месяцы. Воины султана роптали: они устали от жизни в пустыне, от вылазок осажденных раджпутов, их угнетала бесплодность похода. Тогда Ала-ад-дин послал гонца в крепость: он согласен снять осаду, отказаться от Падмини, но при условии, что ему позволят хоть раз взглянуть на нее.

Ратан Сингх собрал придворных. Требование Ала-ад-дина было неслыханным: чужак-мужчина не может видеть лица раджпутской женщины! Это бесчестье! Но истощались припасы, люди в крепости голодали и теряли силы. Тогда старейшины нашли решение: Ала-ад-дин не увидит Падмини, но он сможет взглянуть на ее отражение в зеркале...

Ала-ад-дин согласился. Зная, что раджпуты никогда не нарушат слова и не обидят гостя, он пришел в крепость безоружным, только с одним слугой. Его провели в одну из башен дворца на берегу большого пруда. На острове находился дворец рани (царицы), а она сама сидела на ступенях у входа во дворец. Ала-ад-дин повернулся спиной к окну башни, перед ним повесили зеркало. Чудесный образ Падмини, отраженный в зеркале, очаровал Ала-ад-дина и толкнул на вероломный шаг.

Желая отплатить доверием за доверие, Ратан Сингх вышел из крепости, чтобы проводить султана. Воины схватили Ратан Сингха. Ала-ад-дин возобновил осаду форта. Вызвав подкрепления из Дели, он в 1303 году овладел Читоргархом и разграбил его.

Мужественных воинов рождала суровая земля Раджастана.

Но та, из-за которой кипели эти бои, не досталась Ала-ад-дину. Когда уже не оставалось никакой надежды на спасение крепости, женщины совершили страшный обряд раджпутов — джаухар. Возглавляемые Падмини, двести женщин спустились в подземелья форта. Со словами священных гимнов на устах они взошли на зажженные там огромные костры.

...По выщербленным каменным ступеням мы спускались все ниже и ниже. Сюда не доходит солнечный свет, только свеча проводника освещает подземелье замка. Вот большой восьмиугольный зал с низкими сводами, грубыми колоннами и возвышением посередине. Здесь, по преданию, и разыгралась средневековая трагедия...

На одной из стен дворцовой башни нам показали старинное зеркало, в котором, по словам проводника, Ала-ад-дин увидел Падмини. Но это уже остается на совести нашего гида...

Падение Читора

Читор несколько раз переходил из рук в руки. Раджпуты вновь овладели крепостью, чтобы потерять ее в 1540 году. Затем она опять оказалась во владении раджпутов и наконец пала окончательно в 1568 году, когда на престоле Дели сидел Великий Могол Акбар.

Войска Акбара подошли к непокорной крепости в 1567 году. Но не было уже в Читоре храброго правителя, каким был Ратан Сингх. Его место занимал трусливый Удай Сингх, бежавший при приближении первых солдат неприятеля.

«Как было бы хорошо, — восклицает историк, — если бы в анналах Читора никогда не упоминалось имя Удай Сингха!»

Крепость не сдавалась. Борьбу возглавили мужественные воины Джемаль и Патта. Шли недели и месяцы, а крепость стояла все так же неприступно на темной скале. К югу от нее был небольшой холм. Акбар и его военачальники решили увеличить высоту холма и поставить пушки так, чтобы они господствовали над фортом. Акбар отдал приказ платить жителям окрестных деревень по золотой монете — мохуру — за каждую корзину земли, принесенную на вершину холма. Этот холм у крепости и поныне носит название Мохур Мангри.

Вскоре загрохотали пушки, и в стенах крепости образовались первые бреши. Одним из выстрелов был убит храбрый Джемаль. Положение осажденных стало безвыходным. И снова несколько тысяч женщин спустились в подземелья, чтобы совершить джаухар.

Восемь тысяч раджпутских воинов собрались, чтобы выполнить печальный древний обряд. Они поделились друг с другом паном (листьями бетеля со специями для жевания), облачились в желтые монашеские одеяния и, открыв ворота, бросились в последний раз на врага. Так пал отважный Читоргарх.

Но не все раджпуты погибли в этом бою. Часть скрылась в джунглях, где к ней присоединились позднее многие горожане и ремесленники, бежавшие из Читора. Их возглавил один из читорских князей, Рана Пратап, и на просторах Раджастана началась партизанская война против армии Великих Моголов. То там, то здесь неуловимые воины Рана Пратапа наносили ей удары. Не хватало оружия, и раджпуты научились кузнечному ремеслу; в глухих лесах они ковали пики, мечи, стрелы и кинжалы. В те дни Рана Пратап и его последователи дали суровый обет: не возвращаться в Читор, не спать под крышей или на кровати, не жить оседло, не есть из металлической посуды, пока не будет освобожден от иноземных правителей форт Читоргарх.

Шли десятилетия и века. Прекратились стычки между раджпутами и мусульманскими завоевателями. Появился новый, общий враг — европейские колонизаторы. Но, как и прежде, кочевали по раджастанским пустыням бродячие кузнецы, которых теперь именовали «гадийя лохар» («кузнецы на телегах»). Они ковали уже не наконечники для стрел, а топоры, зубья для борон, лопаты и гвозди.

...Мы подъезжали к одному из раджастанских городов. На пустыре близ города раскинулся табор. Стояли телеги, горели костры, ходили одетые в лохмотья люди. Кое-где стояли походные наковальни, у телег женщины мыли глиняные блюда и горшки. Не было видно даже палаток; люди спали на земле или на телегах. Это и были лохары — кочевые кузнецы, потомки доблестных читорцев. Многие из них уже не помнили истории своего города, но все свято хранили обет, данный четыреста лет назад. Если спросить лохаров, кто они, то ответ один:

— Мы раджпуты Сисодиа...

И во всех своих странствованиях они всегда обходят стороной величественный полуразрушенный форт Читоргарх.

Лохары возвращаются в родной Читоргарх.

«Крепость наша!»

...Индия независима! Не ступают больше иностранные завоеватели по священной земле Раджастана или Пенджаба. Никогда больше чужеземные воины не подойдут к стенам Читоргарха. Настало время и лохарам вернуться в родные края: они выполнили обет предков и больше ничто не вынуждает их кочевать впроголодь по неприветливым пескам.

6 апреля 1955 года к стенам Читоргарха прибыл премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Он возглавил торжественную церемонию — повел раджпутов-лохаров на последний «бой» за освобождение Читоргарха.

Еще накануне к Читору начали стекаться телеги лохаров, над которыми колыхались трехцветные индийские флаги. Высокие, крепкие, закаленные кочевой жизнью, лохары пели свои песни о родном Читоре, о своем вожде — Рана Пратапе. По традиции они поставили на ночь 50—60 телег полукругом и расположились на ночлег. А вдали в облаках пыли виднелись приближавшиеся новые и новые повозки. Раджпуты Сисодиа возвращались на родину...

Утром под звуки фанфар и барабанов четыре тысячи лохаров двинулись за автомашиной, в которой стоял Неру, к мосту через реку. В руках многих были изображения Рана Пратапа и лозунги со словами:

«В Читор!», «Дайте нам землю и дома!»

Неру первым вступил на исторический мост, через который четыре века назад вышли последние защитники Читоргарха. Он воскликнул:

— В Читор! Переходите через реку, крепость наша!

И с радостными криками лохары бросились вперед, на мост, через древние ворота в крепость. Неру ехал дальше, к центру крепости, и поднял над Башней победы государственный флаг Индии.

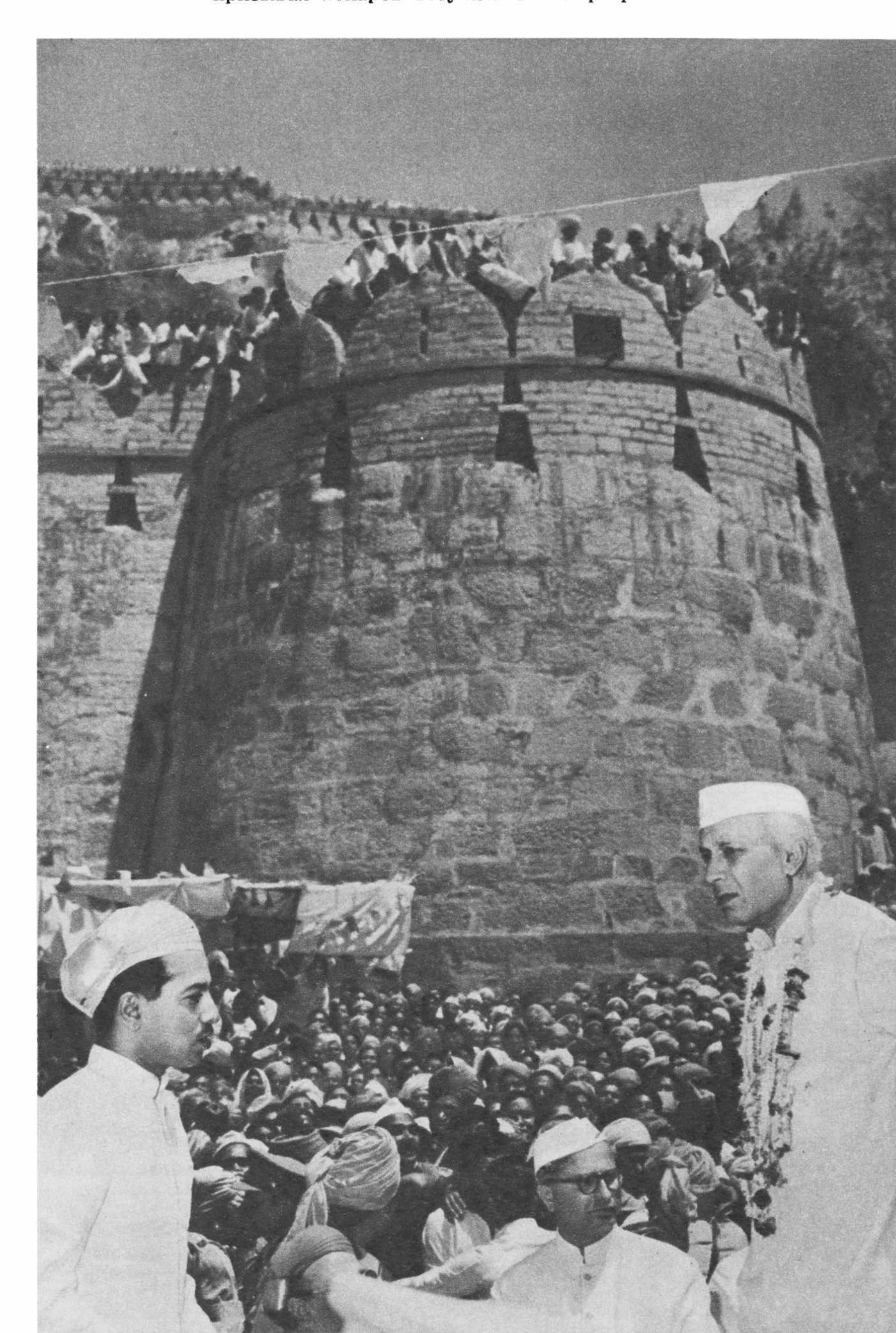
Двести тысяч человек собрались на площади послушать премьер-министра. Он сказал, что лохары с честью выполнили свой обет и теперь настало время, чтобы они вошли в семью индийских народов.

— Настало время, — добавил премьер-министр, — когда мы должны считать служение Индии нашей главной религией, какую бы религию ни исповедовал каждый из нас. Точно так же мы должны прежде всего считать себя индийцами, независимо от касты, веры и общинной принадлежности каждого из нас.

Кончились годы тяжких испытаний и лишений и для небольшой общины лохаров. Они — уже с помощью правительства — садятся на землю и оставляют кочевой образ жизни. Это настойчивые, трудолюбивые люди, которые принесут немало пользы родной стране.

И как памятник их мужеству и свободолюбию еще века будет стоять среди просторов Раджастана на темной скале величественный замок Читоргарх...

«Крепость наша!» — провозгласил на празднестве премьер-министр Неру, призывая лохаров вступить в Читоргарх.

Николай КРИВАНЧИКОВ

СОЛДАТСКИЕ ЛАДОНИ

Ливень
мял гречишные поля,
черноту гроза
рвала на клочья.
Спрашивал у бабки я
той ночью:
— Почему не падает земля?

— Держится
на трех китах
она.
Это, Коля, бога повеленье...
Я не знал, что грош была цена
тем необъяснимым объясненьям.

Не сыскал я в книгах этих слов:
что ж,
столкнули землю с трех китов,
а земля, как видим, не упала.
Но сейчас, поклясться я готов,
мне
научных толкований
мало!

По земле, где смертью
дым пропах,
шли солдаты с мужеством
орлиным,
шли в своих тяжелых сапогах
от родных околиц до Берлина.

Были версты кровью облиты,
а земля качалась в горьком стоне,
и держали землю не киты,
а солдат усталые ладони.

И отжившей выдумки
стократ
жизнь умней:
как след высокой доли,
подтверждая это,
у солдат
светятся медали и мозоли.

СТАРПОМ

Месяц стал над подводной
лодкой.
Сходни с маху легли пластом.
Непривычной к земле походкой
молча сходит по ним
старпом.

Блеск созвездий и запах тмина,
друга вздрогнувшая рука.
Не проходит
даже в глубинах
о замужней, земной
тоска.

Взгляд девчонки навстречу
светел,
но моряк его не заметил.
Клен покатым пожал плечом:
я, мол, здесь совсем ни при чем...
До рассвета заснуть не может.
Кто же скажет ему о том,
что земная, замужняя
тоже
до рассвета грустит
о нем?

* * *

Тебе ромашки, как цыганки,
врали,
когда, в чужие приходя моря,
то отдавали мы, то выбирали,
то снова отдавали якоря.

Не разлучить сердца и души
наши.
Мы, словно ветер и волна, близки.
А если снова будут врать
ромашки,
ты вырви у ромашек языки.

Но если на стихающем просторе
заплачет чайка о моей судьбе,
поверь ей и не спрашивай у моря,
когда оно вернет меня тебе...

СТИХИ О МОЕМ ЗЕМЛЯКЕ

Опять штормит,
и ветер вымпел крутит.
За бортовой бронею не видна,
наотмашь хлещет по моей каюте
распущенными косами
волна.

Моим друзьям
гражданский берег снится,
а я курю и не засну никак:
мне вспомнилась
кавказская станица,
любимый самый
вспомнился
земляк...

Ревет поток, волну в ущелье пеня.
Шальная пуля входит в облака.
Встречается сосна
с летящей тенью
поручика Тенгинского полка.

Крадутся горцы на орлиных
кручах.
С копыт слетает в пропасть
вихрь огня.
Нет, не привык отчаянный
поручик
под пулями осаживать коня.

Что для него
кинжал коварный значит!
Сейчас ли думать: «Боже,
пронеси», —
когда его душа
поет и плачет
о родине нелегкой,
о Руси,
той, где в сочельник трезвый,
под крестами,
на благонравных маменек
косясь,
целуются красотки с юнкерами
да сторож лезет в яму
с пьяных глаз;

той самой, где, летя с полей
заветных,
далекий царскосельский
тронув сад,
тоскующие пензенские ветры
над пушкинской могилой
голосят.

Поведай, Русь:
нескоро или скоро
свистящий о возмездии свинец
тебя
от Николая с Бенкендорфом
«и прочая»
избавит наконец?

А Русь молчит.
Она не знает, значит.
Лишь в нищей кружке —
звяканье гроша,
и все тревожней
и поет и плачет
поручика мятежная душа;

и с детских лет не знающий
покоя,
летящий
в двух шагах от бездны злой,
он бури ждет,
с восторгом и тоскою
шепча:
— Как будто в бурях есть покой!..

Курятся сакли на заре в ауле,
свободой и легендами маня.
Шумит чинара.
Снова свищет пуля.
А мой земляк
все горячит коня.

...Рассвет.
Курю.
Дописываю строки.
В иллюминатор видно: за бортом
«белеет парус одинокий
в тумане моря голубом».

* * *

Мы знаем запах лилий и свинца.
Мы влюблены в Россию
с колыбели.
Взрывали мы и мины и сердца,
когда ее отнять у нас хотели.

У нас крепки и руки и рули.
Наш курс — в никем не виденные
дали,
чтоб дети наши
увидать смогли
все то, что мы, отцы, не увидали!

А. С. Пащенко. ПАМЯТНИК БОГДАНУ ХМЕЛЬНИЦКОМУ В КИЕВЕ.

На этой странице мы воспроизводим две цветные гравюры на линолеуме заслуженного деятеля искусств УССР, члена-корреспондента Академии художеств СССР Александра Софроновича Пащенко.

Автор живописных полотен и акварелей, А. С. Пащенко широко известен своими графическими работами. Природа Украины, ее города, заводы, колхозы — вот основная тема его офортов, гравюр и рисунков.

Украинский художник ведет также большую общественную и педагогическую работу. Профессор А. С. Пащенко руководит графической мастерской станковой графики Киевского государственного художественного института.

А. С. Пащенко. КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА ИМЕНИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

В государстве ГАНА

Побережье Гвинейского залива.

Фото Н. ПАСТУХОВА.

Вождь племени из центрального района Ганы с

Главная улица Аккры — столицы Ганы — в дни празднеств.

В деревне. Пляска крестьян под барабаны «там-там» в честь провозглашения независимости.

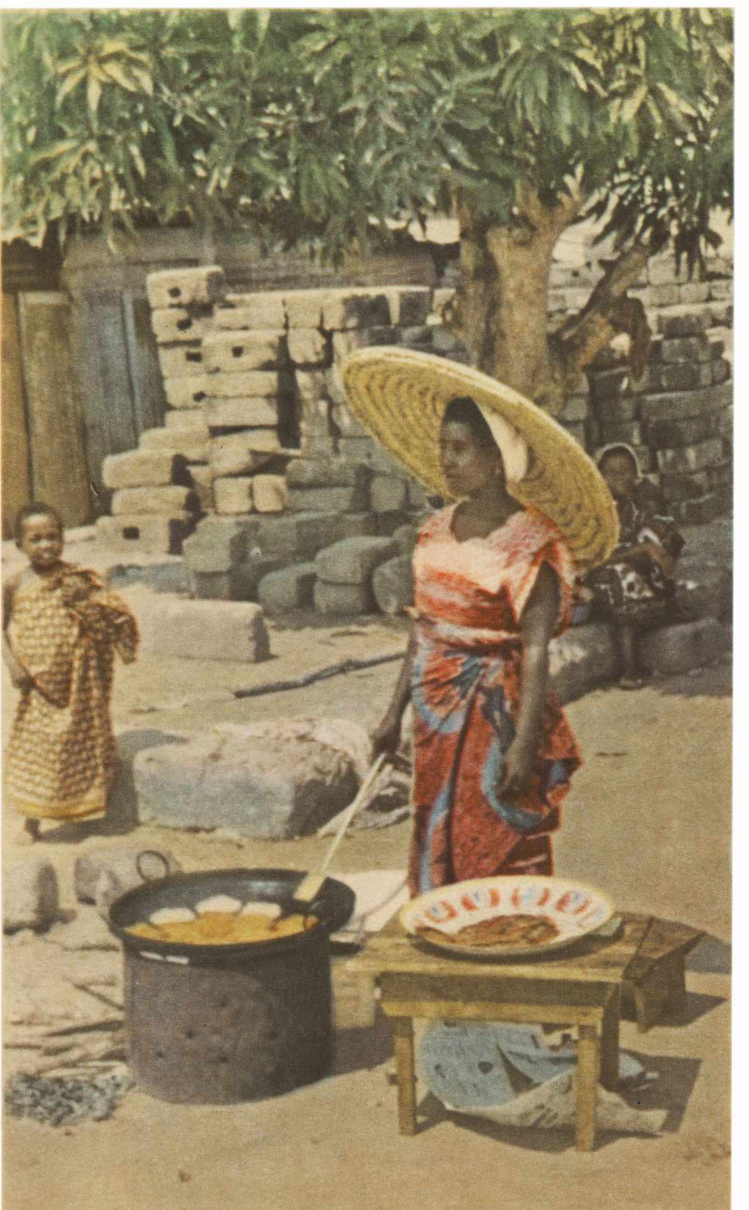

Молодежь — будущее Ганы. Она понесет вперед знамя борьбы за полную независимость своей родины.

о своей свитой.

Торговля жареными маниоковыми лепешками на улице Аккры.

— Вы из Москвы?! Там сейчас зима и падает снег? О, как интересно!

Б. А. Месропян. ГОРОД ГОРЬКИЙ. НА ВОЛГЕ.

Б. А. Месропян. ГОРОД ГОРЬКИЙ. МОСТ НА ОКЕ.

ПОСЛЕ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ РАЗЛУКИ

Улыбающийся юноша, которого вы видите в центре фотографии, еще совсем недавно не догадывался, что его подлинное имя — Валерий, а фамилия — Лукашов. Он воспитывался в Плесском детском доме, Приволжского района, Ивановской области, где звали его Виктором Солнцевым. Как-то он узнал, что в 1943 году маленьким ребенком был эвакуирован из Смоленской области в Иваново. Документов при нем не было, мальчику произвольно дали имя, отчество и фамилию. Даже возраста точно не знали, и пришлось его определить наугад: два года пять месяцев.

Воспитанник детского дома часто думал о Смоленщине, отыскивал ее на карте, мечтал в глубине души, что когда-нибудь найдутся его родные. А когда поделился своими мыслями с директором детского дома Александрой Муравьевой, она посоветовала написать в Смоленск, в областную газету.

Так поступило в «Рабочий путь» письмо из Плеса. Газета в последние годы многим помогла отыскать родных, потерянных во время войны. Но как начинать поиски, если о парнишке, который называл себя Витей Солнцевым, нет каких-либо определенных сведений? Что предпринять? Сотрудники отдела писем связались по телефону с детским домом. Но необходимых подробностей узнать им не удалось.

Спустя некоторое время «Рабочий путь» опубликовал заметку «Помогите Вите найти родных!». Тут же газета поместила и портрет воспитанника детдома. Это было 20 марта 1957 года.

А уже на следующий день коллектив редакции облетела радостная весть:

— У Вити нашлись родители!

В отдел писем позвонил медник паровозного депо станции Смоленск-Сортировочная Николай Михайлович Лукашов и сообщил, что он отец мальчика. Через несколько часов в редакцию пришла возбужденная мать Вити Александра Григорьевна Лукашова. Она принесла многочисленные фотографии из альбома. И все сразу нашли поразительное сходство между юношей, чей портрет был напечатан в газете, и всеми членами семьи Лукашовых.

— Это мой Валерка, наш сын! — твердила женщина.

Александра Григорьевна рассказала о том, что произошло с ее ребенком в первые дни войны. В июне 1941 года Валерик заболел, сперва лежал в детской больнице железнодорожной станции Колодня, а затем А. Г. Лукашова отвезла сына в смоленскую клинику уха, горла, носа, в стационар. После этого Александра Григорьевна не могла проведывать Валерика ежедневно. Она тогда работала оператором на станции Смоленск-Сортировочная, и приходилось нести вахту круглосуточно. Через неделю из больницы сообщили, что детей эвакуировали в деревню Сож, километрах в двенадцати от Смоленска. Но мать, поспешившая туда, мальчика не нашла. Ребятишек отправили в другой населенный пункт, и узнать, где они, было невозможно.

Мужа А. Г. Лукашовой в те дни призвали в армию. Александра Григорьевна с шестилетней дочкой оказалась на оккупированной территории, и их угнали в Германию.

Когда окончилась война, Лукашовы собрались в Смоленске. Николай Михайлович вернулся из армии, а Александра Григорьевна — с чужбины. Снова начиналась семейная жизнь. Но в сердце родителей не утихала боль утраты: за столом недоставало Валерика. Куда они только не обращались в послевоенные годы! Но утешительных вестей ниоткуда не поступало.

И вот пришло счастливое известие!

В Смоленске Валерику выдали новое метрическое свидетельство и паспорт. Ныне он продолжает учебу в 27-й железнодорожной средней школе.

...Маленькая заметка в газете взволновала десятки читателей. В Плесский детский дом поступило много писем из различных районов Смоленской области. Их прислали чуткие советские люди, выразившие готовность усыновить юношу, если не отыщутся его родные.

С. ШПУНГИН

Семья Лукашовых. Слева направо: Николай Михайлович Лукашов, дочь Галя, сыновья Аркадий, Валерий, Саша и Александра Григорьевна.

Фото П. Гальчинского.

ЧУЖИЕ СНЫ

Рассказ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Все было очень просто. И зачем она столько волновалась: «Ехать или не ехать?» Страшно было подумать: «Диксон, какая даль!» А теперь казалось, что Москва где-то совсем рядом. Подумаешь, четырнадцать — пятнадцать часов лёта!

Маша стояла посреди комнаты и смотрела на мужа, словно не могла еще поверить, что это он. А это был Гришка, самый родной, самый дорогой на свете человек. Теперь смешными и незначительными казались их ссоры дома.

Григорий, высокий, с красивым обветренным лицом, смотрел на нее сверху вниз и говорил несвойственным ему нежным голосом, будто успокаивал:

— Ну, вот и приехала, Маша. Вот и хорошо!..

Маша уткнулась лицом в его фуфайку, пахнувшую бензином, и проговорила:

— Сначала решила: не поеду — и не выдержала.— Последние слова она сказала с гордостью, точно хвасталась своей слабостью.

Маша отошла от Григория, развязала платок, усмехнулась: ведь еще лето, а приходится снимать с себя зимнее пальто. Куда это все повесить? Она быстро оглядела комнату: стол, два стула, незастланная кровать, на ней валяется полушубок Григория. Маша бросила туда же свое пальто и сказала весело:

— Это же сарай, а не комната. Эх ты, холостяк!

Григорий заговорил, до боли сжимая ее тонкие руки, покрытые слабым загаром:

— Маша, милая, ерунда все это! Недолго здесь жить придется. Еще каких-то семь месяцев. Ты хозяйкой этой гостиницы будешь. Я уже договорился. Будешь?

Маша высвободилась из его рук, прошлась по комнате, чувствуя себя очень счастливой. Она даже плохо понимала, что говорил ей муж. Вспомнила, как московские соседки восторгались ею, когда она уезжала: «В двадцать два года забираться в такую даль! Есть же такие отчаянные люди на свете!»

— Знаешь, сколько денег с собой привезем! — Григорию показалось, что жена чем-то недовольна.— Шубу тебе купим, цигейку, хочешь?

— Да подожди ты! — Маша, рассмеявшись, толкнула его в грудь.—Ты лучше покажи, где мне умыться.

Работать хозяйкой гостиницы совсем нетрудно. Встретить пассажиров, приготовить чистую постель, на другой день разбудить к самолету... Времени свободного много, обед варить не надо.

Три раза в день ходила Маша с Григорием в столовую аэропорта. Дома какие дела? Прибрать большую, почти пустую комнату. А потом делай, что хочешь.

И тогда Маша ложилась на большую медвежью шкуру, гладила лапу с пожелтевшими, беспомощными когтями и раскрывала книгу. Маша никогда не увлекалась чтением, но сейчас надо было убить время.

Прошло всего два месяца, как она на Диксоне, а кажется, будто уже много лет. Просто Маша до тошноты привыкла ко всему: к скрюченной от холода дороге, к стрекочущему шуму катеров, к долгим, охрипшим гудкам пароходов. Маша любила смотреть на пароходы, когда они стояли на рейде. Издали они казались совсем игрушечными, и почему-то было обидно, когда они уходили, грустно прогудев на прощание три раза. В эти минуты страшно хотелось домой. Маша чувствовала, что и Григорий работает без интереса, что ему надоело ездить на бензовозе и заправлять самолеты, а в заносы расчищать аэродромы. Она видела, как Григорий, приходя домой, долго смотрел на свои озябшие руки.

— Домой хочу, Гриша,— осторожно вставляла она.

— Не ной, только не ной, и без тебя тошно! — Он подходил к окну и, немного помолчав, говорил с упреком: — Вот ведь ты какая, Маша...

— Не сердись, Гриша, родной, ладно? — просила она, чувствуя, что обидела его. И он становился сразу ручным и нежным.

— Не сержусь я, Маша, а просто устал. Ты вот не много здесь, а я больше года. Устал.

Тогда они усаживались на медвежью шкуру и мечтали.

Они мечтали, как приедут в Москву и непременно купят маленький домик за городом. Ведь все их ссоры были из-за квартиры: Григорий не ладил с ее матерью, а снимать комнату не было средств. Теперь они заработают деньги и сами решат так называемый квартирный вопрос. Потом они поедут на Кавказ, будут лежать на горячем песке, шлепать босыми ногами к морю. Обо всем этом они говорили с Григорием целыми вечерами. И все-таки Маша ловила себя на том, что ей скучно, когда долго нет самолетов. Она ждала их и радовалась телефонному звонку и равнодушному голосу диспетчера в трубке:

— Через три часа самолет — готовьтесь.

В гостиницу приходили обыкновенные усталые люди. Маша быстро распределяла их по комнатам, стелила постели. Она заметила, что пассажиры непременно должны рассказать о себе, все равно кому, все равно как. На другой день самолет увозил этих людей, которых, быть может, она никогда и не встретит, которых она не знает ни по имени, ни по фамилии. Но все-таки Маша запоминала их надолго.

Последний самолет прилетал три дня тому назад. Он привез много пассажиров. Среди них была одна женщина, маленькая, в большой шапке-ушанке, нахлобученной до бровей. Держалась она как-то очень прямо; так и казалось, что она сейчас станет на цыпочки, чтобы быть выше. Глаза у нее были большие, очень темные и быстрые. «Цыганские»,— подумала Маша.

— Вы поместите мужа вместе со всеми, а меня отдельно,— обратилась она к Маше.— Там накурят, а я устала.— Женщина не повернулась к мужу, а только кивнула головой в его сторону. Он стоял возле нее, большой, широкоплечий, и безразлично смотрел перед собой, словно разговор этот его вовсе не касался.— Глеб,— проговорила женщина, точно вопрос о расселении уже был решен,— возьми из чемодана что тебе нужно.

Глеб покорно присел на корточки — дружно щелкнули замки чемодана. Он достал оттуда маленький пакет, сказал, выпрямившись:

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Маше вдруг захотелось сказать женщине, что никакой отдельной комнаты для нее не будет. Что за начальница она такая — приказы да капризы. А с мужем какова! Но женщина уверенно пошла по коридору, как будто здесь прожила всю жизнь, отворила первую дверь.

— Пусто, здесь и останусь. Хорошо?

В ответ Маша только пожала плечами.

Женщина сняла с себя полушубок, шапку и стала похожа на девочку-подростка. Она както очень ловко прыгнула на кровать, растянулась, положив руки под голову, и сказала с таким наслаждением, что у Маши пропала всякая злость:

— Как здорово!

— Что это вы с мужем так? — спросила Маша и спохватилась: собственно, какое ей до этого дело?

— Не муж он мне больше,— сказала женщина очень просто.

— Как так?

— Да так.— Она лежала и смотрела в потолок своими цыганскими глазами.— Разошлись — и все.

Маша ничего не могла понять. Летят в одном самолете, вещи лежат в одном чемодане — и вдруг на́ тебе, разошлись.

— Дорогой, что ли, разругались?

— Нет, давно.— Она порывисто поднялась, села, поджав под себя ноги.— Жили на одной полярной станции. Я гидролог, работа была интересная, не хотелось бросать все и уезжать. Да мы и не ругались,— проговорила она и почему-то строго посмотрела на Машу.— Просто поняли, что вместе жить не можем.— Она опять легла и снова уставилась в потолок, словно старалась найти там что-то.— Да, вот так и бывает. Вместе учились в институте, два года ухаживал за мной и казался совершенно необыкновенным человеком. А пришлось пожить вместе в тяжелых условиях — совсем другой. Мы ведь, когда любим, многое выдумываем.

Маша слушала ее молча. Ее удивляло, что женщина так легко говорит об этом.

— Все-таки плохо будет без мужа,— наконец проговорила Маша.

— Без хорошего друга плохо,— поправила ее женщина. Она свернулась в маленький комочек, уткнулась носом в локоть.— Завтра когда на Москву? — спросила она.

— Чего уж вам торопиться! — стараясь продолжить разговор, проговорила Маша.

— Как зачем? У меня там дом, мама, работа. Я же диссертацию пишу. Смешная вы.— Она смотрела на Машу одним темным веселым глазом.

Маша долго не могла заснуть в ту ночь. «Какая ерунда! — думала она.— Разве любовь, большая, настоящая, проходит? А как узнать, настоящая ли она?» «Когда любим, многое выдумываем»,— вспомнила она слова женщины. А разве она выдумала свою любовь к Григорию? Разве они не ссорились, разве она не знает всех его недостатков? Но ведь любит его именно таким!

Маша заснула под утро. Ей приснилось море. Вода в нем была такая прозрачная, что хотелось немедленно броситься в эту воду и плыть, плыть, плыть... Но какой-то незнакомый человек крепко держал ее за руку, не пускал. А Маша знала, что в том море она должна открыть тайну, которую никто-никто не знает. Она вырвалась и побежала по воде. И вдруг она поняла, что это совсем не она, а женщина с цыганскими глазами, и у женщины в руках маленький бирюзовый камень. Это и есть тайна моря. Женщина выбежала на берег, положила камень в большой чемодан и потом долго спорила с мужчиной, кому нести этот чемодан. Она кричала и вдруг стала совсем крошечной и исчезла.

Утром, провожая пассажиров, Маша пристально вглядывалась в женщину, словно не понимала, откуда она появилась. И одна и та же навязчивая мысль преследовала ее: «Разошлись, а вещи в одном чемодане». Женщина сунула Маше свою теплую ладонь, проговорила, улыбаясь:

— Выспалась я у вас...

— Всего вам хорошего! — сказала Маша и сама почувствовала жалобные нотки в своем голосе.

Быть может, это почувствовала и женщина. Черные брови ее чуть поползли кверху, слились с котиковой ушанкой.

— Глеб, не стучи чемоданом по лестнице: ведь там колба — разобьешь! — крикнула она.

«Все давно уже разбито, а ей колбу жалко»,— подумала Маша.

Она вошла к себе в комнату.

— Ложись, рано еще,— сонно пробормотал Григорий.

— Сны мне какие-то чужие снятся; наслушаешься за день,— сказала Маша громко.

Григорий не ответил. Он уже спал, по комнате разносилось его равномерное посапывание. Маша нагнулась над ним. И в сумерках ей показалось, что глаза его чуть открыты и в них такое выражение, словно он хочет сказать: «По этой лестнице будут подниматься и спускаться сотни пассажиров, и какое нам до них дело?»

Несколько дней было тоскливо. Большие хлопья снега бились в окна, прилипали к ним. Потом все смолкло. Над Диксоном распахнулось густое, синее небо.

В тот же день из Хатанги прилетел самолет. Машу огорчило, что среди пассажиров не было женщин. Она распределила всех по комнатам и пошла к себе. Григорий возбужденно проговорил:

— К нам, Маша, гость сейчас придет.

Через минуту в дверь постучали. На пороге остановился плотный, почти квадратный человек. Он потирал руки и улыбался рядом стальных зубов, а глаза смотрели строго, точно осуждали: «Ну, что ж не встречаете, хозяюшка?»

— Да вы проходите,— заторопился Григорий.— Маша, земляк наш.

Точно подтверждая это, гость медленно подошел к Маше, подал ей широкую руку, потом достал из кармана бутылку, ловко шлепнул ее по донышку. Маша поставила на стол хлеб, консервы, села, выпила рюмку за Москву. Григорий налил по другой. Земляк, положив на стол широкую ладонь, властно проговорил:

— Я, старик, уже четырнадцать лет на зимовках поваром.

Он посмотрел на Машу, словно хотел прочесть в ее взгляде восторг и удивление. Маше не понравился его взгляд и то, что он назвал Григория стариком.

Маша поставила стакан, вышла из комнаты. Она так порывисто открыла дверь, что ударила высокого пожилого мужчину, который шел по коридору. В одной руке он держал мыльницу, в другой — очки, через плечо его висело полотенце. Он как-то смешно попятился от Маши, проговорил поспешно:

— Очки целы. Главное — очки, вот и чудесно...

— Извините,— смущаясь, проговорила Маша.

— Э, да вы больше меня испугались, бледная-то какая!

— Просто голова болит.

— А я вас вылечу, идемте.

Маша вошла к нему в комнату. Там уже спали трое.

— Как убитые,— сказал мужчина с восхищением, показывая на спящих.

Он раскрыл маленький саквояжик, и Маша увидела несколько блестящих лопаточек, пузатые склянки. Маша поняла: врач. Он положил на стол перед ней две таблетки:

— Примите, через час будете чувствовать себя чудесно.

— Пойду стакан с водой принесу.

Маша пошла к себе.

Григорий уже сидел рядом с поваром, говорил ему, будто упрашивал о чем-то:

— Я домик хочу купить, тысяч двадцать ведь привезу с собой. Вот и жена работает.

Гость усмехнулся, словно эта сумма для него ничего не составляла, проговорил:

— Ты, старик, не очень рассчитывай на первый раз. Я четырнадцать лет в Арктике, так у меня девяносто три тысячи на книжке.

— Девяносто три! — зачарованно проговорил Григорий.— Маша, слышишь?

— Слышу. Ты не пей больше, Гриша.

— Да нет ничего — пусто,— щелкнув по бутылке, трезво и насмешливо проговорил гость.

Маше вдруг стало очень обидно, что Григорий охмелевший сидит перед этим человеком. Она подошла к окну, открыла форточку. Ударила холодная струя воздуха. Маша взяла стакан с водой, вернулась к доктору. Затем взяла со стола таблетки и бросила их в рот одну за другой.

— Давно вы врачом? — спросила Маша, чтобы завязать беседу и не возвращаться к себе.

— Я хирург. И практики у меня уж тридцать лет с хвостиком.

Он улыбнулся: видимо, последнее слово развеселило его. Хирург сел на стул; через плечо его все так же висело полотенце.

Маша почувствовала страшную неловкость: ведь устал человек, очень устал, а она сидит, занимает его расспросами.

— И всегда тянет на Север,— снова заговорил он.— Кажется, пора сидеть дома, в Москве, и не рыпаться. Не знаю, не знаю,— несколько раз сказал он, словно сам не мог оправдать свои поступки. Он на секунду закрыл глаза, и его ресницы устало легли на темные мешочки под глазами.

— Работать начал в Ненецком округе. Черт его знает, как я там делал первые операции. При коптилке, представляете? Иногда про все это рассказываешь и сам себе не веришь.

— Да, у вас работа,— проговорила Маша и отхлебнула воды из стакана.— А у меня — постели стелить, пассажиров будить к самолету.

— Ваша работа тоже нужна. Нужна, нужна,— скороговоркой повторил хирург, явно думая о своем.

Он смотрел на Машу и куда-то мимо нее своими близорукими маленькими глазами и, казалось, хотел сказать: «Милая, что значит вся ваша работа за всю жизнь по сравнению с одной моей операцией при коптилке?»

Когда Маша пришла в свою комнату, гостя уже не было. Григорий одетый лежал на кровати, широко раскинув руки.

— У людей девяносто три тысячи на книжке! — как в бреду, проговорил он.

— Спи! — коротко приказала Маша и начала убирать со стола.

Потом она села на стул и, приложив ладони к пустой бутылке, задумалась. Она смотрела на свои руки, очень худые, и хотела представить себе руки врача. Ее даже раздражало, что она думает об этом. В Москве она работала копировщицей в маленькой проектной конторе. Вокруг нее были разные люди, но Маше всегда казалось, что живут они как-то одинаково.

Она вышла замуж за Григория и была счастлива и считала, что вокруг нее тоже все счастливы. Почему же сейчас она думает о другом? Что бы она могла сделать такое необыкновенное, чтобы потом рассказывать и не верить себе?

Маша встала, посмотрела на Григория. Он уже спал, и руки его все так же широко и беспомощно лежали на подушке. Маша достала из шкафа простыню, постелила ее на медвежью шкуру, легла, накрывшись полушубком. Она долго не могла уснуть, мучительно вспоминая руки хирурга. И опять ей снились тревожные чужие сны...

Утром Маша провожала пассажиров.

— Летим, летим! — бодро проговорил хирург.

Маше стало грустно, что хирург безмерно рад покинуть гостиницу. И поэтому, когда диспетчер сообщил ей, что к вечеру прилетит самолет, Маша прокричала в трубку:

— Обрадовал — то нет несколько дней, а то зачастили!..

Пассажиров прибыло пятеро. Они ввалились, крикливые и веселые. Хором сообщили, что летят на Тикси. Они были в одинаковых полушубках, в одинаковых ушанках и показались Маше все на одно лицо.

— Вот вам на всех комната,— сказала Маша.

— А с нами еще один,— заметил кто-то.

— Где же он?

— Пошел пешком с аэродрома, Диксон осматривает.

В этом не было ничего смешного, но все рассмеялись. И Маша подумала, что ее разыгрывают. Но через полчаса в гостинице действительно появился парень. Он шел по лестнице очень твердой походкой, словно хотел оставить отпечаток своих сапог.

— Где вы здесь наших поместили? — обратился он к Маше.

— Это вы ходили Диксон осматривать? — насмешливо спросила Маша.— Только ведь здесь половина острова, а...

Он перебил ее:

— Значит, я половину и посмотрел.

Маша ничего не ответила. Ей не нравилось, что парень держался с ней развязно и все время переступал с ноги на ногу, будто собирался отплясывать чечетку.

— Я не могу поместить вас вместе со всеми. Там все занято.

— Ах вы разлучница! — проговорил парень без всякого огорчения.

Маша открыла пустую комнату.

— Занимайте любую койку,— сказала она.

Парень легко сбросил с себя полушубок, кинул его на кровать:

— Повесьте! — приказала Маша.

— А вы строгая! — Он рассмеялся, показав очень белые, тесно прижатые друг к другу зубы. И вместо того, чтобы убрать полушубок, близко подошел к Маше.

Маша быстро и настороженно оглядела парня. У него были каштановые с рыжим отливом волосы и рыжие глаза. Она чуть не расхохоталась: нет, не карие, а именно рыжие.

— Вы знаете новость? — спросил парень.— Синоптики предсказали на завтра нелетную погоду. Будем у вас загорать.

— Загорайте,— равнодушно проговорила Маша,— а пальто все-таки повесьте.

Опять над Диксоном темное, низкое небо. Снег, ветер. В такую погоду хочется спать, спать... Маша проснулась только в десять. Проспала завтрак в столовой — наплевать. Она не торопясь встала, пошла умываться. Увидела, как по лестнице сбежал рыжий парень, сильно хлопнул входной дверью. «Куда его в такую погоду несет?» — подумала Маша.

Он вернулся нескоро. В это время Маша убирала в комнате, где остановились пятеро пассажиров. Мужчины играли в домино, молча сидели за столом, громко стучали костяшками. Все сразу зашумели, увидев парня, а Маша смутилась, сказала, краснея:

— Уборщица у нас, тетя Дуся, заболела, приходится убирать самой.

Он не обратил на ее слова никакого внимания.

— Ну, кто козлы, признавайтесь! — крикнул он с порога. Он снял шапку, рукавицы и швырнул на самую дальнюю кровать, словно упражнялся в ловкости.— Маша, капустки для козликов не найдется?

Маша даже вздрогнула, что он так просто назвал ее по имени.

— Нет у меня капусты.

— Вася, а ты, я вижу, уже заигрываешь,— заметил один из пассажиров.— Не очень-то. Муж рядом.

— Вот как? А я думал, в невестах.

Все рассмеялись, и это разозлило Машу: «Да что они, взбесились все от скуки!»

Она взяла веник и пошла убирать в соседнюю комнату, где жил Василий. Маша не заметила, что он тоже зашел вслед за ней:

— Обиделись?

— Нет,— не оборачиваясь, ответила Маша.

Тогда он подошел к ней, осторожно взял за плечи и повернул к себе. На нее в упор смотрели добрые рыжие глаза, и тотчас ей показалось, что они у него хитрые и насмешливые. Точно он хочет сказать: «А я о вас все отлично знаю». Маша высвободилась из его рук, отошла.

— Эх, улететь бы скорей! — неожиданно проговорил Василий, словно уже и забыл о Маше.

— Домой, к жене, что ли, торопитесь?

— Нет у меня ни дома, ни жены,— без всякой грусти ответил Василий.

— А куда ж спешите?

— В пространство.

— Маша! — крикнул Григорий через стенку.— Иди сюда! За это время высотное здание убрать можно,— недовольно пробурчал он, когда Маша вошла в комнату.

— Не знаю, не пробовала.

— Рукавицы где мои, не видела?

— Сзади тебя на стуле лежат.

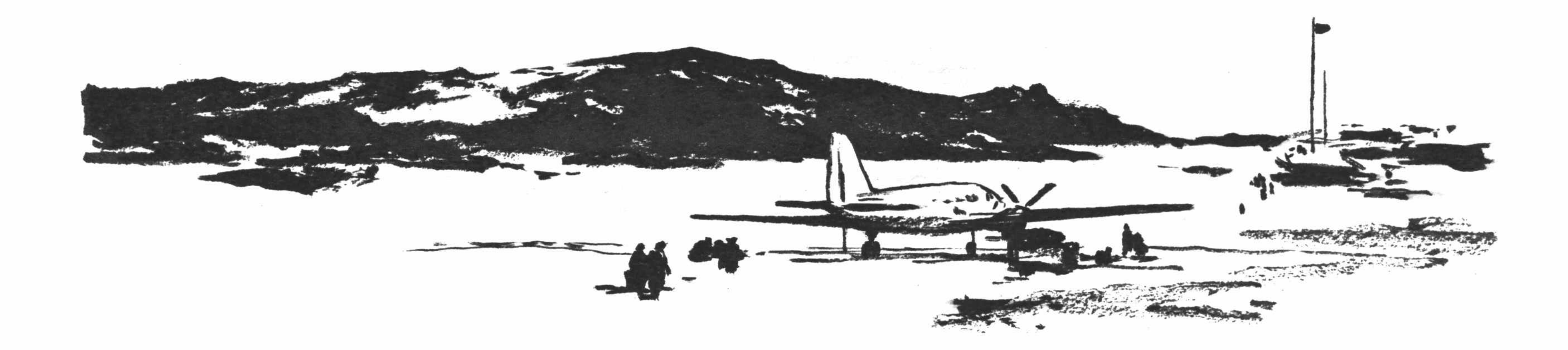
Григорий, уже одетый, ежился, точно в комнате было очень морозно. Маша слышала, как медленно и неохотно спускался он по лестнице.

Она подошла к окну, приложилась лбом к холодному стеклу. «Летит в пространство. Смешно!»

Маша легла на медвежью шкуру, потянулась за маленьким зеркальцем. В зеркале помещался только ее один зеленый глаз, тонкая темная бровь и кусочек лба. Бровь чуть поползла кверху, собрала на лбу несколько морщинок. «Какая я стала...» — подумала Маша, словно не могла понять, изменилась она или нет.

Через два часа пришел Григорий, потирая замерзшие руки, зло проговорил:

— Снегу намело на аэродроме... К дьяволу! Работка!

Маша подошла к нему, прижала ладони к его холодным щекам, сказала тихо, нараспев:

— И вот, представляешь, подъезжаем мы к Черному морю. Вода синяя-синяя, солнце...

— Пока доберешься до этого моря, здесь подохнешь. Подожди, полярная ночь начнется! Ты еще не испытывала такого удовольствия! — кричал Григорий, словно Маша была виновата в этом.

— Гриша, да что ты в самом деле, поневоле мы здесь с тобой, что ли? Давай уедем, раз...

— Домой захотела? Начинается... А я здесь, видишь ли, на всю жизнь мечтаю остаться!

Маша стояла рядом с Григорием. Надо было крепко обнять его, успокоить, сказать что-нибудь очень нежное. Но слов не было, и руки какие-то ленивые. Она постояла еще несколько минут и вышла в коридор. По коридору прохаживался Василий, курил.

— Скучаете? — спросил он Машу. — Пойдемте ко мне, поболтаем.

И Маше показалось, что парень доволен всем: доволен собой и тем, что слышал, как кричал сейчас Григорий, и тем, что заранее знает: она немедленно пойдет к нему поболтать. Маша молча посмотрела на него и вернулась к себе.

На другой день Василий пришел к ней в комнату, попросил зеркальце.

— Решил побриться. Да и веник бы не мешало, уберу.

— Я сама, — коротко сказала Маша и пошла к нему.

Василий сел за стол, взбил мыльную пену в стаканчике, начал бриться.

— Это вы в пространство хотите красивым появиться? А пространство, небось, полярная станция?

— Угадали, — проговорил Василий, надувая щеку.

— В какой же раз зимовать будете?

— В первый. Только что приобрел новую специальность. Радист.

— А раньше кем были?

— На стройке работал.

— Значит, на романтику потянуло? — не унималась Маша.

Василий, вытирая полотенцем лицо, проговорил:

— Хочу узнать, что она за Арктика. Вот книгу Горбатова читал.

— Писатели, они такое напишут, что и на луну сагитируют слетать.

— А вы бы не полетели? Ну и скучная вы!

Ее страшно оскорбило это слово. Захотелось и ему сказать что-нибудь обидное.

— Едете вы туда за длинным рублем, а романтикой прикрываетесь.

— Я денег и на стройках немало получал, — очень спокойно возразил парень.

И этот спокойный тон еще больше разозлил Машу.

— Что ж, не прижились в новеньком-то доме?

— А я ненормальный. — Василий встал, с шумом отодвигая стул. — Как только дом построим, занавесочки на окнах, цветочки появятся, заскучаю — и на новое место.

— Строитель-любитель! — передразнила его Маша.

А он опять заговорил, весело глядя на нее:

— Знаете, надо себе такую работу выбрать, без которой никак нельзя; может, меня на стройку опять потянет, а может, я радист законченный.

Маша взяла веник, зеркальце и ушла к себе. Но все время думала о нем, думала и злилась: «Живет как-то не по-людски, мотается по белу свету, ищет себе профессию, как грибы в лесу. Врет все». И она крикнула ему через стенку:

— Позимуете годочек, не то запоете!

— А я петь люблю и то и это. Знаете песню из кинофильма?

— Какая дура за вас пойдет! — не слушая его, крикнула Маша.

— Найдется!

Она представила, как он смеется, закинув голову, щуря свои рыжие глаза, и ей еще больше захотелось пойти к нему.

Она целый день думала о нем. И ждала, что он постучится к ней. Она прислушивалась к скрипу дверей, угадывала его походку, несколько раз собиралась выйти в коридор, чтобы встретиться, и не решалась.

Григорий пришел вечером. И Маша сразу заметила, что он выпил, но держался прямо. Несколько раз прошелся по комнате, сказал, словно оправдывался:

— Делать все равно нечего, спать лягу.

Маша тоже вскоре легла, чтоб заснуть, не думать о парне.

Но она долго не могла заснуть. Глаза ее были широко открыты и даже начали болеть. Она закрыла их и считала: раз, два, три, раз, два, три, — и так долго, долго. Потом она увидела себя в ярком летнем платье на какой-то огромной снежной поляне. Вдалеке от нее стоял Василий. Маша даже не узнавала его, но точно знала: это он. Василий говорил тихо, но Маша слышала каждое слово так отчетливо, будто он был рядом. «Уедем со мной, уедем», — говорил он. А Маша смеялась ему в ответ: «Что ты, ведь муж у меня!» И вдруг Василий очутился возле нее, крепко обнял, поцеловал несколько раз в глаза. Маша вскрикнула и проснулась.

Громко тикали часы и, казалось, тоже упрашивали: уедем, уедем.

Маша почувствовала на себе руку Григория, осторожно сняла ее. И ей показалось, что Григорий все знает, будто с ней вместе видел этот сон. И вдруг ей стало до жути хорошо, что это был ее сон.

И вместе с тем страх охватил Машу, точно она должна была немедленно дать Василию ответ, а то будет поздно.

Звонок. Маша вздрогнула, не сразу сообразив, что это телефон.

В трубке прохрипел усталый, сонный голос:

— Готовьте пассажиров!

Уже давно долгий, продолжительный гудок, а Маша все еще не бросает трубки, словно надеется, что полет отменят.

Потом она надела халат, накинула платок, пошла будить пассажиров.

Возле комнаты Василия остановилась и долго стояла неподвижно, пока дверь напротив не отворилась, и тогда Маша постучала сильно и требовательно:

— К самолету, к самолету, вставайте!

Маше казалось, что Василий страшно долго собирается. Пятеро мужчин уже попрощались с нею, простучали по лестнице.

Наконец Василий появился в коридоре. Он не торопясь подошел к ней, поставил чемодан, взял ее за обе руки так, что она чуть не вскрикнула от боли.

— До свидания!

Маша не ответила ему, а только чуть кивнула головой.

Василий бросил ее руки, словно обиделся, что она ничего не смогла сказать ему на прощание. Он медленно, твердо ступая на каждую ступеньку, пошел по лестнице, держа в одной руке чемодан, другую засунув в карман полушубка.

Маша, как во сне, пошла за ним и, когда он распахнул дверь, шмыгнула на крыльцо. Было темно. Машина возле гостиницы казалась большим черным пятном.

Сильный ветер рванул подол ее халата, прижал к ногам.

— Маша, простудитесь. — Василий распахнул полушубок, загородил ее от ветра.

Ей захотелось прижаться к нему и сказать: «Я с тобой поеду», — но она чуть слышно проговорила:

— Чудак вы, Вася!

— Все девушки так говорят, — с какой-то грустью ответил он. И вдруг сказал почти сердито: — Идите!

Он взял ее за плечи и повернул к двери. Маша вздрогнула от прикосновения его сильных рук и ждала, что он сейчас скажет ей: «Уедем».

Но он отпустил ее, распахнув перед ней дверь.

И Маша машинально перешагнула порог.

Дверь не хлопнула. Видно, он осторожно прикрыл ее.

В комнате она наткнулась на стул. Зажгла свет.

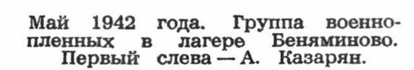
Григорий спал с наслаждением, смешно выпятив полные губы, словно собирался свистнуть.

Скоро его надо будить. И она почувствовала жалость к мужу, жалость, и только.

Она все смотрела на него, думала: «Через несколько месяцев мы уедем отсюда. Быть может, купим маленький домик за городом, потом поедем на Кавказ, будем лежать на горячем песке, шлепать босыми ногами к Черному морю. Ну, а потом что?»

ПУТЬ МУЖЕСТВА

Май 1942 года. Группа военнопленных в лагере Беняминово. Первый слева — А. Казарян.

1944 год. Советский партизанский полк проходит по улицам освобожденного города Нима.

М. ЕПИСКОПОСОВ

В февральский субботний вечер в Ереване у бывшего командира партизанского полка Александра Казаряна собрались старые боевые товарищи. Здесь же был и приехавший издалека Степан Ягджян.

— Кажется, все в сборе, за исключением Карапетяна. Можешь открывать заседание подпольного бюро! — шутливо обратился хозяин дома к Степану.

Ягджян, невысокого роста человек со светло-серыми глазами, добродушно рассмеялся...

— Ну что ж, друзья, будем считать заседание открытым! — весело провозгласил он.

То была радостная встреча. Картины боевого прошлого вставали перед собравшимися одна за другой. То и дело слышалось: «А помнишь Беняминово? А помнишь Францию, Манд?..»

* * *

Отечественная война застала майора Ягджяна в должности начальника связи 25-й кавалерийской дивизии. Конники вели боевые действия в тылу гитлеровцев.

Тяжело раненный в бою, Степан попал в руки врага. Смутно помнится лазарет для военнопленных. Потом концентрационные лагери, один, второй... В мае 1942 года его перевели в местечко Беняминово, в нескольких десятках километров от Варшавы.

Этот лагерь занимал довольно большую территорию. В бараках слышалась многоязычная речь. среди военнопленных были казахи, армяне, грузины, азербайджанцы, узбеки. Все страдали от жесточайшего голода. Кормили дохлой кониной да хлебом наполовину из опилок.

Что оставалось опухшему от голода, с незажившими ранами Степану Ягджяну? Опустив руки, ждать неизбежного конца? Но не такой это был человек! С первых же дней им неотступно овладела мысль — создать в лагере подпольную патриотическую организацию. Степан стал присматриваться к военнопленным, подолгу беседовал со многими.

И вдруг неожиданная встреча: старый друг Александр Казарян, с которым учился в военной школе! Александр, тоже раненный, в бессознательном состоянии был захвачен гитлеровцами и помещен в лазарет в Вязьме. Там он делал то, о чем замыслил Ягджян, — активно работал в подпольной группе пленных.

Старые товарищи с полуслова поняли друг друга. Скоро в лагере нашлись и другие знакомые офицеры. В июне 1942 года уже начала действовать Антифашистская подпольная патриотическая организация (АППО). Руководителем бюро стал Степан Ягджян.

Работа подпольщиков была многообразной. Вели антифашистскую пропаганду, спасали политработников, военнопленных еврейской национальности от расправы. Решили также завязать связь с польским партизанским подпольем.

Действовать приходилось в глубочайшей конспирации. Организация была построена по цепочной системе: каждый знал только нескольких человек. Записей никаких не велось: шпиков вокруг шныряло много. Сходились вместе не часто, больше на ходу — вдвоем, втроем.

Шел сентябрь 1942 года. Всех армян к этому времени перевели из Беняминова в Демблин. Недалеко от демблинского лагеря, в Пулавах, был пункт, где фашистское командование стало насильственно формировать из армян так называемые «фельдбатальоны». Зачисляли в батальон принудительно, за отказ наказывали жестоко, вплоть до расстрела.

Как вести борьбу в новой обстановке?

— Мы советские воины, и наш долг — немедленно уходить. Я не могу надеть мундир врага. Лучше гибель, чем такой позор! — горячо говорил Минасян.

— Хорошо, — возражал ему Ягджян, — допустим, что мы согласимся с тобой и уведем отсюда десять — пятнадцать человек. А как быть с остальной массой пленных, измученных, больных, умирающих? Бросить их на произвол этих зверей? Обстановка должна диктовать наши действия. Мы большевики и должны уметь в любых условиях довести до конца начатую борьбу.

— Никуда мы не можем сейчас уйти, — поддержал Ягджяна Ваган Вартанян. — Волей обстоятельств мы оказались в тылу врага. Пусть фашисты загоняют нас в «фельдбатальоны», — что ж, мы возьмем оружие и повернем его против гитлеровцев.

Горько было расставаться с мыслью о побеге, о рывке напролом. Но большинством решили: остаться в лагере, готовить к борьбе пленных, а в случае зачисления в батальон продолжать подпольную работу там.

Когда часть подпольщиков очутилась в Пулавах, решили по возможности занять командные должности: это дало бы больше возможностей, чтобы готовить пленных к боевым действиям против захватчиков. В каждой роте быстро сложились группы боевиков.

Новый успех: наладилась связь с польскими партизанами! Помог этому поляк, перевозивший продовольствие в лагерь. Была уже середина февраля 1943 года, когда удалось встретиться в лесу с командиром польского партизанского отряда Ветчиком. Там наметили день побега пленных.

Но в это время над подпольщиками нависла смертельная угроза: фашисты арестовали пятнадцать человек, среди них были и члены бюро — Ягджян, Вартанян и Карапетян. Двадцать дней гитлеровцы допрашивали арестованных, но прямых улик у них не было. Суду предали восемь человек, остальных освободили из-под ареста. Среди них был и Ягджян.

На суде все держались стойко. Один из двух приговоренных к смерти, Аветис Карапетян, своей кровью написал на стене камеры: «Армяне! Армения останется свободной республикой только при советском строе. Боритесь за Советскую власть!»

Впоследствии расстрел был заменен пожизненным заключением.

Вся тяжесть подпольной работы легла теперь на плечи Ягджяна и Галстяна. Они сумели воссоздать подпольные группы в батальонах. Снова наладилась порванная связь с поляками. Подпольщики Пулав сумели дать о себе знать и командирам русских партизанских отрядов Маркову и Яковлеву, действовавшим в районе Западного Буга, у советско-польской границы. Все было подготовлено к решительному выступлению. Но «фельдбатальоны» неожиданно были переброшены в другие районы.

Тем временем не прекращала борьбу и организация в Демблине, где оставались Казарян и Ми-

Степан Ягджян. 1957 год.

Александр Казарян. 1957 год.

насян. Рука палачей была отведена от группы политработников, в большинстве грузин. Их было двадцать два человека. Вначале хотели устроить им побег, но это оказалось делом неосуществимым. Решили прибегнуть к обходному маневру: включить политработников в рабочий батальон, который использовался администрацией за пределами лагеря на строительных работах. Оттуда легче было совершить побег. Но политработников не назначали в рабочие батальоны: все они были люди пожилые, крайне истощенные. Тогда двадцать два армянских подпольщика из числа включенных в батальон обменялись номерами с группой политработников. Раскрой этот обман гитлеровцы — это означало бы смерть и для тех и для других. Армяне молча стояли и смотрели, как их товарищи выходили в строю из ворот лагеря. Позднее пришла весть, что им всем удалось бежать.

В конце 1943 года всех пленных из Демблина и Пулав под сильной охраной отправили во Францию, в город Манд. Начался новый этап борьбы.

* * *

Вокруг Манда, небольшого города на юге Франции, веял свежий ветер Сопротивления. Однажды Ягджян, владевший французским, разговорился с французом-плотником, работавшим в лагере. После ряда намеков и уклончивых фраз выяснилось: плотник Поль Андрье был специально послан в лагерь, чтобы связаться с советскими пленными. Послал его Буйон, руководитель Сопротивления в департаменте Лозер.

Вскоре состоялась встреча Ягджяна с Буйоном. Двое борцов с фашизмом, советский офицер и француз, крепко пожали друг другу руки. Выработали план совместного выступления и освобождения города Манд. На советских патриотов легла задача — уничтожить немецкую роту, гестапо, фашистскую администрацию лагеря. На случай неудачи установили аварийный пароль и определили явочные пункты.

В лагере сколачивали ударные группы. Среди пленных распространяли подпольные газеты, листовки, сводки Совинформбюро, получаемые от французских товарищей. Приближался день выступления. Ждали только сигнала.

Но тут опять случилось непредвиденное. Утром 4 июля Казаряна и Минасяна повели к начальнику сборного пункта, бывшему царскому офицеру майору Протариусу.

— У нас есть сведения, что вы связаны с французскими партизанами,— обратился майор к вошедшим.

Казарян и Минасян спокойно заявили, что это ложь и что они не знают никаких партизан.

— Мы все проверим,— пообещал Протариус, отпуская их.

Медлить было нельзя, дорога была каждая минута. Приняли решение — уходить из лагеря двумя группами: семнадцать человек во главе с Казаряном и тридцать пять под руководством Петросяна. Для продолжения подпольной работы были оставлены доктор Георгий Акопджанян, Акоп Акопян и другие.

Обе группы благополучно достигли намеченного пункта встречи и ночью вместе с французскими партизанами вошли в город Ле-Пон-де-Монсер. Наутро все пятьдесят два советских военнопленных с оружием в руках выстроились вместе с французскими патриотами. Зазвучали слова присяги на верность движению Сопротивления.

Так на земле борющейся Франции возник советский партизанский отряд. Командиром стал Петросян, комиссаром — Титанян. Казаряна и Минасяна командование Сопротивления пригласило в свой штаб в качестве военных советников. Потом им поручили руководить интернациональным батальоном, в котором были алжирская, итальянская, польская и немецкая роты.

Движение советских партизан на юге Франции стало заметной силой в общей борьбе французов против фашистских захватчиков. Военный комитет советских патриотов широко раскинул сеть связей со сборными пунктами советских военнопленных, многим он помог вырваться из-за колючей проволоки лагерей смерти. Воззвания Комитета пленные могли читать на русском, азербайджанском, армянском, грузинском языках.

Побеги из лагерей все учащались. Группами и в одиночку советские патриоты непрерывно приходили к французским партизанам. Там они находили дружеский приют и получали в руки оружие. Охрана гитлеровских лагерей неистовствовала: за попытку к бегству пленных расстреливали на месте.

Однажды группа пленных азербайджанцев после встречи со связной Комитета стала готовиться к побегу. Какой-то предатель выдал их. Всех арестовали и десять человек приговорили к расстрелу. Ранним утром в плотно закрытой брезентом машине азербайджанцев повезли на расстрел. Рядом с водителем сидел немецкий офицер, а в кузове — восемь солдат. В кузове было темно. Пользуясь этим, одному из приговоренных, Гейдарову, удалось незаметно развязать себе руки и помочь сделать то же сидящим рядом товарищам. Те помогли соседям.

Шепотом уговорились о сигнале. Когда он был дан, пленные на полном ходу стали выбрасывать из машины немецких солдат. Испуганный шофер, не понимая, что произошло, затормозил. Тут прикончили офицера и остальных конвоиров. Забрав оружие, ушли в лес. Скоро вся группа азербайджанцев во главе с Гейдаровым включилась в партизанское движение.

Дела оккупантов ухудшались с каждым днем. Гитлеровская Германия была накануне разгрома. В начале августа старшие чины немецкого командования Мандского лагеря сбежали на самолете в Германию, остались только фельдфебели и кое-кто из офицеров. Пленных было приказано отправить в Германию.

И вот мрачная колонна двинулась по французским дорогам. Впереди фашистские охранники вели шестнадцать человек со связанными руками — им грозил расстрел. Фашисты уже успели из этой группы уничтожить мужественных подпольщиков: Акопджаняна и Акопяна.

Смерть витала над колонной. Измученные пленные пришли в город Вильфор. Казалось, потеряна всякая надежда вырвать смертников из рук гитлеровских палачей. Вдруг из-за домов Вильфора загремели выстрелы. В атаку на конвой бросились партизаны. Решительным ударом они разгромили охрану. Советские люди обнимали французов, друг друга, срывали путы с рук смертников.

Это произошло в середине августа 1944 года. Основная масса освобожденных влилась в отряды Оганяна и Петросяна, состоявших из советских бойцов. По приказу командования Сопротивления из этих отрядов 22 августа был сформирован 1-й советский партизанский полк в составе двух батальонов. Командиром его был назначен А. Казарян.

Боевая история полка богата славными делами. Первый батальон сразу же был брошен в сторону Ла-Кальмета. Там он преградил дорогу отступающей немецкой мотомеханизированной дивизии. Советские воины дрались насмерть, выдерживая натиск врага, отбивая все его атаки, пока не подоспели французские силы. Гитлеровская дивизия попала в окружение и была разгромлена.

Батальон Петросяна двинулся в сторону города Нима. По пути советские воины освобождали города и деревни департамента Лозер и первыми ворвались в Ним. Сюда же после освобождения Аллеса подошел и батальон Оганяна.

Здесь же, в Ниме, произошла знаменательная встреча: приехал Степан Ягджян. За месяц до побега товарищей из Манда гитлеровцы выслали его в Италию. Потом гестапо спешно затребовало его обратно. Во Франции Ягджяну удалось бежать.

После освобождения Нима полк принимал участие в ликвидации остатков войск гитлеровцев и петэновцев в департаментах Гар и Лозер.

1 мая 1945 года французское правительство наградило 1-й советский партизанский полк боевым знаменем и Военным крестом с Серебряной звездой. При вручении знамени и ордена французский генерал Зеллер сказал:

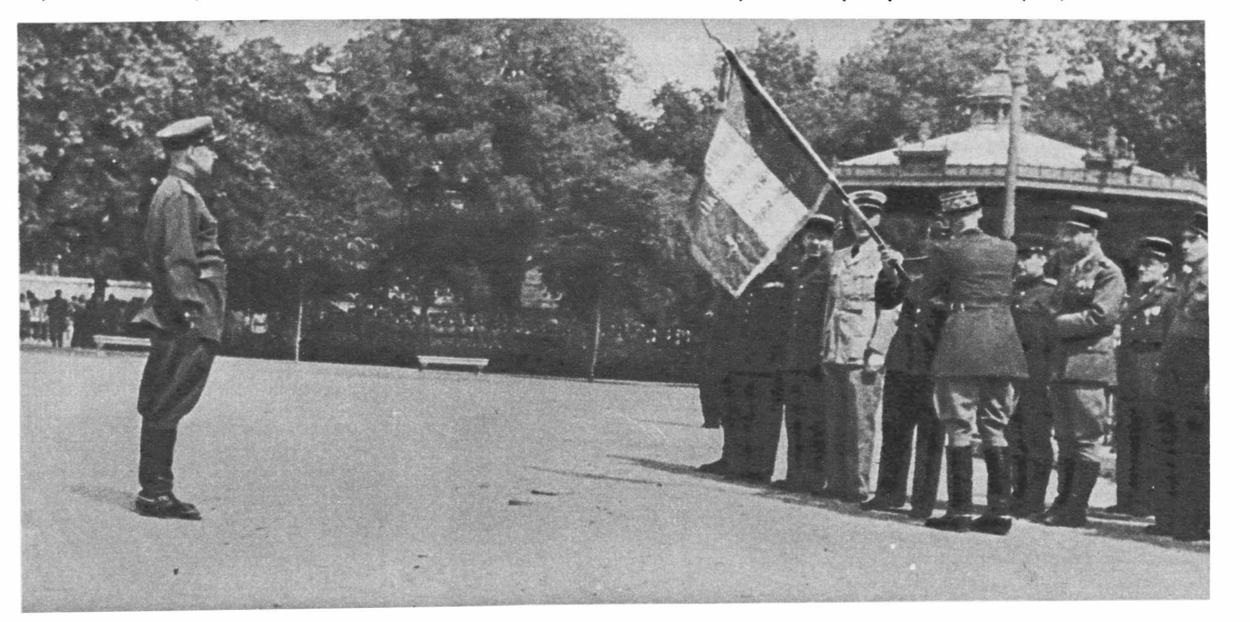
«Советские военнослужащие, попавшие в плен, вырвались из цепей и влились в общее движение против фашизма... Советские воины проливали кровь вместе с французскими патриотами. Могилы погибших советских воинов будут вечно напоминать о совместной борьбе и будут призывать к дружбе наших народов».

Полк получил знамена от французских партизан, от трудящихся города Лиона. Сотни людей приходили прощаться с советскими друзьями. Много было получено в эти дни писем от простых французов, в них каждая строка была согрета любовью и благодарностью.

* * *

В доме Казаряна в Ереване попрежнему шумно и весело. Уже полночь, но друзья не расходятся. Да и трудно расстаться: слишком много пережито вместе, слишком много надо рассказать друг другу и о том, что они делают теперь на ниве мирного строительства родной Армении.

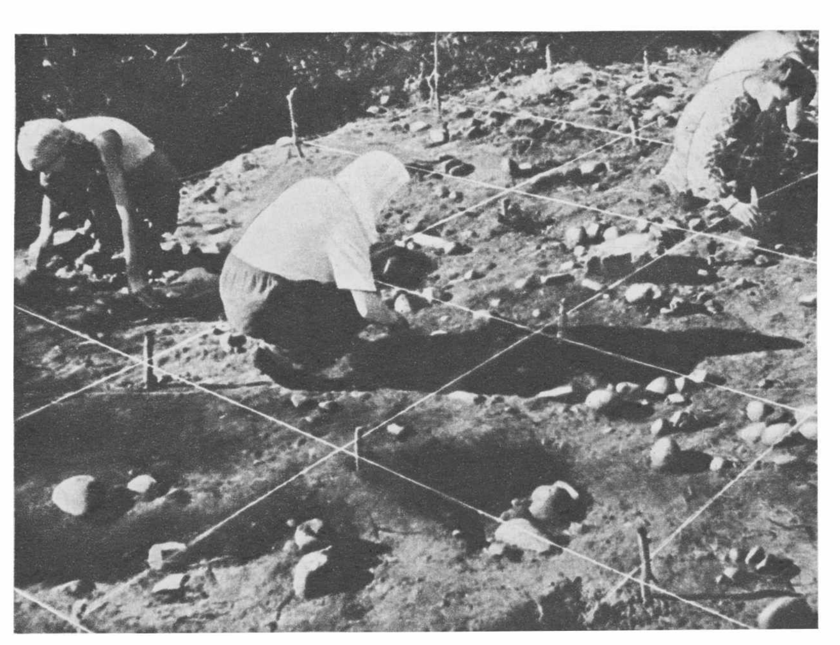
Все они люди разные по своему облику, и характер у каждого особенный. Есть ли общее между ними? Да, конечно. Они все страстно любили и любят свою советскую Отчизну. Это объединяло их, это помогло им выдержать все испытания и довести до конца свою мужественную борьбу.

Май 1945 года. Французский генерал Зеллер вручает 1-му советскому партизанскому полку боевое знамя и орден Военный крест.

ПОДЗЕМНЫЙ МУЗЕЙ ПРИАНГАРЬЯ

Лев УСПЕНСКИЙ, Ксения ШНЕЙДЕР

Археологи за работой.

Спросите у гидротехника: «Что значит слово «Ангара»?» Он ответит вам: «Это почти семьдесят миллиардов киловатт-часов энергии в год — больше, чем могут дать нам Волга и все ее притоки».

Что же сделать, чтобы такая бездна энергии досталась не природе, а человеку? Надо соорудить могучий каскад электростанций. Они и будут сооружены. В Иркутске Ангару уже перекрыли огромной плотиной. Стройка у Падунских порогов начата. До других ГЭС очередь дойдет в дальнейшем.

Вся наша страна следит за великим техническим подвигом. Радуются все советские люди. Вот только археологи... Они, конечно, тоже радуются, но в то же время и горюют. С археологами дело обстоит по-особому.

Семьдесят веков

Нужно ли удивляться, что вот уже почти сто лет ангарские берега стали обетованной землей археологов?

Да, Ангара нужна нам, людям двадцатого века, нужна как огромный источник энергии. Но посвоему, по-другому — как кормилица, как широкий водный путь, как преграда для врага — она нужна была и нашим предкам пять, и пятьдесят, и сто пятьдесят столетий назад.

Когда Европа еще спала, подобно сказочной принцессе, в хрустальном гробу великого оледенения, здесь, в Прибайкалье, было сравнительно тепло. На тысячи километров во все стороны тянулась полярная тундра — гигантское пастбище мамонтов и косматых носорогов. За стадами этих чудовищ неотступно следовал страшный их враг — человек палеолита. Кто скажет, какими приемами он пригонял тяжко топочущие табуны к утесистым обрывам Ангары? Но он делал это.

Прошли тысячелетия. Тундра заросла тайгой. Лоси, олени, медведи пили ангарскую воду там, где когда-то набирали ее хоботами мамонты. И людей палеолита сменили племена новокаменного, затем бронзового и железного веков. Всех манила к себе гладь вековечной реки.

Здесь, на Ангаре, роясь в самых глубинных пластах, в том слое, где содержатся следы жизни людей каменного века, археологи находили много каменных топоров и тесел, у которых лезвие расположено не вдоль, а поперек рукоятки. Таким орудием нельзя рубить, им можно только тесать или выдалбливать. Что же они выдалбливали, эти далекие предки?

В наше время теслами выдалбливают, скажем, деревянные корыта. Но для чего бы понадобились корыта людям каменного века? Одежду из звериных шкур не очень-то постираешь. Может быть, они делали себе лодки из цельных деревянных стволов? Такие же лодки-долбленки, какими пользуются кое-где и теперь?

Люди каменного века жили охотой: около их кострищ найдены огромные скопища костей оленя и лося. Рыбьих костей мало, но они все же есть. А кроме того, там и здесь попадаются интересные каменные рыбки: вероятно, ими пользовались как приманкой при ловле рыбы острогой. Значит, у них было рыболовство, нужны были и лодки.

Лодок этих, однако, не сохранилось тут, в Прибайкалье, и в помине, за шесть — семь тысяч лет они, конечно, рассыпались в прах. А каменные рыбки и остроги не доказательство: колют рыбу обыкновенно или с берега, или в лунках на льду. Так как же: были лодки или нет? И тут на помощь археологии пришла другая наука, языкознание. Да, сами древние суденышки не сохранились, но сохранились слова, слова, дошедшие от предков к потомкам. На языке современных эвенков слово «лодка» похоже на слово «дупло» и на слово «клюв». А птица дятел на их языке называется «хипта-хири», то есть «делатель лодок». Лингвисты утверждают: значит, первые лодки в этих местах изготавливались именно таким образом — долблением из цельных стволов.

Этого мало. Раскапывая слои, относящиеся не к седьмой, а к пятой тысяче лет до нашего времени, археологи находили все больше доказательств того, что рыболовство развивалось. Постепенно оно становилось главным и основным занятием приангарских людей. Повсюду кучи рыбьих костей, те же каменные рыбки, но кроме этого, большое количество костяных и бронзовых крючков. Очевидно, тесел должно тут встречаться тоже больше, и, конечно, они стали совершеннее, лучше... Ничуть не бывало. Тесла постепенно исчезают. Почему? Чем же потом люди делали свои лодки? Загадка.

Но вот наткнулись на вторую загадку. Обратили внимание на странные костяные кинжалы с отверстием в рукоятке, как будто для того, чтобы носить их на поясе. Оружие? Нет, не похоже: слишком тупые, вроде наших, вышедших теперь из моды ножей для разрезания книжных страниц. Нет, это какой-то инструмент. Но какой же?

И вот опять на помощь приходит родственная наука, на этот раз этнография. Оказывается, и сейчас эскимосы Америки носят на поясе точно такие же ножи, сделанные из берцовых костей лося. Ножами этими они сдирают со стволов берез кору и шьют из нее легкие берестяные лодочки. Да и не одни эскимосы: на точно таких же берестяных лодочках, оморо́чках, и у нас в Сибири можно порой увидеть и эвенка, и нанайца, и другого жителя Севера. Лодочки, правда, не грузоподъемны, но зато легки и портативны.

Теперь все стало ясно. В историю кораблестроения вписаны новые страницы. Разве не важно было узнать, с чего оно началось, какие этапы проходило тысячелетия назад? Но новые страницы вписаны и в историю самого человека на земле, а это, пожалуй, еще важнее.

«Проникающий в сталь»

Медики скажут вам: «Нефрит — это болезнь почек». Геологи возразят: «Нефрит — зеленый камень». Не удивляйтесь: в древности считали, что этот камень может исцелять от почечной болезни. Нет, таким чудесным свойством он не обладает. Но вот на Востоке нефрит называли «проникающий в сталь», и это справедливо; недаром сейчас у нас пытаются делать из него резцы для обработки металла. Самое чудесное свойство нефрита — это его неимоверная вязкость. Вязкость камня — это не то, что его твердость. Есть много камней — кремень, кварц, алмаз — куда тверже нефрита. Острыми краями их можно царапать, сверлить, пилить нефрит. Однако алмаз легко раздробить самым обычным молоточком, а вот когда на одном из заводов вздумали однажды могучим паровым молотом расколоть нефритовый валун, он остался цел, а наковальня — та разлетелась на куски. И вот из этого красивого непокорного камня жители дикого таежного Прибайкалья выделывали топоры и ножи, причем затачивали их до великой остроты. И сейчас на раскопках студенты-практиканты чинят карандаши каменными лезвиями, изготовленными четыре тысячи лет назад. Делать это не полагается, но, что греха таить, озорники делают, и не без успеха.

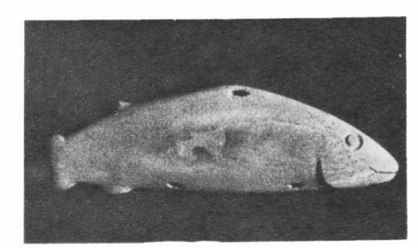
Зеленый же нефритовый топорик, отшлифованный в то время, вы бы не отказались положить на свой письменный стол как изящное пресс-папье.

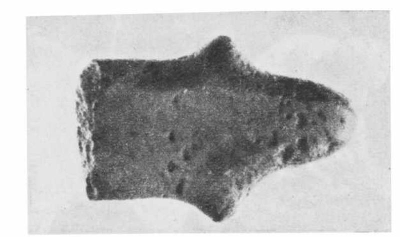
И не только орудия делали люди прошлого из нефрита. Они умело выполняли из него украшения: налобные диски, кольца... Для этого употребляли обычно не зеленый, а беловатый нефрит.

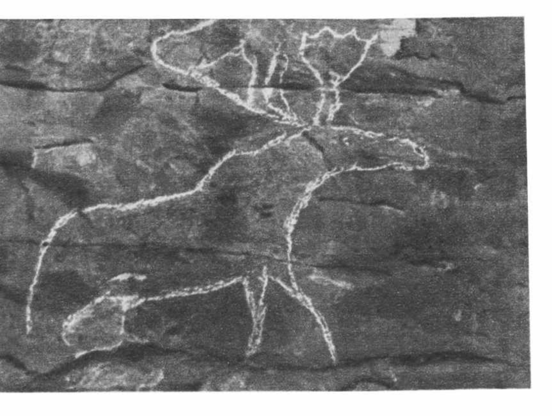
Кто были те умельцы, которые в такой глуби времен спокойно и уверенно сверлили, пилили, обтачивали камень, над обработкой которого задумаешься даже сейчас? Долгое время и не подозревали, что в Прибайкалье можно найти нефрит. Его месторождения были известны в Средней Азии и в Месопотамии. Дороже золота ценился нефрит в Китае. Может быть, эти ножи и топорики пришли сюда из культурного уже тогда Китая? Так можно было думать, пока не знали, что богатейшие залежи лучшего в мире нефрита таятся в долинах притоков Ангары, в Саянских горах. Можно было ошибаться, пока число находок оставалось сравнительно небольшим и, главное, пока археологам не удалось найти именно тут, а не где-либо на краю света, кроме самих вещей, еще всевозможные заготовки: пластинки с начатыми и неоконченными кольцами и дисками, тяжелые нефритовые валуны, частично распиленные, и, наконец, сами шиферные пилы, точно подходящие к прорезам в этих валунах.

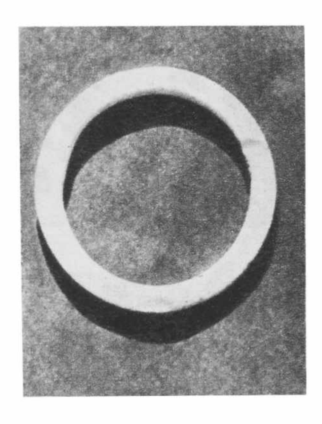
Когда это случилось — а случилось это в значительной мере благодаря раскопкам на Ангаре,— в археологии изменилось многое. Во-первых, стало ясно, что здесь, у берегов Байкала, четыре тысячелетия назад жили мастера, ничуть не менее искусные, нежели в Месопотамии или в Китае. А затем стали ясны и истинные пути взаимоотношений между народами этой глубокой древности. Да, драгоценный нефрит был уже тогда предметом обмена между дале-

Орудия века металла.

Каменная рыбка-приманка.

Каменное тесло.

Писаница Прибайкалья.

Украшение из нефрита.

кими племенами. Да, уже в те дни между ними шла на расстояниях в тысячи километров своеобразная меновая торговля. И мы знаем направление ее путей: они вели отсюда, с берегов ангарских притоков, туда, в далекий Китай, туда, к низовьям Ангары, на юг и на северо-запад. В Китай шел нефрит, из Китая приходили к Байкалу редкостные украшения— перламутровые раковины далекого теплого моря.

Езда на остров любви

В конце двадцатых годов иркутяне часто видели на Ангаре легкую лодочку. Подчиняясь воле и мускулистым рукам гребца, она быстро шла то вниз, то вверх по течению. «Вот опять М. отправился на Кочергу-остров ловить хариусов!» — говорили люди. Но не хариусы интересовали их, а сама загадочная личность молодого рыбака. Ну как же! Живет один на острове, в городе появляется чрезвычайно редко. По виду человек интеллигентный, к тому же молодой и красивый, а откуда пришел, кто родители, где учился, работал, — все это неизвестно. Больше всего интересовались молодым отшельником, конечно, женщины. От них и пошел слух: несчастная любовь! Там, где-то в центре России, жестокая красавица разбила юноше сердце.

И похоже, что все это было правдой. Кажется, только один человек, старый холостяк, учитель истории, иронически пожимал плечами: «Подумаешь, «езда на остров любви»!»

Так молодой человек, встречая общее сочувствие, жил себе в одиночестве, и команды ангарских буксиров часто принюхивались к дымку его костров: там, где-нибудь на Кочерге, на Сосновом или Лесном, под космами береговой черемухи он варил себе ушицу на обед.

Однажды этот М. с рюкзаком за плечами ранним утром пришел в музей.

«Я М.,— коротко отрекомендовался он.— Рыбачу на Ангаре. На одном из островов в прибрежной гальке попадаются странные черепки. Я не археолог, не берусь судить об их ценности, однако... Словом, дайте мне кого-нибудь из знающих...»

За знающим пошли, и им оказался в те дни совсем еще молодой ученый, будущий доктор исторических наук, неутомимый исследователь Приангарья профессор Алексей Павлович Окладников. Черепкам повезло: они попали в хорошие руки. «Езда на остров любви» перестала быть фактом частной жизни гражданина М. Она превратилась в факт из жизни советской науки. Археологи удивлялись: по какой странной недогляке им доныне не приходило в голову заглянуть с раскопками на ангарские острова? Только теперь стало ясно: самые богатые памятниками прошлого места, целая сокровищница удивительных древностей сосредоточены не на берегах реки, не в ее логах, падях и притоках, а именно там, на этих островах.

Пятиэтажный музей

Да, это целый подземный музей, коллекции которого расположены одна под другой, пятью этажами, в строго хронологическом порядке. Почему история накопила столько чудес именно тут? Понять это, пожалуй, легко.

Вначале был страх. Он управлял древним миром и древним человеком. Человечество выбралось из прародительской пещеры, но стремилось всюду оградить себя от опасностей, грозивших на каждом шагу. И остров, окруженный буйными протоками большой реки, казался вожделенной крепостью. Ощетинившиеся тайгой ангарские острова никогда не оставались необитаемыми. Потомки приходили на места, еще не остывшие от жизни предков. Один за другим ложились культурные слои почвы, как скатертью, накрывая собой остатки далекого прошлого. Новые костры загорались на древних огнищах.

Этажами, одни над другими, располагались слои древней жизни. Каждый дециметр в глубь земли уводит нас во все более седую древность. Сверху слой современного, нашего дерна, войлок жадно перепутанных корней. Это жизнь, текущая сегодня.

Дерн снят. Открылась желтая супесь, и вы касаетесь уже той земли, которую солнце освещало во дни крещения Руси. Тут сидело тогда тюркское племя «курыкан» — «гуликань», как называлось оно в китайских летописях.

Для ученых нашего времени остатки тюркского племени на таком далеком севере — полная неожиданность. Одно такое открытие уже сделало бы ангарские острова знаменитыми. А ведь это лишь первая ступенька.

Спустимся на одну ниже. Несколько сантиметров в глубь земли — пять веков в глубины истории. Мы на уровне первых столетий нашей эры, мы рядом с гибелью Помпеи, рядом с Каталаунской битвой.

В Риме писал Плиний, в Египте создавал свою систему мира Птолемей, а тут, у неведомого им Байкала, люди только вступали в железный век. На островах словно поселилось племя заядлых кузнецов и плавильщиков. В земле, смешанной с грубой речной галькой, где ни копни — остатки их горнозаводческих занятий: ямы-горны, обломки глиняных трубок для дутья, ржавые «крицы» — куски еще не прокованного металла, тяжкие каменные молоты и наковальни для его обработки... Повсюду льячки, тигли, части железных изделий. В те времена из железа изготовляли не только полезные вещи — делали и «железные драгоценности». Это был редкий металл, и ценился он дороже золота.

Не случайно эта металлургическая вакханалия разыгралась именно здесь: Ангара богата желваками сидерита — самой легкой в обработке железной руды.

Еще скачок, такой же незаметный в пространстве, такой же разительный во времени. Опять грязно-желтая земля, опять галька, только другая, мелкая. Теперь мы за пределами нашей эры, в седой древности.

Шаг за шагом, этап за этапом археология ведет нас в ее глубь. Вот эпоха «развитой бронзы» с ее топорами-кельтами, очень похожими по форме и узору на те, которые попадаются на раскопках в Китае. Сходство велико. Но нет, это не привозное оружие, его делали здесь; китайский узор упрощен, изменен. Тут была своя, местная культура бронзы. А ведь как недавно в этом сомневались!

Вот другой период —«ранняя бронза», когда сама форма бронзовых орудий еще напоминает изделия из нефрита, когда металл еще борется с камнем и не может сразу и окончательно его победить.

И, наконец, совсем внизу начало начал — каменный век, уходящий в такую даль, когда, как говорится в сказках, «и времени не было».

...Текли годы, проносились десятки столетий. На западе и юге созревали и падали могучие государства. Выросла и рухнула Ассирия. Лавры Эллады венчали то Мильтиада, то Фемистокла, а тут, над Ангарой, шумела тайга, зло и тонко ныли тучи гнуса, выли зимние ветры, и так же, как сегодня, тогда, стряхивая снег с еловых лап, выходили на лесные поляны люди. Какие люди? Как выглядели, какими были они?

Работающие с археологами художники восстанавливают одежду и внешний облик человека и бронзового и еще более раннего времени. Антропологи помогают определить по черепам и скелетам физический тип ангарских островитян. И, удивительное дело, все это оказывается почти неизменным с самого древнего времени чуть не до наших дней. Из земли появляются дымокуры, служившие людям каменного века, похожие на те, какими спасаются от таежного гнуса и мошки наши археологи. Обнаруживаются шаманские принадлежности: ритуальные ложки, части одеяния,— их признал бы своими и шаман 1915 года. Вот искусно выточенная из камня рыбка-приманка: ей не то три, не то четыре тысячи лет, но как она похожа на костяную рыбку тунгуса, который выточил ее полвека назад! Сыновья его, вероятно, живы еще сегодня, а может быть, жив и он сам.

Поразительная картина: в буквальном смысле слова сорок веков смотрят на нас из раскопа под корнями ангарской березки, а многие черты этой сорокавековой древности сохранились до Октября, почти не меняясь. Был конец XIX века, а вокруг по сибирской тайге бродили еще призраки каменного века. «...Ныне дикой тунгуз», выходя на охоту, все еще брал вместе с винтовкой на сошках и лук, почти точно такой, как в дни неолита. И энциклопедия Брокгауза и Ефрона невозмутимо отмечала, что этот самый лук в числе других вещей близкие таежного охотника кладут с умершим, желая снабдить покойного всем нужным ему для будущей жизни. Так писалось в 1902 году. Но и в 1910-м и в 1916-м братья того тунгуса погружали свои искусно вырезанные из кости рыбки-приманки в холодные воды Ангары. Им и не снилось, что завтра их дети спокойно повернут выключатель, прочтут про костяных рыбок в этом вот номере «Огонька», на залитых электрическим светом страницах.

Сорок веков сжались в сорок коротких лет. Не это ли главное чудо нашего Прибайкалья?

Четыре тысячи лет от дымных землянок той дикой, злой поры до веселых палаток и красного флажка археологического лагеря, что виднеются над кустами вон там, на взлобке.

Харприт Сингх Гилл, мальчик 15 лет. УТРО.

Рисунки детей Индии

Дети, как известно, — народ самый непосредственный и искренний. Вероятно, поэтому столько очарования в рисунках детей Индии. Юные художники очень тонко чувствуют цвет и ритм. В их незамысловатых композициях много правды жизни и национального своеобразия. Знакомство с их творчеством доставило зрителям, побывавшим в свое время на выставке рисунков детей Индии, радость и удовольствие.

Публикуем некоторые из этих работ.

Вот пейзаж 15-летнего Харприт Сингх Гилла «Утро». Любовно выписана фигурка землепашца, погоняющего буйволов. Хорошо переданы контрасты света и тени: солнечные лучи пробиваются сквозь тучи, разгоняя их.

У 13-летнего мальчика из Мадраса — У Расса — в пейзаже «Домой», романтическом и взволнованном, очень выразительны силуэты женщин на фоне угрюмых гор с громоздящимися над ними тучами.

Природу Индии, труд и жизнь простых людей — вот что главным образом изображают в своих рисунках индийские дети. И во всех своих работах они не только передают верные тонкие наблюдения, но и дают оценку увиденному.

С каким уважением, например, относится 14-летняя девочка из Дели, Канана Бхатт, к труду женщин-рыбачек! Сколько красоты в их движениях, сколько значительности и достоинства!

Глядя на другую сценку — «Женщины за работой» Камплеш Пури, — невольно вспоминаешь индийскую миниатюру: изящно и тонко выписа-

Канана Бхатт, девочка 14 лет. РЫБАЧКИ.

У Расс, мальчик 13 лет. ДОМОЙ.

Камплеш Пури, девочка 15 лет. ЖЕНЩИНЫ ЗА РАБОТОЙ.

Манмохар Мери, мальчик 14 лет. ТАНЦОВЩИЦЫ.

ны фигуры женщин, декоративны одежды, музыкальны линии.

Манмохар Мери в своей работе «Танцовщицы» сумел уловить и передать плавный ритм танца.

Несколько наивен по композиции рисунок Р. Лалиты «День независимости», но зато как ярки наряды людей, как радостны улыбки, освещающие их лица!

Певучесть линий, декоративность и в то же время цветовая гармония присущи вообще искусству Индии. Видимо, этот вкус к тонким цветовым соотношениям и изяществу линий складывается и у индийской детворы.

А. ВАСИЛЬЕВА

Р. Лалита, девочка 14 лет.
ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ.

ЖУРНАЛИСТЫ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

За последнее время советские журналисты много путешествуют по белу свету и в каждой стране открывают для своих соотечественников что-то новое, неизвестное или малоизвестное. Очерки, корреспонденции, заметки журналистов-путешественников, публикуемые на страницах газет и журналов, читатель встречает всегда с интересом. Перед нами три книжки журналистов: «Всюду друзья» — главного редактора газеты «Труд» Б. Буркова, «Утро Китая» — члена редколлегии «Известий» А. Распевина, «Вокруг Европы» — корреспондента газеты «Советская культура» Ник. Кривенко. Читаешь эти книги и вслед за их авторами как бы совершаешь увлекательное путешествие по многим странам.

Б. Бурков не случайно назвал свою книжку «Всюду друзья». Автор не претендует на сколько-нибудь полное описание тех стран, где ему довелось побывать. Цель его записок — познакомить нас с жизнью различных народов, рассказать о наших друзьях в Румынии и Финляндии, Франции и Китае, Югославии и Швеции. На страницах книги разные люди говорят о жизни и работе, о любви к первой в мире стране социализма. Закрывая книжку, хочется повторить слова автора: «Да, у советского народа друзья повсюду!».

А. Распевин в своей книжке «Утро Китая» ведет нас на рисовые поля, знакомит с деятельностью Юго-западного института национальных меньшинств; вместе с автором мы оказываемся в городе стали — Аньшане, городе автомобилестроения — Чанчуне, городе машиностроителей — Шэньяне, беседуем с теми, кто создает индустриальную мощь Китая, плывем по стремительной, многоводной реке Янцзы, заходим в Народный комитет Дацинской волости, попадаем в Шанхай, в политшколу капиталистов, где занимаются промышленники и торговцы, отсюда переносимся в города Ханчжоу, Порт-Артур, Дальний и, заканчивая путешествие, возвращаемся в Пекин.

Двадцать четыре дня путешествовал журналист Н. Кривенко с группой туристов, объехавшей на теплоходе «Победа» вокруг Европы. Много интересного увидели туристы на земле Болгарии, Греции, Италии, Франции, Голландии, Швеции. Н. Кривенко не только рассказывает об этом, но и показывает — впечатления журналиста удачно дополняют фотографии. Автор ведет нас по улицам Парижа и Рима, Амстердама и Стокгольма и свое повествование иллюстрирует картинками жизни, схваченными фотоаппаратом.

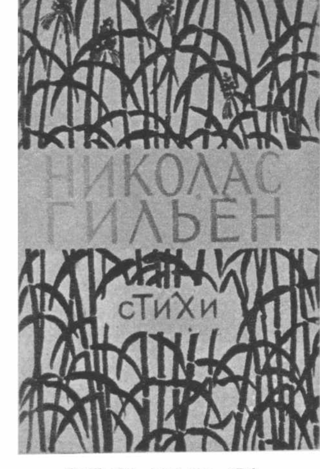
Следует пожелать издательствам уделять больше внимания оформлению книг журналистов-путешественников, находить место для фотографий, рисунков, карт. В этом отношении «Вокруг Европы» выгодно отличается от других книг. Несмотря на то, что в ней десятки фотографий и рисунков, она стоит дешевле, чем ее соседки по книжной полке.

В. БАРЫКИН

Б. Бурков. Всюду друзья. Госполитиздат. Москва. 1957. 120 стр.

А. Распевин. Утро Китая. Издательство «Известия». Москва. 1957. 86 стр.

Ник. Кривенко. Вокруг Европы. Госполитиздат. Москва. 1957. 96 стр.

ГОЛОС ГИЛЬЕНА

Миссионеры Соединенных Штатов именуют свою страну Америкой. Но Америка — это не только Соединенные Штаты, это гораздо больше. Родина Жоржи Амаду — Бразилия, Пабло Неруды — Чили, Диего Риверы и Сикейроса — Мексика. Маленькая Куба дала Америке Николаса Гильена. Без этих больших художников невозможно представить литературу и искусство американского континента. Именно устами своего национального поэта Гильена народ Кубы сказал в 1934 году:

— Мы хотим врезать в профиль Америки наши черты...

Тростник... Целые заросли сахарного тростника. Самое большое богатство народа Кубы и самое большое его несчастье. Сахарными плантациями владеют янки, работают — кубинцы.

Моя родина кажется сахарной,
но сколько горечи в ней!
Моя родина кажется сахарной,
она из зеленого бархата,
но солнце из желчи над ней.

У стихотворений Гильена завидная поэтическая судьба: их высоко ценят самые требовательные ревнители поэзии, а песни Гильена распевают грузчики Гаваны и негры на сахарных плантациях Кубы.

Новая книга стихов кубинского поэта, выпущенная только что Гослитиздатом, впервые так полно и многосторонне представляет творчество Гильена.

Голос его прозвучал в поэзии еще в 30-х годах. Поэт был тогда далек от политики, он еще не видел страданий народа. Но поэт страстно любил песни простых людей, задушевные негритянские мелодии. Стихи первой книги Гильена были написаны в ритмах «Сона» — народной танцевальной мелодии.

С годами поэт почувствовал «глубину трагедии» народа. И, однажды увидев ее, уже не мог не писать о страданиях зеленой Кубы.

Николас Гильен слагает не только песни, под которые, «может быть, и можно плакать, но плясать нельзя». У поэта есть песни, с которыми простые люди Кубы борются за свободу. Вот четыре строчки из «Хоровой песни», призывающей борцов в строй:

Если даже мы с вами умрем,
умереть — подумаешь, важность!
Плохо жить в своем доме под стражей,
плохо жить в своем доме рабом.

Песни Гильена вместили в себя целый мир человеческих чувств. Он поет и о мужественной любви народа к свободе и о самой нежной любви к золотистой мулатке, «что доверчиво прошла невдалеке». Он потрясает читателя в таких блестящих по форме стихотворениях, как «На реке Магдалене», «Чтобы видеть тебя...», «Волна воспоминаний», «Вечер, что просит любви».

А рядом с этим—стихотворения-гимны, стихотворения-прокламации, стихотворения-призывы: «Янки, убирайтесь домой!», «Колыбельная, чтобы разбудить маленького негра», «Кубинская элегия». Впервые переведена на русский язык «Элегия, посвященная памяти Хесуса Менендеса» — коммуниста, руководителя профсоюза рабочих сахарной промышленности на Кубе. Гражданский накал поэзии Гильена высок, потому что, как он сам говорит, «бесплоден поэт, который не в силах передать через лирику содержание манифеста или программы».

Артистически владея ритмами народной песни и многовековой культурой классического испанского романса, Гильен создает оригинальную, самобытную поэзию. Он отлично чувствует слово, прислушивается к его звучанию. «Я люблю ритм,— пишет поэт в обращении к советским читателям, предваряющем книгу,— ищу всегда наиболее точное слово, которое нельзя выбросить без того, чтобы не исчезла поэтичность стиха...»

Эта с любовью изданная книга оформлена художником Н. Шишловским. Переводы В. Журавлева, И. Эренбурга, О. Савича, А. Тверского и других доносят до русского читателя обаяние и силу стихов кубинского поэта.

В. ВОРОНОВ

Николас Гильен. Стихи. Перевод с испанского. Составление и общая редакция О. Г. Савича. Гослитиздат. Москва. 1957. 239 стр.

КТО АВТОР ПЕСНИ О РОДИНЕ?

«Вижу чудное приволье...» — так начинается песня, которая приобрела всенародную известность. Когда возникла песня, где она впервые была напечатана, кто ее автор, — все это было неизвестно...

В одном из малораспространенных журналов восьмидесятых годов прошлого века удалось обнаружить полный текст песни. Дата ее рождения — 1885 год. Автор — Феодосий Павлович Савинов, поэт из Вологды. Напечатана песня в небольшом журнале «Волна», издававшемся в Москве. Из журнала (№ 13, 1885 год) песня перешла в сборники.

Так началась вторая жизнь песни. Имя ее автора забыли, песня считалась народной. С таким определением печаталась она в песенниках, объявлялась по радио. За семьдесят с лишним лет своей жизни песня, как это теперь можно видеть, претерпела большие изменения. Сложился новый вариант, имеющий лишь отдаленное сходство с первопечатным текстом.

Достаточно беглого сравнения, чтобы увидеть сокращение текста: из восьми строф осталось три, переставлены строфы. Строфа, начинающаяся словами «Вижу горы», не имеет ничего общего с авторской редакцией. Изменены ритмический строй, некоторые слова, ослаблена рифма, на которой держится музыкальность и песенность всего стихотворения. За песней укрепилось краткое и точное заглавие «Родина», хотя в печатных публикациях следует, как нам кажется, воспроизводить и заглавие, данное автором, — «На родной почве».

К сожалению, нам неизвестно еще многое из жизни Ф. Савинова. Известно только, что в журнале «Волна» напечатаны и другие его стихи. Отдельным изданием вышли три книжки стихотворений Феодосия Савинова, не имеющие, впрочем, самостоятельного значения. Второе издание «Стихотворений» (Москва, 1900 год) включает интересующую нас песню под заглавием «Родное».

Любовь к отчизне, восхищение ее могучей природой, рождающей богатырей, — таков лейтмотив песни, пронизанной светом и солнцем. Законченность гармонии и мелодический строй песни свидетельствуют, как мне кажется, о том, что у нее должен отыскаться и композитор. Слово за исследователями музыкальной культуры прошлого.

М. СМОЛКИН,
кандидат филологических наук.

Ленинград.

Ф. П. САВИНОВ

НА РОДНОЙ ПОЧВЕ

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это русская сторонка,
Это родина моя...

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это русское раздолье,
Это русская земля...

Слышу песни хоровода,
Звучный топот трепака...
Это радости народа,
Это пляска мужика...

Уж гулять, так без оглядки,
Чтоб ходил весь белый свет!..
Это русские порядки,
Это дедовский завет!

Вижу дубы вековые,
А вон там сосновый бор...
Это признаки родные,
Это родины простор...

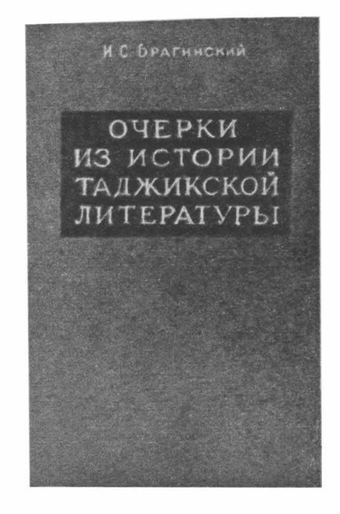
Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса...
Это русские картины,
Это русская краса...

Вижу всюду трепет жизни,
Где ни брошу только взор...
Это матушки-отчизны
Нескончаемый простор...

Снова духом оживаю,
Снова весел, счастлив я
И невольно ощущаю
В сердце мощь богатыря!..

Из истории таджикской литературы

Академия наук Таджикской ССР выпустила «Очерки из истории таджикской литературы» И. С. Брагинского. Книга состоит из трех основных разделов: фольклор, классическая литература и советская литература. Наиболее полно освещена автором классическая таджикская литература, творчество великих поэтов и мыслителей средневековья: Рудаки, Абуали Ибн Сины, Хафиза, Камола Худжанди, Абдуррахмона Джоми, — а также проза и поэзия нового времени.

Они будут МУЗЫКАНТАМИ

И. ВЕРШИНИНА, И. ТУНКЕЛЬ

Переполненные концертные залы Парижа и Лондона устраивают долгие овации советскому скрипачу Леониду Когану. В Исландии долго не смолкающими аплодисментами сопровождаются концерты советской пианистки и композитора Татьяны Николаевой. Скрипачи Игорь Ойстрах и Игорь Безродный покоряют и строгих судей жюри международных конкурсов и любителей музыки. Семнадцатилетние школьники Дмитрий Сахаров и Владимир Ашкенази становятся лауреатами международного конкурса пианистов имени Шопена. Зрители Большого театра рукоплещут дирижеру Геннадию Рождественскому... Этот перечень триумфов молодых музыкантов можно продолжить.

На разных языках, в различных частях света бесконечно слышится: «Какая техника, какая одаренность, какая школа!..»

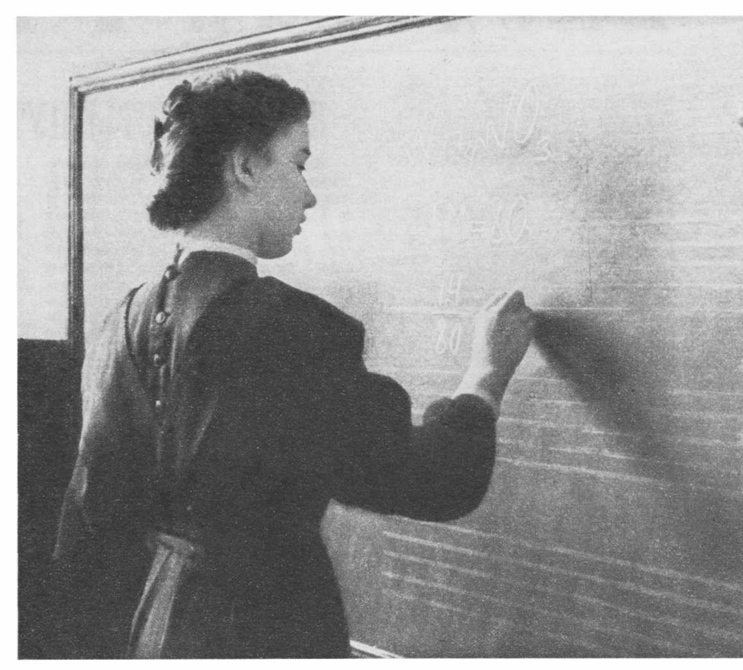
Какая школа? На этот вопрос мы постараемся дать точный ответ. Мы не будем рассказывать о всей советской музыкальной школе, заслужившей мировое признание. Мы покажем школу, в которой учились эти музыканты. Это Центральная музыкальная школа-десятилетка при Московской государственной консерватории.

Школьники соседних домов называют учащихся этой школы «ребята-лауреаты». Это, конечно, несколько преувеличено, но из 400 выпускников за 25 лет существования музыкальной школы 40 получили звание лауреатов всесоюзных и международных конкурсов. Каждый 10-й — лауреат! Но лауреатство — это уже итог, итог большого, старательного и упорного труда, труда и педагогов и учеников...

↑ Все 25 лет занимается в этой школе с будущими музыкантами Ираида Васильевна Васильева— первый ее директор.

← Очень важно подготовить для занятий удобное рабочее место. Первоклассница Лена Гилельс это уже усвоила.

Но, оказывается, не менее важно и хорошо знать химию. И хотя Ирина Смородинова, одна из лучших учениц фортепьянного отделения, готовит большую и трудную программу к предстоящему фестивалю, она неизменно занимается отлично и по общеобразовательным предметам. И этими знаками, размещенными сейчас на нотных линейках, она владеет столь же свободно и легко, как и другими.

Можно сказать, что уже с семи лет учащиеся овладевают будущей профессией. Ведь главная задача школы — подготовка одаренных ребят к поступлению в консерваторию. Готовится к консерватории и девятиклассник Александр Мельников, но вот факультет он пока не выбрал: юный скрипач увлечен и сочинением музыки. Он пишет ее в коротких паузах во время лыжного похода, на берегу реки после заплыва... Слушатели, заполнившие Большой зал консерватории, когда Саша исполнял там свое каприччио для скрипки, пришли к выводу, что перед ними настоящий композитор. Только молодежь употребляла при этом слово «законченный», ну, а те, кто постарше,— «начинающий».

Долго и тщательно отбирают педагоги самых одаренных из большой армии талантливой детворы. Об Алеше Наседкине Анна Даниловна Артоболевская услышала впервые от его отца — шофера такси. Вскоре шестилетний Алеша был принят в школу. К этому времени он уже был и «композитором». Теперь в классе А. Д. Артоболевской три Алеши: А. Любимов (первый слева), А. Головин, А. Наседкин.

«Делу время, потехе час». Но целый час можно отдать потехе только в пословице, а в жизни... Безжалостный звонок напоминает, что перемена окончилась.

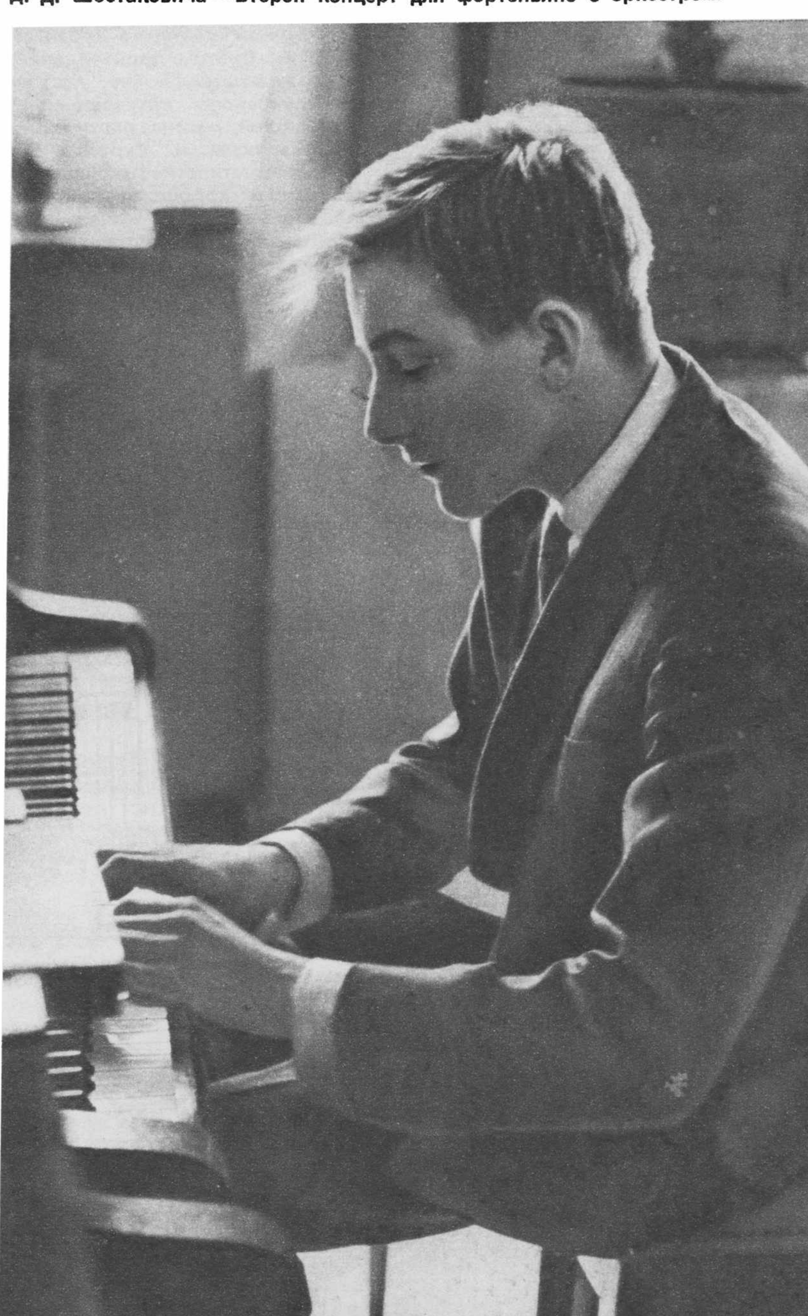

Урок ритмики. Педагог дал упражнение — под музыку читать мнимую книгу и в такт убивать комара. Каждый решает задание по-своему: Саша и Люба ловят комаров на себе, но Андрюша предпочитает расправляться с комарами, которые садятся на его товарищей.

Один из основателей и неизменных педагогов школы — народный артист СССР профессор Александр Борисович Гольденвейзер. Неустанно предостерегает он учеников от погони за личным успехом. «Мне хочется верить,— говорит он своим бывшим и нынешним ученикам,— что стремление к настоящим большим достижениям в искусстве будет все расти и моральный облик наших юных музыкантов будет все выше и выше...»

Ученик 10-го класса Максим Шостакович готовится к выпуску. Он будет исполнять впервые новое произведение своего отца Д. Д. Шостаковича — Второй концерт для фортепьяно с оркестром.

„Берлинский ансамбль"

Рудольф ГАРНИШ,
немецкий журналист

Рисунки Е. КЛЮЧЕВСКОЙ.

Елена Вейгель, руководитель «Берлинского ансамбля».

Композитор Ганс Эйслер.

Среди 66 театров, существующих ныне в Германской Демократической Республике, выдающееся место занимает «Берлинский ансамбль». Бессменным его руководителем со дня основания, в 1949 году, является лауреат Национальной премии Елена Вейгель, жена скончавшегося в 1956 году поэта Бертольта Брехта. Сам Брехт принимал деятельное участие в создании и художественной жизни ансамбля.

Представленное в ансамбле старшее поколение актеров еще в 20-х годах объединялось вокруг известного прогрессивного театрального деятеля Эрвина Пискатора или участвовало в так называемых агитационно-пропагандистских группах. «Берлинский ансамбль», хотя ему официально и не было придано никакой театральной школы, вырастил целую плеяду талантливых молодых актеров. В «Берлинском ансамбле» начинали свой творческий путь и известные ныне режиссеры Бенно Бессон, Петер Палиш, Кэте Рюлике.

Первый большой успех принесла ансамблю постановка пьесы Брехта «Матушка Кураж и ее дети». В этом произведении, показывающем войну как источник духовного опустошения многих людей, рассказана история жизни маркитантки Кураж. Участница Тридцатилетней войны, матушка Кураж хорошо зарабатывает только в походах. И ее желание — чтобы война затянулась. Но она теряет с нею своих детей.

За этот спектакль Елена Вейгель, играющая главную роль, и некоторые другие участники ансамбля были удостоены Национальной премии.

Выдающимися событиями в последующие годы оказались постановка пьесы М. Горького «Васса Железнова» и инсценировка по мотивам романа Горького «Мать», созданная Брехтом, а также появление на сцене ансамбля «Кремлевских курантов» Н. Погодина. Тепло встретил зритель здесь и произведение Брехта «Господин Пунтила и его раб Матти». С успехом идет в театре комедия английского драматурга начала XVIII века Джорджа Фаркера «Трубы и литавры», переработанная здесь.

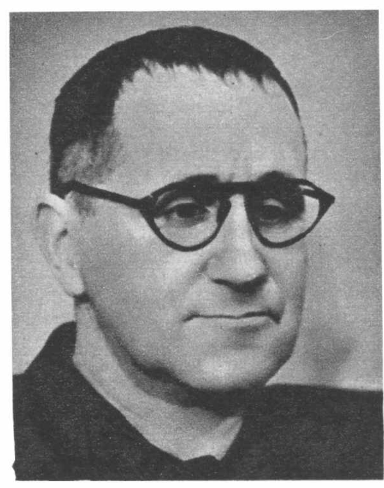
Ансамбль гастролировал по многим городам Германии, побывал за границей: выступал в Польше, Париже, Лондоне. Английская печать высоко оценила художественный стиль игры талантливого коллектива. Но в то же время чувствовалось, что один из гастрольных спектаклей, пьеса Фаркера, разоблачающая колониальную политику, задел некоторые круги английского общества. Ведь в зрительном зале лондонского театра рядом со многими прогрессивными людьми сидели представители того класса, который и теперь, вопреки интересам нации, намерен приносить в жертву кровавой колониальной войне сыновей английского народа.

Когда на сцене появляется некий английский офицер — вербовщик, приехавший в небольшой городок, чтобы набрать солдат для отряда, которому предстоит воевать ради интересов английских толстосумов, неизбежен отклик современного зрителя.

Совсем недавно на международном театральном фестивале в Париже «Берлинский ансамбль» показал два своих лучших спектакля — «Матушка Кураж и ее дети» и «Жизнь Галилея». В мае, когда будет проводиться месячник немецко-советской дружбы, коллектив приедет на гастроли в Советский Союз. В программе гастролей, кроме упомянутой уже комедии Дж. Фаркера и пьесы Брехта — «Кавказский меловой круг», «Добрый человек из Сезуана», «Жизнь Галилея».

«Кавказский меловой круг» — это пьеса о народной мудрости. Содержание пьесы таково: в средние века два селения на Кавказе поспорили из-за права владения землей в долине. Крестьяне одного из них, желая получить с этой земли высокие урожаи, намеревались ее обводнить, а другое селение хотело использовать ее лишь как пастбище для овец. Тогда-то спорщикам напомнили легенду.

Оказывается, в старые годы во время народного волнения служанка Груша взяла к себе ребенка правителя, чтобы спасти ему жизнь. Несколько лет спустя мать потребовала у Груши, чтобы та вернула ей ребенка. Завязался спор. Тогда судья Аздак поставил малыша в очерченный мелом круг и предложил обеим матерям тянуть дитя к себе. Жена губернатора стала тащить ребенка с такой силой, что едва не вырвала ему руки. А Груша отказалась от этой борьбы, пожалев свое дитя.

Бертольт Брехт.

Судья решает отдать ребенка Груше: ее любовь доказана.

«Детей отдайте матерям, которые их будут растить, возы — возчикам, которые сумеют на них хорошо ездить, а землю — тем, кто напоит ее водой», — так заключает Бертольт Брехт свою пьесу.

Анжелика Гурвич создает очень правдивый, живой образ женщины из народа — Груши. В роли Аздака выступает лауреат Национальной премии Эрнст Буш.

Буш играет главную роль и в пьесе «Жизнь Галилея», премьера которой состоялась в январе этого года в Берлине. Брехт написал своего «Галилея» в 1938—1939 годах, когда стало известно, что немецким физикам удалось добиться расщепления атома ура-

Эрнст Буш в роли Галилея. «Жизнь Галилея».

Герт Шефер в роли Федерзони. «Жизнь Галилея».

на. Обратясь к историческому сюжету, Брехт хотел напомнить современникам: реакция заинтересована в том, чтобы помешать разумному использованию великих научных открытий. Пьеса Брехта — это страстный призыв к деятелям науки буржуазного общества, сделанный с присущей поэту силой. Этот призыв перекликается с обращением к художественной интеллигенции М. Горького: «С кем вы, «мастера культуры»?

— С кем вы, ученые, владеющие тайной атома? — спрашивает поэт. — За кого вы? За торжество жизни или смерть?

В постановке «Жизнь Галилея» объединились таланты поэта и его друга композитора Ганса Эйслера, мастерство режиссера Эриха Энгеля и искусство актеров. Особенное впечатление оставляет исполнение Эрнстом Бушем роли Галилея. В его трактовке противоречивость характера Галилея раскрывается так тонко и художественно, что идейный смысл пьесы доходит до каждого в зрительном зале. И какой симпатией проникается зритель к этому лукавому человеку, равнодушному к тому, что о нем думают сенат и папы, и такому сердечному в обращении с простыми людьми!

Анжелика Гурвич в роли Сарти. «Жизнь Галилея».

Галилей предстает перед глазами зрителя сначала немощным и безвольным старцем, заставляя всех сомневаться в своей силе и моральных достоинствах. Мы видим каждый раз, как возмущен бывает зритель предательским «отречением» от своих взглядов, «чревоугодием» Галилея и как затем радуются и восторгаются все мудростью старика, стремящегося сберечь свой великий труд для человечества.

В ряде городов Западной Германии постановка пьес Бертольта Брехта была запрещена: городские власти явно не устраивает то, что поэт ясно и прямо проявляет свои симпатии к социализму. Зато в Геттингене (Западная Германия) коллектив местной театральной труппы поставил свои подписи под письмом Брехта к боннскому бундестагу с протестом против введения воинской повинности и ремилитаризации страны.

Произведения Брехта продолжают жить. И немалая роль в этом принадлежит постановкам «Берлинского ансамбля» — одного из лучших представителей современного немецкого сценического искусства.

ДРУЗЬЯМ ИЗ СВАНВИКА

В № 52 «Огонька» за 1956 год был опубликован очерк В. Московского «У северных соседей». Автор писал, что некоторые норвежцы упрекали советских военнопленных, находившихся в Норвегии, за то, что они не пишут письма своим друзьям в Осло, Тронхейме. «Обижались, конечно, дружески, но обида эта справедливая... — говорилось в очерке. — Речь-то идет о дружбе, скрепленной кровью!»

Редакция получила ряд писем от бывших советских воинов, находившихся в годы войны в Норвегии. Все они горячо благодарят своих норвежских друзей и направляют им свои письма. Одно из них мы публикуем.

Дорогие, незабываемые друзья из далекого по расстоянию, но близкого моему сердцу Сванвика!

Шлю вам горячий привет с наилучшими пожеланиями в вашей жизни, а самое главное — доброго здоровья. Сердечные приветы и добрые пожелания шлют вам все члены моей семьи и выражают вам искреннюю благодарность за ваш благородный поступок.

Прошло более двенадцати лет с того времени, как вы, презирая опасность, оказали мне помощь в тяжелые для меня минуты, но ничто не стерлось в моей памяти, и не забыты ваши дорогие образы. Да разве можно забыть? Никогда!

Встреча наша произошла при нескольких необычных обстоятельствах. Раненый, голодный, полузамерзший советский летчик шел в конце октября 1944 года по вашей земле с надеждой выбраться на Родину.

Скалистые сопки, горные реки были на моем пути. Я выбился из сил. Позади остались жаркий воздушный бой, спуск на парашюте с подбитого самолета под обстрелом «мессершмиттов-109», поединок с фашистским часовым. А что впереди? Смерть в болотных кочках, занесенных снегом? Это в лучшем случае. А в худшем — плен.

Собственно говоря, дальше я уже не шел, а каким-то чудом передвигался, зная, что, остановись хоть на секунду, — смерть. Впереди послышался гул моторов. Вооруженные наци на мотоциклах и автомобилях мчались в обе стороны по асфальтированной дороге. Я выполз на эту дорогу с единственным намерением — как можно дороже продать свою жизнь. Но вот вместо фар автомобиля я увидел за перелеском мерцающий огонек электрического фонаря и услышал шуршание шин велосипедов по асфальту. А через минуту в темноте передо мной выросли силуэты двух велосипедистов. Я остановил их.

— Норге! Норге! — услышал я слова незнакомцев, и от сердца у меня отлегло. Я понял, что это норвежцы. Этими норвежцами, которых я встретил в ту памятную ночь, оказались ты, дорогой Сигвард Ларшн, и твой спутник Биарие Педари.

Что произошло потом, никогда не забуду. Наци жгли что-то в вашем селе. Я как сейчас вижу их, освещенных пламенем, в касках и с автоматами в руках. В темную ночь по кустам вы провели меня незаметно от фашистов в квартиру Сигварда, накормили, обогрели, приютили, уложили в постель.

На рассвете к тебе, дорогой друг Сигвард, зашел Харальд Кнуцен — житель Сванвика, инженер с Киркенесского завода.

Я помню, как Харальд осмотрел мою рану, что-то сказал тебе, Сигвард, и ты скрылся за дверями, а через двадцать минут вернулся с лекарством и бинтом.

Весь день заходили в квартиру жители Сванвика, приносили мне еду, табак, сигареты, дружески жали руку. Вот зашла женщина с ребенком на руках. Я жалею, что не запомнил имя этой доброй женщины. Но имя ее сына Турика запомнил навсегда.

Турик! Ты уже теперь большой, вероятно, учишься в гимназии и не помнишь, как катал тебя русский дядя летчик «по кочкам». Посадил к себе на живот, подбрасывал и приговаривал: «По кочкам, по кочкам... По гладеньким дорожкам, по ухабам, по ухабам!» Твоя мама учила русского дядю норвежским словам, а когда он уезжал на родину, сказала: «Норвежский Турик и русский Валерик никогда не поднимут друг на друга руку, они будут вечными друзьями». Она имела в виду моего старшего сына, Валерия.

Каждый раз, когда я беру в руки трубку, выточенную из корня карельской березы, и раскрываю топографическую карту Сванвика и его окрестностей, я вспоминаю мужественного рыбака в широкополой шляпе, кожаной куртке и охотничьих сапогах. Прости меня, дорогой друг, что я забыл твое имя, но образ твой в моей памяти и моем сердце сохранился навсегда.

Дорогой друг, рыбак и охотник! Это ты помог мне восстановить по своей карте детальную ориентировку, ты информировал о приближающихся боях, ты показал русским минированный немцами берег озера, ты мне подарил карту, трубку и сказал:

«Пусть этот подарок напоминает тебе о нашей вечной, нерушимой дружбе!»

Дорогие друзья! До прихода наших войск вы укрывали меня от врага, кормили и лечили. И когда разведрота старшего лейтенанта Черепанова вошла в Сванвик, то первое, что вы сказали воинам Советской Армии, были слова: «Дет ер ен руссиск флюгер и Сванвик!» («В Сванвике русский летчик!») Вскоре я распрощался с вами и уехал к своим боевым друзьям.

Незабываема и вторая встреча с вами, когда я вместе со своими товарищами приехал к вам, чтобы отблагодарить за благородный поступок. Это было в феврале 1945 года.

Но с тех пор связь с вами прервалась. Я вам не писал ничего. Не писал, но думал и рассказывал своим близким о вас всегда. Каждый день, раскрывая свежие газеты, я ищу информации о Норвегии и читаю их с волнением. Очень переживал, когда узнал, что жителей Северной Норвегии постигло в прошлом году стихийное бедствие.

Как вы живете, мои дорогие друзья?

В одном из декабрьских номеров «Огонька» я прочел очерк «У северных соседей», и одно место в нем задело меня за живое. Норвежцы обижаются на русских друзей за то, что они не пишут им писем. Справедливая обида! К числу таких неблагодарных людей отношусь и я. И вот решил я вам написать это письмо; как у нас говорят, лучше поздно, чем никогда. Сами понимаете, после войны у всех дела было сверх головы, руки до писем не доходили.

Коротко о своей жизни за эти годы. В 1946 году по состоянию здоровья я был демобилизован из Советской Армии. Приехал жить на родину, в город Куртамыш, Курганской области. Вы, вероятно, помните мой рассказ о Челябинске. Так вот, примерно в двухстах километрах от Челябинска, на восток, моя родина. Куртамыш — небольшой городок, примерно такой же, как ваш Киркенес. У нас имеются две средние школы, педагогическое училище, сельскохозяйственный техникум, автошкола, профтехшкола, ремонтный завод, машинно-тракторная станция, промкомбинат, пищекомбинат и другие предприятия, выпускающие товары широкого потребления. Имеются Дом культуры, кинотеатры, несколько библиотек, Дом пионеров. После демобилизации государство установило мне пенсию, на которую я мог бы жить с семьей, не работая. Но я не захотел сидеть сложа руки и работал в областной газете «Красный Курган», а затем перешел на работу в районную газету. С 1955 года я нахожусь на пенсии. Советское правительство обеспечило мне хорошую квартиру, ежегодное лечение на курорте.

После войны у нас родилось еще двое детей. Старший сын, Валерий, учится в десятом классе, Маргарита — в восьмом классе, Надежда — во втором классе, а младший, Петр, ходит в детский садик. Жена Екатерина Ефимовна — учительница, но в связи с моей болезнью уже год не работает.

В письме всего не опишешь. Вот хорошо было бы, если бы вы приехали ко мне в гости. Не страшитесь расстояния, здесь не так уж далеко. От Киркенеса до Мурманска, а от Мурманска до Кургана не более пяти суток пути. В Кургане я вас встречу. Приезжайте, дорогие друзья. Как были бы рады все мы вам! Съездили бы на целинные земли — тут рядом, — и вы бы посмотрели хлебные поля, вдоль которых можно ехать на машине сутки и не видеть ни конца, ни края. Приезжайте. Тянет и меня к вам, в Сванвик, побродить по памятным местам. Тогда там русские военнопленные вместе с норвежскими патриотами, заключенными в концлагерях, корчевали кустарник и осушали болота, а теперь там у вас, я слыхал, государственное хозяйство. Интересно с ним познакомиться.

Ну вот, пока и все. Жму ваши дружеские руки, с приветом к вам

П. КОЧЕГИН.

Мой адрес: СССР, Куртамыш, Курганской области, Н. переулок, 7, Павлу Захаровичу Кочегину.

П. Кочегин. Карельский фронт. Октябрь 1942 года.

П. Кочегин с женой Екатериной Ефимовной и детьми.

Скульптура Пааво Нурми, установленная перед олимпийским стадионом в Хельсинки.

Нурми — рядом

В. ВИКТОРОВ

Олимпийский стадион в Хельсинки славится тремя достопримечательностями: семидесятитрехметровой башней, равной по высоте мировому рекорду копьеметателя Мати Ярвинена, спортивным музеем и скульптурой Пааво Нурми.

С высоты башни, куда вас поднимает лифт, виден не только весь город, но и далекие просторы Балтики; в музее перед вами раскрывается спортивная история Финляндии, которой гордится народ этой маленькой северной страны, а скульптура «великого финна», как называют многие бегуна Нурми, работы известного скульптора Вяйне Аалтонена, поражает своей выразительностью. Нурми стремится вперед широким, эластичным своим шагом, и его невозмутимое скуластое лицо четко вырисовывается на фоне неба.

До последнего времени не было, пожалуй, во всем мире спортсмена, столь популярного, увековеченного еще при жизни в «бронзе многопудья», спортсмена, беговую туфлю которого его поклонники искупали в расплавленном золоте. (Эту туфлю можно увидеть в Хельсинкском спортивном музее.) Впрочем, в этом нет ничего удивительного: Пааво Нурми является героем трех олимпиад: в Антверпене, Париже и Амстердаме.

Много интересных фактов насыщают спортивную биографию знаменитого бегуна, но наиболее яркие из них связаны с олимпийскими играми 1924 года в Париже. Пааво Нурми начал эти игры с того, что выиграл бег на 1 500 метров, легко оставив позади себя швейцарца Шерера и англичанина Сталларда. «Сталлард третьим пришел к цели, как приходят в вечность, без сознания... и был вынесен на доске, как герой на своем щите. Овации сопровождали его в этом печальном шествии к кабине. Он очнулся только полчаса спустя, а немного позже Нурми уже вступал в свой новый 5000-метровый пробег, который он взял, показав олимпийский рекорд. Таков Нурми».

Таков Нурми в описании автора книги об Олимпийских играх 1924 года Вилли Мейсля. Но в этой книге не описан еще один эпизод, связанный со славой Пааво Нурми.

Финский бегун намеревался также участвовать в борьбе за золотую медаль и на дистанции 10 тысяч метров, однако руководители команды не разрешили ему этого. Они обещали золотую медаль другому спортсмену — Вилле Ритоле. И Ритола победил. Он установил новый мировой рекорд — 30 минут 23,2 секунды. Но Нурми, неутомимый Пааво Нурми, демонстративно пробежал, не сняв тренировочного костюма, эту трудную дистанцию за 29 минут 50 секунд...

Только через пятнадцать лет другому финскому стайеру, Т. Мяки, удалось вслед за Нурми выйти из 30 минут. Но все же его официальный рекорд был хуже времени, показанного Нурми в Париже.

Таков был Пааво Нурми, носитель спортивной славы Финляндии, первым среди финских бегунов овладевший мировым рекордом в беге на 10 тысяч метров, после чего этот рекорд 27 лет улучшался только стайерами этой маленькой страны.

Таков был Нурми, которому первому удалось улучшить и мировой рекорд на 5 тысяч метров, после того как он десять лет бессменно принадлежал его старшему товарищу Колехмайнену. Он улучшил время Колехмайнена, и затем в течение двадцати лет этим рекордом владели только финские бегуны, ученики и наследники Пааво Нурми.

Но почему же надо довольствоваться общением с Пааво Нурми только в музее, если вы находитесь в городе, где этот человек живет и поныне? Эта простая мысль заставила нас открыть телефонную книгу и среди пятнадцати Пааво Нурми найти многократного олимпийского чемпиона.

И вот мы ждем его в вестибюле гостиницы, где нам назначена встреча. Каков же он сейчас, этот спортсмен, создавший целую эпоху в беге на длинные дистанции?

В последний раз его видели на стадионе в день открытия XV Олимпийских игр, когда он с олимпийским факелом в руках появился на беговой дорожке стадиона. Известно, что Нурми не стремится к встречам со спортсменами и журналистами. Даже после того, как в результате разгоревшейся борьбы между сильнейшими стайерами СССР, Чехословакии, Англии и Венгрии был окончательно положен предел рекордам финских спортсменов, Нурми ни разу не высказал своего мнения по поводу этих событий, которые не могли не интересовать его. Он оставался молчаливым, бесстрастным зрителем и тогда, когда успех Владимира Куца на XVI Олимпийских играх в Мельбурне сравнялся с триумфом его, Нурми, на VIII Олимпийских играх в Париже.

И вот он перед нами, невысокий человек в черном пальто и черной строгой шляпе. Как не похож он на обнаженного легкого атлета, стремящегося вперед со своего пьедестала, установленного перед олимпийским стадионом! И все же есть что-то общее у этого шестидесятилетнего человека и бегуна со скульптуры Аалтонена. Да, это Нурми! И вот мы сидим с ним и беседуем о делах давно минувших, сегодняшних и будущих.

Нурми рассказывает нам, что с беговой дорожкой он расстался после того, как не смог поехать на Олимпийские игры в Лос-Анжелос. Он хотел принять участие в марафонском беге, упорно готовился к нему, но был дисквалифицирован как профессионал. С тех пор Пааво Нурми больше не выходил на старт, однако до сегодняшнего дня по-прежнему является членом спортивного общества города Турку, честь которого он начал защищать в 1919 году.

— Знаете ли вы, чем занимаются сейчас ваши товарищи по спорту, вместе с которыми вы так долго сохраняли мировые рекорды в беге на 5 и 10 тысяч метров для своей родины?

— Да, знаю,— задумчиво говорит Нурми.— Старейший среди нас, Колехмайнен, — служащий спортивного тотализатора. Мяки работает продавцом в магазине вин. Ритола живет в Америке; он плотник на судостроительной верфи. Лехтинен, который в 1932 году побил мой рекорд на 5 тысяч метров, служит в полиции, а Хейно, последний финский рекордсмен мира в беге на 10 тысяч метров, чей результат в 1949 году побил Затопек, работает строительным мастером.

— Но где же наследники этих замечательных бегунов? Не обидно ли вам, что стайерский бег, который всегда был главным спортивным козырем Финляндии, теперь получил более широкое развитие в других странах?

Нурми оживляется, и в его глазах появляется блеск.

— Конечно, обидно,— говорит он.— Вы правы. Это интересный вопрос, и я не раз задавал его себе. Если вы хотите знать мое мнение, вот оно: слишком много видов спорта культивируется теперь в такой небольшой стране, как Финляндия. В наше время у нас занимались бегом, метанием копья, лыжами, борьбой, а теперь — чуть ли не всеми существующими видами спорта. Вот и стало меньше способных бегунов.

— Знакомы ли вы с вашими наследниками из других стран: Затопеком, Куцем, Пири?

— Нет, мне не приходилось с ними беседовать, хотя все они выступали на стадионах Финляндии,— говорит Нурми.— Но как зритель я с ними, конечно, знаком. Так в наше время никто не бегал. Мне удавалось легко побеждать, потому что у меня не было равноценных соперников, а теперешним стайерам приходится выдерживать ожесточенную борьбу друг с другом.

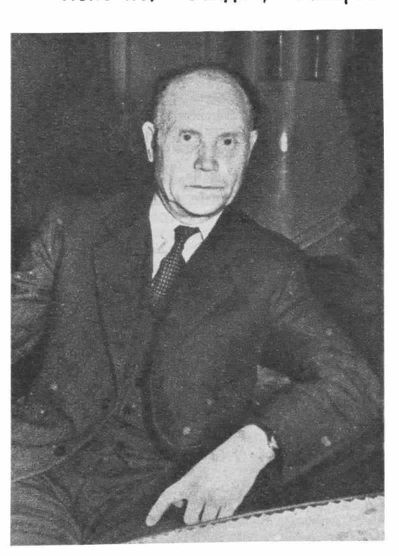
— В чем же, по-вашему, основные изменения, которые произошли в беге на длинные дистанции?

— Для того, чтобы ответить на этот вопрос, достаточно хоть раз увидеть на беговой дорожке Владимира Куца. Сразу ясно, как много времени и сил тратит он на тренировки. Вот почему его стиль отличается исключительной плавностью и красотой. Он мне немного напоминает бег одного из лучших стайеров Финляндии и моего главного соперника, Вилле Ритолы. Куц также с самых первых метров бежит по своему расписанию, и ему до последнего времени, так же как и Ритоле, не хватало сил для финишных метров. Ритола обычно и проигрывал мне на финише. Но теперь Куц добился многого, и после его победы над Пири в Мельбурне в беге на 5 тысяч метров я этого уже не взялся бы утверждать.

— Согласны ли вы с теми, кто считает, что теперь бег на 5 тысяч метров ближе к средним, а не к длинным дистанциям?

— Да, вполне согласен. И, может быть, именно потому, что современному стайеру нужна значительно бóльшая скорость, чем нам; я стал в последнее время увлекаться бегом на одну милю... конечно, как зритель,— добавляет с улыбкой Нурми.— Это замечательный бег, и он требует точнейшего расчета и высокого мастерства. Им надо заниматься нынешним бегунам на 5 тысяч метров. Впрочем, скорость бега стремительно растет и на дистанции в 10 тысяч метров. Как бы ни был высок мировой рекорд, установленный Куцем, я думаю, он долго не простоит. Да, если бы я был моложе на сорок лет,— добавляет со вздохом Нурми,— я бы знал, чтó мне делать. И это хорошо понимает Владимир Куц. Я считаю, что в тот день, когда он займется марафонским бегом (а это ведь неизбежно для каждого стайера), он покажет и здесь результаты, о которых сейчас не может никто и мечтать.

Наша беседа подходит к концу. Пааво Нурми все чаще поглядывает на часы; его ждут дела, которые все больше отвлекают его от былых юношеских увлечений спортом. И нам остается только одно — поблагодарить знаменитого бегуна, предшественника Эмиля Затопека и Владимира Куца.

Пааво Нурми.
Фото Б. Светланова.

Василий Смыслов—чемпион мира

Фото Н. Семенова.

В 1951 и 1954 годах Д. Бронштейн и В. Смыслов добились с Ботвинником ничейного результата. Ботвиннику надевали лавровый венок, а Д. Бронштейну и В. Смыслову говорили: «Молодцы, вы остались непобежденными». Конечно, это было им приятно слышать, но в душе все же было обидно. Оба они внешне скрывали, но втайне мечтали об одном: «Эх, еще разочек «добраться» бы до Ботвинника!»

Об этом мечтали многие, но добился осуществления этой мечты Василий Смыслов. Простым глазом легко было наблюдать, как на этот раз он начал борьбу с большой «спортивной злостью».

Сейчас, когда матч уже окончен и высказывания в печати не могут повлиять на настроение гроссмейстеров (во время матча это прозвучало бы как «подсказка»), можно подвести итоги: можно, например, сказать, что борьба началась для Ботвинника очень неудачно. Проигрыш первой партии считается «плохой приметой». Еще в 1927 году Х. Капабланка проиграл первую партию, и чемпионом мира стал, как известно, А. А. Алехин. Тогда счет был 6:3 в его пользу при 25 ничьих. Сейчас В. Смыслов также выиграл со счетом 6:3, сделав 13 ничьих.

О закончившемся матче можно рассказать много, можно написать целую книгу (что и будет сделано), но мне хочется отметить самые интересные моменты.

В матчевой борьбе теоретическая подготовка, репертуар дебютов имеют большое значение. В прошлом мы всегда видели хорошо теоретически вооруженного Ботвинника. В настоящем матче М. Ботвинник переживал явный кризис. Особенно не клеилась игра черными. В. Смыслов систематически начинал игру ходом королевской пешки. Ботвинник, играя черными, четыре партии проиграл. Дело дошло до того, что шахматисты шутили: «Смыслов играет 1.е2 — е4, и противник сдается».

Новый чемпион внимательно и тщательно готовился к матчу. Раньше его упрекали в узком дебютном репертуаре. В этом матче он был страшен, играя белыми. Играя же черными, ему часто и легко удавалось уравнивать шансы. Шла острая, упорная борьба. Много партий откладывалось. «Домашняя лаборатория» Ботвинника всегда славилась своей безошибочной, точной шлифовкой. На этот раз, как ни странно, при доигрывании Ботвинник допускал неточности и плохо реализовал в двух — трех случаях свои шансы. Это сказалось на спортивном ходе борьбы.

Самый характерный случай в этом отношении произошел в 17-й партии. Ботвинник считал позицию ничейной. Смыслов нашел выигрыш.

Если же В. Смыслов попадал в худшую позицию, он проявлял удивительное упорство и устойчивость в защите и максимально затруднял задачу Ботвиннику. Это упорство выматывало даже такого опытного бойца, как Ботвинник.

Тем не менее, до 15-й партии он вел борьбу с большим напряжением.

М. Ботвинник потерял свое звание чемпиона мира после 22-й партии. Фактически же он проиграл матч в период между 15-й и 17-й партиями. Причиной проигрыша являются, по-моему, не только поражения, но и, как это ни звучит парадоксально, две ничейные партии. Я имею в виду 9-ю, во время которой многие зрители покинули зал, считая победу чемпиона мира безусловной. Позже по радио они узнали, что Ботвинник «не попал в пустые ворота».

Большую спортивную и творческую неудачу Ботвинник потерпел и в 15-й партии, в которой Смыслов — без двух пешек! — сделал ничью. Вот эта неудача явилась, как казалось многим знатокам, переломным моментом. Ботвинник потерял уверенность, перестал верить в победу над Смысловым.

В 17-й партии Смыслов создал исключительно тонкий и поучительный эндшпиль и увеличил разрыв на два, а затем, в 20-й партии, на три очка. В конце матча против Смыслова сидел уже явно деморализованный противник, который примирился со своим поражением.

Ботвинник был в течение 9 лет чемпионом мира. На это звание большой спрос. Есть много желающих. Неудобство этого звания заключается в том, что к нему рано или поздно, но обязательно прибавляются три буквы: экс. Это сейчас случилось и с Ботвинником. Он свое высокое звание передал в руки высокоталантливого советского шахматиста, в достойные руки своего земляка.

Новый чемпион мира, Василий Смыслов, провел матч на большой высоте. Он играл явно лучше своего противника. Победа В. Смыслова совершенно заслуженна и закономерна. Только один раз, после 5-й партии, он отстал. В дальнейшем же на протяжении всей длинной дистанции был лидером и полным хозяином положения. Игра нового чемпиона мира ясна, кристально чиста и подкупает своей железной логикой. Играет В. Смыслов удивительно легко и уверенно: он почти не знает, что такое цейтнот. Я уже говорил о репертуаре В. Смыслова в дебюте. В середине игры он страшен в ведении атаки, превосходно строит прочную, крепкую шахматную оборону. В эндшпиле В. Смыслов издавна славится исключительно тонкой техникой. Если шахматист так превосходно владеет всеми тремя стадиями партии, то получается первоклассный шахматный мотор, действующий безотказно. Именно так работает яркий талант нового чемпиона мира.

В. Смыслов — спокойный шахматист. Еще в 1946 году в Гронингене его прозвали «спокойный рус». Если Смыслов сегодня на 11 лет постарел, то он и теперь производит такое впечатление. Это человек с железными нервами. Он делает ход и спокойно, как будто ему безразлично, что происходит на доске, гуляет по эстраде.

Очень многие болели за Смыслова. Его любят и уважают не только на Родине. Он побывал во многих странах Европы, был за океаном и всюду встречал друзей и поклонников.

Победа Смыслова дала лишнюю нагрузку отделению связи: непрерывно в течение нескольких дней поступает масса телеграмм. Адрес короткий: Москва, Смыслову.

Не все читатели знают, что у Смыслова, кроме шахмат, есть еще другое увлечение, другой талант. Он очень любит музыку, пение. Голос Смыслова слушали во многих странах мира. В Нью-Йорке он выступал на концерте после матча СССР — США. В этом же небольшом концерте выступал и Поль Робсон. В репертуаре Смыслова — русские песни, арии из опер. Недавно, на празднике встречи с советскими олимпийцами, И. Козловский «жаловался», что гроссмейстер хочет вытеснить его из Большого театра. Можно полагать, что Смыслов, «поющий чемпион мира», расширит свой репертуар. После такой победы можно петь веселые песни и арии. Если вы, уважаемые читатели, будете гулять по площади Восстания и услышите хороший голос, доносящийся с 11-го этажа высотного здания, знайте: это поет Василий Смыслов, человек с двумя талантами!

1957 год — это год Василия Смыслова. 24 марта ему исполнилось 36 лет, 27 апреля он «родился» как чемпион мира. К празднику Первого мая он получил титул чемпиона мира, лавровый венок, золотую медаль.

Вместе с большой группой выдающихся советских спортсменов В. Смыслов и М. Ботвинник награждены орденом Ленина.

В 1958 году шахматный мир будет отмечать 50-летие со дня смерти основоположника славной русской школы — М. И. Чигорина. Ему не удалось завоевать звание чемпиона мира, но мечты Чигорина сбылись: в 1927 году это звание завоевал А. Алехин, а в 1948 году — М. Ботвинник.

Теперь в шахматную историю вошло новое имя, Василия Васильевича Смыслова,— молодого представителя передовой советской шахматной школы. Не зря говорится, что шахматы в СССР — народная игра.

Большой матч окончен. Улеглись страсти болельщиков. Во время матча можно (даже надо!) болеть за того или иного гроссмейстера. Когда заканчивается соревнование, все любители шахмат входят в единую шахматную семью. Поэтому сегодня вся наша спортивная общественность аплодирует победителю — новому чемпиону мира. Аплодирует весь шахматный мир. Все желают Василию Васильевичу доброго здоровья и дальнейших успехов во славу советского шахматного искусства.

Трижды ура новому, седьмому в истории чемпиону мира!

Сало ФЛОР

ВСЕ РАВНО В НАШУ ПОЛЬЗУ...
Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО.

В РАКЕТЕ — НА МАРС

«Если придется советским ученым отправлять без экипажа ракету на Марс, то прошу послать меня в ней. Я не пожалею своей жизни для науки, раз это нужно на пользу и благо нашей Родины. Надеюсь, что моя просьба будет удовлетворена».

П. СОЗИНОВ

Молотовская область, город Коспаш, шахта № 41.

Читатель В. Чубуков из Калуги также пишет в редакцию: «Мне очень хочется, чтобы первый в мире полет на Марс был совершен из Советского Союза. Я готов в первой же ракете лететь на Марс».

В нашей стране самым драгоценным является жизнь человека, поэтому советская наука, несомненно, сделает все для того, чтобы первые полеты в космос и на планеты совершались без гибели людей, пожелавших отдать свои силы и знания для раскрытия тайн природы.

На современном уровне развития ракетной техники, а также знаний о космосе и планетах полеты космических ракет с людьми на Луну, Марс и Венеру пока не могут быть еще осуществлены. Но в наше время происходит бурное развитие таких новых и мощных отраслей техники, как автоматика и телемеханика, радиолокация, электроника, телевидение, техника полупроводников и техника радиотелеуправления. Новые научные и технические достижения открывают и новые пути для освоения межпланетного пространства и исследования планет. В 1957—1958 годах впервые будут запущены искусственные спутники Земли. В них, как известно, не будет людей, но они будут снабжены приборами для передачи по радио интересующих науку сведений о космическом пространстве.

Потом последуют полеты ракет на Луну, Марс и Венеру тоже без людей, радиотелеуправляемых с Земли. Посредством этих ракет можно будет доставить сначала на поверхность Луны прежде всего подвижные лаборатории-танкетки, оснащенные телевизионной и другой аппаратурой и управляемые по радио с Земли. Эти лаборатории помогут нам решить очень важную задачу: не отправляя в межпланетный полет смельчаков-одиночек, предоставить тысячам ученых вполне реальную возможность наблюдать у экранов специальных телевизоров и другой радиотелеаппаратуры все то, что происходит вдали от Земли, и таким образом изучить все необходимое для первых межпланетных путешествий людей.

Полеты радиотелеуправляемых ракет к далеким мирам можно осуществить гораздо раньше, чем полеты ракет с людьми.

Ю. ХЛЕБЦЕВИЧ,

председатель научно-технического комитета по радиотелеуправлению секции астронавтики, кандидат технических наук.

Подарок тибетцев

Этот снимок сделан в самолете, следовавшем по маршруту Пекин — Москва. Одним из пассажиров его была юная пантера по кличке Буяо (по-китайски — «Не хочу»). Ее везли из столицы Тибета Лхассы в Пражский зоологический сад в дар от тибетцев.

Во время путешествия Буяо поддерживала «светские взаимоотношения» со всеми пассажирами, независимо от их национальности и языка.

Без страха относилась к хищнику и молодая стюардесса, игравшая с пантерой, словно это была обыкновенная кошка.

Л. МАРКЕЛОВА

Скворечни

Фигурки из дерева — скворечни. Они хранятся в фондах Государственного Исторического музея. Сделаны они в прошлом столетии в Рязанской губернии. Деревенский скульптор-самоучка вырезал их из целых обрубков дерева и раскрасил в разные цвета.

Первая скворечня изображает карикатуру на сельского администратора. Одет он в пальто и картуз с большим козырьком, во рту трубка с длинным чубуком. На чубук садятся скворцы. Под носом отверстие, куда и залетают птицы.

Вторая — фигура крестьянки в платке и шушуне, из-под которого виден фартук. В руках она держит табакерку; на ней вырезано: «Панюхам».

М. АМШИНСКИЙ

Фото А. Хлебникова.

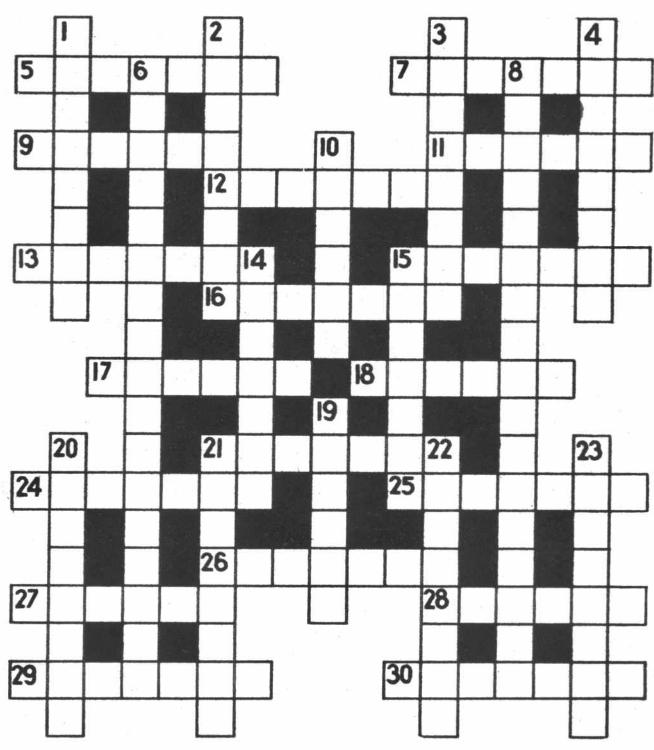
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Литературный кружок в России начала XIX века. 7. Город и порт в Ливане. 9. Холодное оружие. 11. Роспись стен водяными красками. 12. Пустыня в Чили. 13. Специалист по вождению судов, самолетов. 15. Частица атомного ядра. 16. Взрывчатая смесь. 17. Многолетнее травянистое растение семейства рутовых. 18. Новый химический элемент. 21. Слово, близкое по значению с другим словом. 24. Дополнительный тон. 25. Направление в литературе, искусстве. 26. Украинский композитор. 27. Представительница народа тюркской языковой группы. 28. Персонаж поэмы «Руслан и Людмила». 29. Жидкий нефтепродукт. 30. Единица измерения количества теплоты.

По вертикали:

1. Прибор для определения плотности жидкостей. 2. Драма М. Ю. Лермонтова. 3. Шаблон. 4. Пластинка-проводник. 6. Трансформатор с одной обмоткой. 8. Учреждение, представляющее чьи-нибудь интересы. 10. Полуостров Центральной Америки. 14. Сплав. 15. Геодезический прибор. 19. Музыкальный инструмент. 20. Часть оптического прибора. 21. Единодушие. 22. Бухгалтерская книга. 23. Избыток.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 18.

По горизонтали:

6. Иллюстрация. 8. Салон. 10. Прицел. 11. Клюква. 14. Удод. 16. Батарея. 17. Перу. 18. Моноплан. 19. Селектор. 21. Дева. 22. Бологое. 23. Весы. 26. Циндао. 27. Порфир. 28. Саади. 30. Коэффициент.

По вертикали:

1. Пловец. 2. Люкс. 3. Сталевар. 4. Баян. 5. Тигель. 7. «Предложение». 9. Твардовский. 12. Качалов. 13. Мелехов. 15. Диона. 17. Псков. 20. Молдавия. 24. Мартос. 25. Кожина. 28. Софа. 29. Илим.

УМБРА ЯДОВИТАЯ.

Рис. В. Соловьева.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин индийских художников и рисунков детей Индии, две страницы рисунков А. Пащенко и Б. Месропяна и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление Л. Шумана.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00795. Подписано к печати 2/V 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 455. Заказ № 1013.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Весна у берегов Татарского пролива.

Фото В. Немировского.

По таежным дорогам Охотского побережья.

Цена номера 3 руб.

Индийский художник
Мадан Лал Нагар
«ЗОЛОТО ЗЕМЛИ».